

**Редакционный совет научного журнала
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»**

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

- Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)
- Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)
- Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)
- А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)
- А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)
- А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)
- А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)
- С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)
- В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)
- Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)
- Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)
- Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)
- Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)
- П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)
- И. В. Силантьев чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)
- Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)
- Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)
- Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «Филология»

Ответственные редакторы

- О. Г. Щеглова канд. филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Л. Н. Синякова д-р филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

- М. С. Берендеева канд. филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционной коллегии

- Т. С. Борисова д-р филол. наук, PhD (Афинский национальный университет им. И. Каподистрии, Греция)
- Н. Н. Казанский академик РАН, д-р филол. наук, проф. (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия)
- Н. Б. Кошкарева д-р филол. наук, проф. (Институт филологии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. А. Лукьянова д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- И. А. Мельчук д-р филологии, проф. (Монреальский университет, Канада)
- Л. Г. Панин д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Э. Стергиопулу д-р филологии, проф. (Афинский национальный университет, Греция)
- П. Энгель д-р наук (Европейский центр по консервации книг и бумаги, Хорн, Австрия)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

- V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

- A. S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

- S. G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

- Kh. A. Amirzhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- B. Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)
- E. E. Voytishchik Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- T. Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)
- A. V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)
- A. E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)
- A. P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- J. Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)
- O. D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- G. E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)
- A. K. Kiklevich Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)
- S. M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)
- V. A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)
- Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)
- H. Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)
- H. Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)
- Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)
- P. Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)
- I. V. Silantev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)
- T. Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)
- Yu. V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “Philology”

Executive Editors

- O. G. Shcheglova Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- L. N. Sinyakova Doctor of Sciences (Philology), Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary

- M. S. Berendeeva Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- T. S. Borisova Dr Habil., PhD (National and Kapodistrian University of Athens, Greece)
- P. Engel Doctor of Sciences (European Research Centre for Book and Paper Conservation-Restoration, Horn, Austria)
- N. N. Kazanskiy Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Linguistic Studied of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation)
- N. B. Koshkareva Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- N. A. Lukyanova Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- I. A. Melchuk Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Montreal, Canada)
- L. G. Panin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- E. Stergiopoulou Doctor of Sciences (Philology), Professor (National University of Athens, Greece)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2023. Том 22, № 2: Филология

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание

- Руднев Д. В., Борисова Т. Ю.* Средства выражения разрешения в деловой речи XVIII века 9
- Яо Сун.* Особенности стиля писем епископа Феофана Затворника: лексический и фразеологический аспекты 21
- Панова Г. И., Кузьмина А. Е., Кравченко Н. Ю.* Функциональный потенциал адъективных словоформ в русском языке 30
- Алексеева А. А., Ли Цзиньхуа.* Истинностная оценка в комментариях интернет-пользователей к новостям о пандемии коронавируса SARS-CoV-2 42
- Сиями Эйдлак Х., Эстири М.* Обращения в русской и персидской лингвокультурах: сопоставительный аспект 50
- Дьячковский Ф. Н., Тазранова А. Р., Баярсайхан Б., Трофимова С. М., Попова Н. И.* Названия способов движения (аллюра) лошади в тюркских языках Сибири (в сопоставлении с монгольскими) 61

Литературоведение

- Крупенина М. И.* Вестники смерти в русской литературе (на материале романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и повести И. С. Тургенева «Несчастливая») 74
- Долженков П. Н., Цзинь Тяньхао.* О пейзаже в рассказе А. П. Чехова «Ионыч» 82
- Зусева-Озкан В. Б.* Рассказы М. А. Кузмина от лица женщины: проблема конструирования фемининности 90
- Павлова Л. В., Романова И. В.* Поэтика цвета «cattleya labiata» в лирике Владимира Набокова: данные словаря лексических комбинаций 98

Научная жизнь

<i>Проскурина Е. Н.</i> Международный литературный форум к 120-летию Гайто Газданова (Владикавказ, 16–17 сентября 2022 года)	109
--	-----

Рецензии

<i>Никитин О. В.</i> Лексикографическая эпопея: к 100-летию Института лингвистических исследований РАН	114
--	-----

<i>Колесникова Е. И.</i> Концептуализация трикстера в современном литературном процессе	121
---	-----

Информация для авторов	127
------------------------	-----

Список замеченных опечаток	128
----------------------------	-----

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2023, vol. 22, no. 2: Philology

CONTENTS

Linguistics

- Rudnev D. V., Borisova T. Yu.* Means of Expressing Permission in the Business Language of the 18th Century 9
- Yao Song.* Features of the Style of the Letters of Bishop Theophan the Recluse: Lexical and Phraseological Aspects. 21
- Panova G. I., Kuzmina A. E., Kravchenko N. Yu.* Functional Potential of Adjective Word Forms in Russian 30
- Alekseeva A. A., Li Jinhua.* Veracity Appraisal in the Internet Users' Comments on the News about SARS CoV-2 Pandemic 42
- Siami Eidlak Kh., Estiri M.* Appeals in Russian and Persian Linguistic Cultures: Comparative Aspect 50
- Diachkovskiy F. N., Tazranova A. R., Bayarsaykhan B., Trofimova S. M., Popova N. I.* Horse Gait Terms in Turkic Languages of Siberia (Compared to Mongolic Languages) 61

Literature

- Krupenina M. I.* Death Messengers in the Russian Literature of the 19th Century (On Tolstoy's Novel "Anna Karenina" and Turgenev's Story "The Unfortunate One") 74
- Dolzhenkov P. N., Jin Tianhao.* Concerning the Landscape in A. P. Chekhov's Short Story "Ionych" 82
- Zuseva-Özkan V. B.* Mikhail Kuzmin's Short Stories with the Female Voice: The Problem of Constructing Femininity 90
- Pavlova L. V., Romanova I. V.* The Poetics of Color "Cattleya Labiata" in the Lyrics by Vladimir Nabokov: Data from the Dictionary of Lexical Combinations 98

Scientific Life

<i>Proskurina E. N.</i> International Literary Forum Dedicated to the 120 th Anniversary of Gaito Gazdanov (Vladikavkaz, September 16–17, 2022)	109
--	-----

Reviews

<i>Nikitin O. V.</i> Lexicographic Epic: To the 100 th Anniversary of the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences	114
--	-----

<i>Kolesnikova E. I.</i> Conceptualization of Trickster in the Modern Literary Process	121
--	-----

Instructions to Contributors	127
------------------------------	-----

List of Typos	128
---------------	-----

Научная статья

УДК 811.161.1'373.6

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-9-20

Средства выражения разрешения в деловой речи XVIII века

Дмитрий Владимирович Руднев ¹
Татьяна Юрьевна Борисова ²

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Россия

¹ rudnevd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3264-9483>

² tyuborisova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2729-8321>

Аннотация

В XVIII в. происходили трансформация и обновление речевых средств деловой письменности, в том числе средств выражения императивности. В статье описаны средства выражения разрешения в XVIII в., выявлены их источники, изучена динамика и причины изменений. Унаследованные из допетровской деловой письменности средства выражения разрешения были практически полностью вытеснены к концу XVIII в., их место заняли разнообразные заимствования и семантические кальки из польского, немецкого, французского языков. Основные изменения произошли в период правления Петра I и Екатерины II, реформировавших под влиянием европейских идей не только систему управления страной, но и язык управления.

Ключевые слова

история деловой речи, XVIII век, Петр I, Екатерина II, модальность, императивность, разрешение, дозволение, заимствование, калька

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-012-00338 «Система средств выражения императивности в русском деловом языке XVIII века»). Руководитель проекта – д-р филол. наук Д. В. Руднев

Для цитирования

Руднев Д. В., Борисова Т. Ю. Средства выражения разрешения в деловой речи XVIII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 9–20. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-9-20

Means of Expressing Permission in the Business Language of the 18th Century

Dmitry V. Rudnev ¹, Tatiana Yu. Borisova ²

¹ The Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russian Federation

² National Research University “Higher School of Economics”
St. Petersburg, Russian Federation

¹ rudnevd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3264-9483>

² tyuborisova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2729-8321>

Abstract

Purpose. The aim of the article is to describe the system of means of expressing permission in the language of documents of the 18th century. On the basis of linguistic material extracted from collections of published documents, patterns of expression of permission and their dynamics during the 18th century are revealed.

© Руднев Д. В., Борисова Т. Ю., 2023

Results. In the time of Peter the Great, there was an activation of the means of expressing permission inherited from the previous era (constructions with the word *volya*, the predicative adverb *vol'no* and adjective *volen*), and at the same time new ways of expressing permission arose: the verbs *dozvolyat'sya*, *pozvolyat'sya* (polonisms), the phrase *ne zapreshchat'sya*. Later, new models remained in the Russian business language, and those inherited from the pre-Petrine business language mostly disappeared. Throughout the 18th century, there was a competition between the verbs *dozvolyat'sya* and *pozvolyat'sya*. In the Petrine era, the verb *moch'* also started to be used in documents, but its widespread use begins in the second half of the 18th century.

Conclusion. In the era of the reign of Catherine II, a new period of enrichment of the means of expressing permission began. European (most likely German) calques *imet' pravo*, *imet' vlast'*, *vlasten* appeared in the language, of which the calque *imet' pravo* turned out to be particularly productive.

A variety of models for expressing permission had different sources of origin and presented the idea of permission in different ways.

Keywords

history of business language, 18th century, Peter I, Catherine II, modality, imperativeness, permission, borrowing, loan translation

Acknowledgements

The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), the projects no. 20-012-00338 “The system of imperative means in the Russian official language of the 18th century”. Project supervisor – Dr. of Sci. (Philol.) D. V. Rudnev

For citation

Rudnev D. V., Borisova T. Yu. Means of Expressing Permission in the Business Language of the 18th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 9–20. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-9-20

Введение

Деловой речи присуща «стилевая окраска долженствования... в силу необходимости реализовывать основные регулировочные функции права» [Дускаева, Протопопова, 2016, с. 274]. Императивность (долженствующе-предписывающая окраска) деловых текстов не однородна, ее формируют три основных пласта лексики – с семантикой обязывания, разрешения и запрета, соответствующих трем способам правового регулирования, традиционно выделяемым юристами, – положительному обязыванию (предписанию), дозволению и запрету. Их соотношение между собой обычно обозначают следующим образом: «обязательно то, от чего не разрешено воздерживаться; обязательно всё, что запрещено не делать; разрешено то, от выполнения чего не обязательно воздерживаться; разрешено всё, что не запрещено; запрещено то, от чего обязательно воздерживаться; запрещено всё, что не является разрешенным» [Ивин, Никифоров, 1997, с. 81].

Под дозволением понимается «способ правового регулирования, заключающийся в предоставлении субъекту в очерченных законом рамках свободы выбора варианта поведения... <...> Будучи правовым явлением, оно имманентно включает в себя элемент императивности, т. е. уже содержит в себе некоторые ограничения. Дозволение очерчивает рамки свободы, внутри которых субъект волен поступать по своему разумению при условии, что он не посягает на свободу иных субъектов» [Игнатенкова, 2006, с. 9]. В современной юриспруденции активно изучается использование дозволения в разных отраслях права, однако вопросы языкового оформления дозволения юристами обычно не рассматриваются (см., однако, работу [Эйсман, 1972]).

Вопросы языкового воплощения дозволения затрагиваются лингвистами, изучающими выражение модальности в деловых документах (например, [Орлова, 2014; Ширинкина, 2018]). Кроме того, ряд важных наблюдений содержится в работах, посвященных изучению высказываний со значением разрешения, а также лексике со значением разрешения [Бирюлин, 1989; Шмелева, 1990; Хоанг Ань, 1993; Изотов, 1998; Шатуновский, 2000; Апресян, 2003; Гаврилова, 2006].

История становления средств выражения разрешения в русском деловом языке еще ждет своего исследователя. В отличие от средств выражения обязывания и запрета, которые изу-

чались, например, в работах [Соколова, 1952; Пичхадзе, 2010], они не становились темой специальных исследований. Предлагаемая статья в некоторой мере восполняет эту лакуну. Материалом для наблюдений послужили разнообразные документы XVIII в. (отчасти и предшествующего периода), извлеченные из опубликованных сборников документов.

Изложение материала разделено на три части: в первой части рассмотрены средства выражения разрешения, унаследованные из древнерусского и старорусского языка и их дальнейшая судьба, во второй и третьей частях – новации эпохи правления Петра I и Екатерины II.

1. Средства выражения разрешения в допетровской деловой речи

Разрешение, в отличие от запрета и обзывания, долгое время не имело устойчивых способов выражения в русском деловом языке и в целом выражалось в документах редко, чаще всего при помощи слова *воля*, используемого в качестве главного члена номинативного предложения:

...аже ли [купец] пропиеться или пробияеться, а в безумьи чюжь товаръ испортить, то како любо темъ, чии то товаръ, ждуть ли ему, а своя имъ *воля*, продаять ли, а своя имъ *воля* (Русская правда);

Ибо бѣ потому жѣ имъ [послам] ходити *воля*, куды кому надобе, чтобѣ хрестьянству на обе стороны просторъ былъ (Швед. д., 53. 1557 г.) (СРЯ XI–XVII, вып. 3, с. 19).

Этот способ выражения разрешения был утрачен к XVIII в.

В допетровский период слово *воля* для выражения разрешения использовалось также в составе устойчивых конструкций *дать волю*, *дать на волю*:

...и чтобѣ Государь его пожаловаль, велѣль ему *дати волю*. И на той Филиповой сказкѣ помѣта думного діака Григорья Львова, написано: 153 года Ноября въ 7 день указаль Государь *дати* ему *волю* (1644–1645 гг.) (АИ, т. 3, с. 497);

...а похотять [торговые люди] тѣ товары послѣ ярмонки сложить у города Архангелского въ анбары, и похотять тѣми товарами торговать у города послѣ ярмонки и корабельного отъ города походу, и то *дать* имъ *на волю*... (1679 г.) (АИ, т. 5, с. 69).

Употребление конструкций *дать волю* и – чаще – *дать на волю* продолжается на протяжении первой половины XVIII в.:

Всякую дворовую городьбу делать забором, и решедкою, и тыном, кроме колья и плетней, кто как хочет, в том *дать на волю*, а за Земляным городом *дать* во всякой городьбе *волю*, хотя кольем и плетнем (1728 г.) (Указы Екатерины I и Петра II, 1743, с. 344).

С начала XVIII в. эти конструкции стали употребляться и в пассивной форме *воля дается*, *на волю дается*. Не исключено влияние на их распространение иноязычных моделей типа *frei gelassen sein*. Например:

А о протчих товарах [кроме помянутых], также и о легкой юфти, которая за море не идет, *дается на волю*, кто куды похочет, туды повезет (1714 г.) (Указы Петра I, 1777, с. 14);

Ежели кто сам пожелает с деревень рекрут поставить в Санкт-Петербурге, и в том *дается воля*... (1741 г.) (ПСЗРИ, т. 11, с. 511).

Кроме того, отмечается употребление конструкции *оставляться на волю*:

...а достальные товары, опричь юфти ж, *оставляется на волю*, кому куда к российским портам сподобно, туда и отпускать, и о том во губернии указы посланы (1716 г.) (Указы Петра I, 1777, с. 66).

Употребление конструкции *дается* (вар. *отдается*) *на волю* изредка отмечается на протяжении всего XVIII в. и сохраняется в XIX в.:

При приеме мастера в управу *отдается на волю* ремесленному, имеет ли тот мастер внести и сколько денег в ремесленную казну... (1785 г.) (ПСЗРИ, т. 22, с. 375);

Ежели должникова имущества будет недостаточно для удовлетворения требований по хозяйственному инвентарию, то помещику *дается на волю*¹ требовать удовлетворения от конкурса (1816 г.) (ПСЗРИ, т. 33, с. 833).

В петровское время также отмечено употребление слова *воля* в составе оборота *да будет в воле*, который вскоре после смерти Петра I уходит из употребления:

...а ныне [родители] похотят по сему указу переделить, и то *да будет в их воле* (1714 г.) (Указы Петра I, 1777, с. 10).

Еще один способ выражения разрешения, унаследованный документами XVIII в. от предшествующей эпохи, – использование предикативного наречия *вольно*. Такой способ выражения разрешения встречается с конца XIV в., однако широкое употребление предикатива *вольно* начинается со второй половины XVI в., возможно, под влиянием польского языка:

...а *волно* ей [царице Александре] та своя вотчина, какъ по еѣ душу Богъ пошлетъ, отдати въ монастырь, по своей душѣ, въ которой она похочеть (1587 г.) (АИ, т. 1, с. 414);
...и имъ тое рыбу и рыбные запасы продавать *волно* же... (1653 г.) (АИ, т. 4, с. 183).

С конца XVI в. наряду с предикативом *вольно* начинает употребляться приставочный дериват *повольно* в том же значении разрешения:

...и опасная грамота къ тому часовнику съ нимъ послана, что приѣхать ему и назадъ отѣхать со всеми животы *повольно* безо всякого задержанья (1600 г.) (АИ, т. 2, с. 33).

Предикативные наречия *вольно* и *повольно* продолжали ограниченно использоваться в документах первой трети XVIII в.:

Ежели кадет поидет в службу воинскую и получит себе службою денги, на которые себе захочет купить деревни, дворы, или лавки, то ему *вольно* купить, однако ж по седми лет службы его (1714 г.) (Указы Петра I, 1777, с. 11);

Третье, на оное пороховое дело селитру, серу и прочие материалы покупать им, пороховым уговорщикам, самим *повольно*, где они приишут... (1725 г.) (Указы Екатерины I и Петра II, 1743, с. 130).

С петровского времени в деловом языке распространяется краткое прилагательное *волен* для выражения разрешения. Его использование в значении ‘обладающий властью, правом поступать по собственной воле’ известно уже в древнерусском языке – в начале в сочетании с предложно-падежной формой существительного «в + Пр. п.», позже также с инфинитивом:

...а вы *вольни* в князѣхъ (Новг. I лет., 197);
А *волна* ана ту свою вотчину продать и по души дать (Арх. Стр. I, 177. 1524 г.) (СРЯ XI–XVII, вып. 3, с. 17).

В петровское время употребление краткого прилагательного *волен* значительно расширяется:

Ежели которая девица возраста своего по осмнатцати летех у брата своего жить не похочет, то оная, взяв долю имения своего, отойти от него *вольна* при свидетелех же (1714 г.) (Указы Петра I, 1777, с. 7);
...однако ж кто похочет таких векселей у себя дале не держать, тот *волен* их изодрать или почернить, чтоб никакого впред соблазна к подлогам не было (1729 г.) (Указы Екатерины I и Петра II, 1743, с. 465).

Краткое прилагательное *волен* продолжало употребляться в деловых текстах на протяжении всего XVIII в., хотя этот способ выражения разрешения не относился к числу частотных:

...и конкурс *волен* оное [имение банкрота] продать или на аренду отдать для получения доходов по своему благоизобретению... (1800 г.) (ПСЗРИ, т. 26, с. 452).

2. Обновление средств выражения разрешения в петровскую эпоху

С петровского времени в качестве средств выражения разрешения известны глаголы *дозволить*, *позволить*, *допускать*, возвратные глаголы *позволяться*, *дозволяться*, *допускать-*

¹ В параллельном немецком переводе сочетанию *дается на волю* соответствует *es steht frei*.

ся, краткие страдательные причастия *дозволено, позволено, допущено*. Глаголы *дозволять(ся), позволять(ся), допускать(ся)*, вероятнее всего, являются полонизмами (*dozwolić, pozwolić, dopuszczać*).

Глаголы *дозволять, позволять* в качестве средств выражения разрешения использовались либо в качестве независимого или зависимого инфинитива, либо в составе формулы «его императорское величество (регламент и пр.) дозволяет / позволяет», либо в составе перформативного высказывания:

А после публикации сего указа у кого вышеписанные товары в привозе явятся, и оные им *позволить* назад отпускать в те ж места, откуда оные привезены будут сентября до 1 числа сего 1721 году (1721 г.) (Указы Петра I, 1777, с. 334);

И *позволяет* его царское величество коллегиям самим угодные способы о том... в доношение учинить (1720 г.) (ПСЗРИ, т. 6, с. 155).

Наблюдается отчетливая тенденция к употреблению этих глаголов в составе пассивных структур (*позволяться, дозволяться, дозволено, позволено*):

Того ради снизходя сему, *позволяется* делать на продажу позументы и ленты с золотом и серебром, только в Санктпетербурге, а нигде инде... (1718 г.) (Указы Петра I, 1777, с. 78);

...буде же о том судейском свойстве от истца или ответчика спору не будет, тогда *дозволено* оному судье то дело вершить по надлежащим указам без помешательства (1720 г.) (Указы Петра I, 1777, с. 213–214).

Видимо, под влиянием моделей *дать волю, дать на волю, дается воля, дается на волю*, а также, возможно, под влиянием немецкой модели, о которой говорилось выше, в петровское время возникают модели с глагольно-именным предикатом *дать позволение, дается позволение*:

...а ежели кто пожелает и более часа по полудни для отправления быть, и оным *дать позволение*... (1725 г.) (Указы Екатерины I и Петра II, 1743, с. 131);

...и в таком случае *дается* тем сторожам *позволение* неявленные товары брать себе безденежно, точию объявлять и платить пошлину в таможене... (1729 г.) (Указы Екатерины I и Петра II, 1743, с. 444).

Наконец, разрешение могло выражаться при помощи сочетаний *не запрещается, не запрещено*:

А самому его императорскому величеству под лишением чина и имени и под жестоким наказанием бить челом и подавать челобитныя *запрещено* (1725 г.) (Указы Екатерины I и Петра II, 1743, с. 125);

...ежели впредь которые люди духовныя писать будут в домах своих, в том им *не запрещается*... (1726 г.) (Указы Екатерины I и Петра II, 1743, с. 207).

Этот способ выражения разрешения отсутствовал в допетровских документах, но с петровской эпохи закрепляется в русском деловом языке. Возможность такого выражения разрешения связана с «оппозицией смыслов ‘можно’ – ‘нельзя’ (= ‘не можно’), лежащей в основе противопоставления разрешений и запретов», однако сочетание *не запрещать* соответствует «не очень определенному разрешению» [Апресян, 2003, с. 930]. Стоит добавить, что такой способ выражения разрешения, вследствие своей апофатической формы, лишен энергичности побуждения других способов выражения разрешения и лишь извещает адресата об отсутствии санкций за возможное действие.

Глаголы *дозволяться* и *позволяться* использовались на протяжении всего XVIII в., а затем и в XIX в. Для первой половины XVIII в. характерно преобладание глагола *позволяться*, наоборот, глагол *дозволяться* встречается в документах петровского времени очень редко и исключительно в форме *дозволено*. Не исключено, что отсутствие возвратного глагола *дозволяться* было обусловлено тем, что в его семантике, по сравнению с глаголом *позволять*, в большей степени была актуализирована агентивная сема, указывавшая на волю монарха, предоставлявшего разрешение на совершение действия. Между тем возвратная форма способствует «утрате представления о субъекте действия» [Там же, с. 931].

В 1750-е гг. употребление глагола *дозволяется* заметно расширилось:

...да и по определению Правительствующего Сената *дозволено* тем народам в их жилищах торговать беспошлинно... (1752 г.) (ПСЗРИ, т. 13, с. 689).

В екатерининскую эпоху глагол *дозволяться* доминирует в деловых текстах, вытесняя из употребления глагол *позволяться*:

...Буде обширность наместничества того требует, то *дозволяется* учредить в наместничестве более одного верхнего суда (1775 г.) (ПСЗРИ, т. 20, с. 243);

Буде кто не доволен решением городского сиротского суда, тому *дозволяется* перенос из городского сиротского суда в губернский магистрат... (1775 г.) (ПСЗРИ, т. 20, с. 262).

Глагол *позволяться* редок в текстах 1760–1770-х гг., но в 1780-е гг. его употребление расширяется:

Но как жителям тех городов необходимо нужны будут товары, служащие к пище и одежде, то *позволяется* в них иностранные товары выгружать без платежа пошлин... (1776 г.) (ПСЗРИ, т. 20, с. 386).

К концу XVIII в. его употребление заметно активизируется:

За отпускаемые же из государства нашего товары *позволяется* брать пошлину всякими российскими ходячими деньгами или банковыми ассигнациями... (1796 г.) (ПСЗРИ, т. 23, с. 937).

В современном деловом языке одним из основных способов выражения разрешения является глагол *мочь*. В петровскую эпоху он с этой целью используется редко:

Кто же похощет другаго часть взять, оный без всякаго размышления от товарища своего *может* убит быть² (1716 г.) (ПСЗРИ, т. 5, с. 350–351).

Значение разрешения в глаголе *мочь* было нечетко отделено от значения внутренней возможности, ср.:

...а имянно: три дни идти, а четвертой иметь растгаг, или отдыхание, в которой день *может* каждой попорченной мундир починить, платье перемыть и обсушиться... (1719 г.) (Указы Петра I, 1777, с. 154).

По-видимому, этот способ разрешения не был типичен для допетровского делового языка. Так, употребление глагола *мочь* с разрешительной семантикой не фиксируется в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (СРЯ XI–XVII, вып. 9, с. 282). Не исключено, что такое использование в XVIII в. стало результатом семантического калькирования нем. *können*, который может употребляться в значении ‘dürfen’ (‘быть вправе’).

Расширение употребления глагола *мочь* для выражения разрешения происходит в екатерининскую эпоху:

Всяк услужения или работы ищущий безопасно прийти *может* к маклеру ради записания своего имени и желания (1782 г.) (ПСЗРИ, т. 21, с. 477).

К концу века этот способ выражения разрешения является уже вполне сформированным:

В дождливую погоду часовые *могут* держать ружье от дождя, а караул *может* повесить ружья под навес или вносить в караульню (1796 г.) (ПСЗРИ, т. 24, с. 69).

3. Обогащение средств выражения разрешения в екатерининскую эпоху

В екатерининскую эпоху система средств выражения разрешения обогащается за счет европейских калек *иметь право* (нем. *Recht haben*; фр. *avoir le droit*), *иметь власть* (нем. *Gewalt / Macht haben*; фр. *avoir le pouvoir*), *властен* (нем. *berechtigt, befugt, bevollmächtigt*; фр. *autorisé*):

...Тогда земский исправник *имеет право* поступать, как о неисправных плательщиках в уставе казенной палаты написано (1775 г.) (ПСЗРИ, т. 20, с. 242);

² В параллельном немецком переводе ...so *kann derselbe von seinen Cameraden dafür ums Leben gebracht werden*.

...Дворянская опека *власть имеет* избирать опекунов к имению и к особе малолетняго... (1775 г.) (ПСЗРИ, т. 20, с. 247).

Оба способа выражения разрешения закрепляются в русском деловом языке XVIII–XIX вв. Особенно широко распространилось сочетание *иметь право*, причем слово *право* могло употребляться в составе других глагольно-именных оборотов – *терять право, теряется право, дать право, дается право, предоставляется право, пресекается право, приобретать право* и т. д. (частично, видимо, калькированных; ср.: *donner / garder / obtenir / perdre / reserver etc. le droit, das Recht gewähren / behalten / verlieren*):

...и истец, и ответчик *теряют право* возобновлять впредь о том просьбу во всяком судебном месте... (1775 г.) (ПСЗРИ, т. 20, с. 279);

...городам именным указом мая 3 дня 1783 года *предоставлено право* продажи вина в пользу городов... (1790 г.) (ПСЗРИ, т. 23, с. 123);

...таковому [болевшему] *дается право*, по получении выздоровления, просить о вступлении по-прежнему в службу, в которую, по рассмотрении представленных доказательств, и принимаемы быть могут (1794 г.) (ПСЗРИ, т. 23, с. 493).

В числе новых средств в документах екатерининского времени следует отметить модальный оператор *властен*:

Городничий *властен* подтвердить единожды о прилежнейшем смотреии каждому хозяину, чтоб крайняя везде осторожность наблюдаема была в домах от огня и пожара (1775 г.) (ПСЗРИ, т. 20, с. 259).

Вероятнее всего, *властен* – калька с нем. *befugt, berechtigt* и/или фр. *autorisé* (см. (Rodde, 1784, S. 76, 458; Родде, 1784, с. 21)). Модальный оператор *властен* с самого начала обладал торжественной окраской и не имел широкого распространения в деловых текстах. Он использовался до середины XIX в., а далее теряет продуктивность. В двуязычных документах XVIII–XIX вв. (например, в международных договорах) он соответствовал фр. *être en droit, avoir le pouvoir*, нем. *befugt / ermächtigt sein, Recht haben*.

Появление при Екатерине новых средств выражения разрешения следует рассматривать не только в контексте русских заимствований из европейского права, но и как развитие дозволения как способа правового регулирования.

При Екатерине II в целом увеличивается частотность употребления средств выражения разрешения в связи с усилением в европейском праве представления о дозволении как важном средстве, способном гармонизировать частные и публичные интересы, воспитать общество и его членов, заинтересовать и побудить членов общества занять активную позицию [Игнатенкова, 2006, с. 15–17].

Заключение

В течение XVIII в. в ходе масштабных государственных преобразований формируется современная система языковых средств выражения разрешения. Часть средств оказалась относительно недолговечной и довольно быстро ушла из употребления (*имеет власть, властен*). За пределами рассматриваемого периода, уже в первой трети XIX в., формируются модальные слова *разрешается, вправе* (последнее является французской калькой *être en droit*).

В петровское время происходит, с одной стороны, активизация средств выражения разрешения, унаследованных из предшествующей эпохи, – моделей на основе существительного *воля* и производных от него предикатива *вольно* и прилагательного *волен*. Наиболее долговечными из этих средств оказались те, которые использовались в двусоставном предложении в качестве вспомогательной части составного глагольного сказуемого (*дается воля, дается на волю, волен*). Те модели, которые оформляли разрешение в рамках односоставного предложения (*дать волю, вольно, повольно*), достаточно быстро уходят из употребления.

С другой стороны, в петровское время появляются три новые модели выражения разрешения – глаголы *дозволяться, позволяться*, сочетание *не запрещаться*. Первые два глагола являлись заимствованиями из польского языка. Их использование в XVIII в. имело продук-

тивный характер, причем глаголы *дозволяться* и *позволяться* конкурировали на протяжении этого периода. С петровской эпохи начинается использование глагола *мочь* (возможно, семантической кальки *können*), однако его более или менее широкое употребление начинается во второй половине XVIII в.

Во второй половине XVIII в., во время царствования Екатерины II, наступает новый период обогащения средств выражения разрешения. В языке появляются европейские (вероятнее всего, немецкие) кальки типа *иметь право*, *иметь власть*, *властен*, из которых особенно продуктивным оказался оборот *иметь право*.

Пестрота и полиномия средств выражения разрешения в русском деловом языке XVIII в. была обусловлена разными обстоятельствами. Во-первых, язык не имел устойчивой системы средств выражения разрешения в документах в связи с редкостью выражения этого значения. Во-вторых, происходило серьезное воздействие иноязычных моделей выражения разрешения в языке XVIII в. – сначала польских, позже немецких, французских. Языковые модели, влиявшие на русский деловой язык, указывают на каналы поступления идей Просвещения, которые менялись при разных императорах. В-третьих, наконец, разные модели по-разному представляли идею разрешения: одни из них содержат указание на источник власти и исходящее от него дозволение (*Х дозволяет / позволяет*, к этой модели восходят пассивные по происхождению формы *дозволяется / позволяется*), другие – на отсутствие запрета (*не запрещается*), третьи – на наличие у адресата волеизъявления полномочий для самостоятельного действия (*имеет право / власть, волен, властен, может*). С течением времени последняя модель становится основной, оттесняя две другие модели на периферию.

На протяжении XVIII в. шел процесс постепенного вытеснения в деловых текстах односоставных моделей предложения двусоставными, что отчасти было обусловлено влиянием иноязычных моделей, а отчасти – становлением нового представления о государстве как безличной машине. В двусоставных императивных предложениях позицию грамматического субъекта занимает адресат волеизъявления (*Х может сделать = Y дает X-у возможность / свободу / право / полномочия сделать*), т. е. адресат императивного действия представлен как его источник, что хорошо соответствует модели государства-механизма, где человек представлен в качестве ее детали. Такая модель была главенствующей в представлении властных отношений в государствах просвещенного абсолютизма (см., например, [Stollberg-Rilinger, 1986]).

В XVIII в. выражение разрешения в документальных текстах представлено гораздо шире, чем в допетровскую эпоху. Во-первых, это связано с тем, что сфера документирования с Петра I становится гораздо шире. Во-вторых, появляется целый пласт документов (регламенты, уставы, инструкции и пр.), в которых приходилось указывать не только на обязанности, но и на права участников деловой коммуникации. В-третьих, с екатерининской эпохи ощущается отчетливое стремление властей расширить сферу применения диспозитивных способов правового регулирования, к числу которых относилось дозволение. Таким образом, участники «регулируемых государством» отношений в целом ряде случаев могли восприниматься как соучастники верховной власти в деле управления страной, несущие ответственность за принятые ими решения в рамках дозволенных полномочий.

Список литературы

- Апресян Ю. Д.** Словарная статья глагола *разрешать* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.: ЯСК, 2003. С. 930–935.
- Бирюлин Л. А.** Разрешение в системе прескриптивных значений // Взаимосвязь лексики и грамматики: Сб. науч. тр. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1989. С. 31–39.
- Гаврилова Е. А.** Прототип как стимул воздействия на семантические типы речевого жанра «Разрешение» // Вестник Чуваш. ун-та. 2006. № 4. С. 471–475.

- Дускаева Л. Р., Протопопова О. В.** Официально-деловой стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. 3-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2016. С. 273–277.
- Ивин А. А., Никифоров А. Л.** Словарь по логике. М.: ВЛАДОС, 1997. 384 с.
- Игнатенкова К. Е.** Дозволение как способ правового регулирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 26 с.
- Изотов А. И.** Разрешение как побудительный речевой акт // Язык, сознание, коммуникация / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Диалог-МГУ, 1998. С. 97–100.
- Орлова Н. В.** Модальность и тональность современных документов с предписывающей функцией // Вестник Ом. ун-та. 2014. № 4. С. 188–193.
- Пичхадзе А. А.** Средства выражения императивной и оптативной семантики в древнерусских и старорусских прескриптивных памятниках // Вопросы языкознания. 2010. № 5. С. 14–24.
- Соколова М. А.** Выражение волеизъявления в русских бытовых и деловых памятниках XVI века // Учен. зап. ЛГУ. 1952. № 161. С. 52–79.
- Хоанг Ань.** Высказывания со значением разрешения и запрещения в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 22 с.
- Шатуновский И. Б.** Речевые акты разрешения и запрещения в русском языке // Логический анализ языка: Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 319–324.
- Ширинкина М. А.** Регламентирующие документы исполнительной власти в аспекте тональности (сопоставительно с директивными) // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 120–130.
- Шмелева Е. А.** Разрешение и запрещение как побудительные речевые акты // Функционально-типологические аспекты императива. Ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений. М.; Л.: Ленингр. отд-ние Ин-та языкознания, 1990. С. 66–71.
- Эйсман А. А.** Вопросы структуры и языка уголовно-процессуального закона // Вопросы борьбы с преступностью. 1972. Вып. 15. С. 71–99.
- Stollberg-Rilinger B.** Der Staat als Maschine. Zur politischen Metaphorik des absoluten Fürstentums. Berlin, Duncker & Humblot, 1986, 308 S.

Список источников и словарей

- АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею: В 5 т. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841–1842.
- ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб.: Тип. 2-го отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 1–45.
- Родде Я. М.** Российской лексикон по алфавиту изданный Яковом Родде секретарем и переводчиком при Магистрате российско императорского города Риги. Рига: в Иогана Фридриха Гарткноха [!], 1784. 418 с.
- СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука; СПб.: Нестор-История, 1975–2019. Вып. 1–31.
- Указы Екатерины I и Петра II – Указы блаженные и вечнодостоинныя памяти великой государыни императрицы Екатерины Алексиевны и государя императора Петра Второго состоявшиеся с 1725 генваря с 28 числа по 1730 год. Напечатаны по указу всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссийской. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1743. 538 с.
- Указы Петра I – Указы блаженные и вечнодостоинныя памяти государя императора Петра Великого самодержца всероссийского состоявшиеся с 1714, по кончину его императорского величества, генваря по 28 число 1725 году. Напечатаны по указу всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрицы Анны Иоанновны самодержицы всероссийской. Печатаны третьим тиснением. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1777. 1096 с.

Rodde J. M. Deutsch-Russisches Wörterbuch ausgegeben von Jacob Rodde Secretair und Translateur Eines Hochedlen Rathes der Russischen Kaiserlichen Stadt Riga. Riga, bey Johann Friedrich Hartknoch, 1784, 758 S.

References

- Apresyan Yu. D.** Slovarnaya stat'ya glagola *razreshat'* [Dictionary Entry of the Verb *razreshat'* 'to allow']. In: Apresyan Yu. D. (ed.). *Novyi ob'yasnitel'nyi slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2003, pp. 930–935. (in Russ.)
- Biryulin L. A.** Razreshenie v sisteme preskriptivnykh znachenii [Permission in the System of Prescriptive Values]. In: *Vzaimosvyaz' leksiki i grammatiki* [Interrelation of Vocabulary and Grammar]. A Collection of Scientific Papers. Kalinin, Kalinin State Uni. Press, 1989, pp. 31–39. (in Russ.)
- Duskaeva L. R., Protopopova O. V.** Ofitsial'no-delovoi stil' [Formal Business Style]. In: Kozhina M. N. (ed.). *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language]. 3rd ed. Moscow, Flinta, Nauka, 2016, pp. 273–277. (in Russ.)
- Eisman A. A.** Voprosy struktury i yazyka ugolovno-protsessual'nogo zakona [Questions of the Structure and Language of Criminal Procedure Law]. *Voprosy bor'by s prestupnost'yu* [Anti-Crime Issues], 1972, iss. 15, pp. 71–99. (in Russ.)
- Gavrilova E. A.** Prototip kak stimul vozdeistviya na semanticheskie tipy rechevogo zhanra "Razreshenie" [The Prototype as a Stimulus for Influencing the Semantic Types of the Speech Genre "Permission"]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2006, no. 4, pp. 471–475. (in Russ.)
- Ignatenkova K. E.** Dozvolenie kak sposob pravovogo regulirovaniya [Permission as a Way of Legal Regulation]. Abstract of Cand. Leg. Sci. Diss. Saratov, 2006, 26 p. (in Russ.)
- Ivin A. A., Nikiforov A. L.** Slovar' po logike [Dictionary of Logic]. Moscow, VLADOS Publ., 1997, 384 p. (in Russ.)
- Izotov A. I.** Razreshenie kak pobuditel'nyi rechevoi akt [Permission as an Incentive Speech Act]. In: Krasnykh V. V., Izotov A. I. (eds.). *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Moscow, Dialog-MGU Publ., 1998, pp. 97–100. (in Russ.)
- Khoang An.** Vyskazyvaniya so znacheniem razresheniya i zapreshcheniya v sovremennom russkom yazyke [Utterances with the Meaning of Permission and Prohibition in the Modern Russian Language]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 1993, 22 p. (in Russ.)
- Orlova N. V.** Modal'nost' i tonal'nost' sovremennykh dokumentov s predpisyvayushchei funktsiei [Modality and Tonality of Contemporary Documents with Prescriptive Function]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University], 2014, no. 4, pp. 188–193. (in Russ.)
- Pichkhadze A. A.** Sredstva vyrazheniya imperativnoi i optativnoi semantiki v drevnerusskikh i staroruskikh preskriptivnykh pamyatnikakh [Expression of the Imperative and Optative Values in the Old and Middle Russian Prescriptive Documents]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], 2010, no. 5, pp. 14–24. (in Russ.)
- Shatunovsky I. B.** Rechevye akty razresheniya i zapreshcheniya v russkom yazyke [Speech Acts of Permission and Prohibition in Russian]. In: *Logicheskii analiz yazyka: Yazyki etiki* [Logical Analysis of Language. Languages of Ethics]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 319–324. (in Russ.)
- Shirinkina M. A.** Reglamentiruyushchie dokumenty ispolnitel'noi vlasti v aspekte tonal'nosti (sopostavitel'no s direktivnymi) [Regulatory Documents of the Executive Power in the Aspect of Tonality (Compared to Directory Ones)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2018, no. 1 (67), pp. 120–130. (in Russ.)

- Shmeleva E. A.** Razreshenie i zapreshchenie kak pobuditel'nye rechevye akty [Permission and Prohibition as Incentive Speech Acts]. In: Funktsional'no-tipologicheskie aspekty imperativa. Ch. 2. Semantika i pragmatika povelitel'nykh predlozhenii [Functional-Typological Aspects of the Imperative. Part 2. Semantics and Pragmatics of Imperative Sentences]. Moscow, Leningrad, Leningrad Branch of the Institute of Linguistics Publ., 1990, pp. 66–71. (in Russ.)
- Sokolova M. A.** Vyrazhenie voleiz'yavleniya v russkikh bytovykh i delovykh pamyatnikakh XVI veka [Expression of Will in Russian Everyday and Document Texts of the 16th Century]. *Uchenye zapiski LGU [Proceedings of the Leningrad State University]*, 1952, no. 161, pp. 52–79. (in Russ.)
- Stollberg-Rilinger B.** Der Staat als Maschine. Zur politischen Metaphorik des absoluten Fürstenstaats. Berlin, Duncker & Humblot, 1986, 308 S.

List of Sources and Dictionaries

- Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissieyu [Historical Acts Collected and Published by the Archeographic Commission]. In 5 vols. St. Petersburg, Printing house of the Expedition of Storing State Papers, 1841–1842. (in Russ.)
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie pervoe: s 1649 po 12 dekabrya 1825 goda [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection. From 1649 to December 12, 1825]. St. Petersburg, Printing house of the 2nd department of His Imperial Majesty's own Chancellery, 1830, vol. 1–45. (in Russ.)
- Rodde J. M.** Rossiiskoi leksikon po alfavitu izdannyi Yakovom Rodde sekretarem i perevodchikom pri Magistrate rossiisko imperatorskago goroda Rigi [Russian Alphabetical Lexicon Published by Jacob Rodde, Secretary and Translator at the Magistrate of the Russian Imperial City of Riga]. Riga, Printing house of Johann Friedrich Hartknoch, 1784, 418 p. (in Russ.)
- Rodde J. M.** Deutsch-Russisches Wörterbuch ausgegeben von Jacob Rodde Secretair und Translateur Eines Hochedlen Raths der Russischen Kaiserlichen Stadt Riga. Riga: bey Johann Friedrich Hartknoch, 1784, 758 p.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 1975–2019, iss. 1–31. (in Russ.)
- Ukazy blazhennyya i vechnodostoinyya pamyati gosudarya imperatora Petra Velikago samoderzhitsa vserossiiskago sostoyavshiyasya s 1714, po konchinu ego imperatorskago velichestva, genvarya po 28 chislo 1725 godu. Napechatany po ukazu vsepresvetleishei derzhavneishei velikoi gosudaryni imperatritsy Anny Ioannovny samoderzhitsy vserossiiskoi [Decrees of the Blessed and Eternally Worthy of Memory the Sovereign and Emperor Peter the Great, Autocrat of All Russia, Held from 1714, to the Death of His Imperial Majesty, January 28, 1725. Printed by the Decree of the Most Eminent Great Sovereign and Empress Anna Ioannovna, Autocrat of All Russia]. 3rd ed. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1777, 1096 p. (in Russ.)
- Ukazy blazhennyya i vechnodostoinyya pamyati velikoi gosudaryni imperatritsy Ekateriny Aleksievny i gosudarya imperatora Petra Vtorago sostoyavshiesya s 1725 genvarya s 28 chisla po 1730 god. Napechatany po ukazu vsepresvetleishei derzhavneishei velikoi gosudaryni imperatritsy Elisavety Petrovny samoderzhitsy vserossiiskoi [Decrees of the Blessed and Eternally Worthy of Memory the Great Sovereign and Empress Ekaterina Aleksievna and the Sovereign and Emperor Peter the Second, Held from January 28, 1725 to 1730. Printed by the Decree of the Most Eminent Sovereign and Empress Elisaveta Petrovna, Autocrat of All Russia]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1743, 538 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Дмитрий Владимирович Руднев, доктор филологических наук, кандидат исторических наук, профессор

Scopus Author ID 57215684388

WoS Researcher ID C-9427-2016

RSCI Author ID 196281

SPIN 7495-7725

Татьяна Юрьевна Борисова, доктор философии (PhD in Law), кандидат исторических наук, доцент

Scopus Author ID 36455542800

WoS Researcher ID G-2120-2014

Information about the Authors

Dmitry V. Rudnev, Doctor of Sciences (Philology), Candidate of Sciences (History), Professor

Scopus Author ID 57215684388

WoS Researcher ID C-9427-2016

RSCI Author ID 196281

SPIN 7495-7725

Tatiana Yu. Borisova, PhD in Law, Candidate of Sciences (History), Associate Professor

Scopus Author ID 36455542800

WoS Researcher ID G-2120-2014

Вклад авторов:

Д. В. Руднев – сбор и анализ материала, систематизация результатов, разработка методики исследования, подготовка текста.

Т. Ю. Борисова – анализ материала, систематизация результатов, подготовка текста.

Contribution of the Authors:

Dmitry V. Rudnev collected and analyzed sources, systematized results, developed the methodology and approaches, prepared the text of the article.

Tatiana Yu. Borisova analyzed sources, systematized results, prepared the text of the article.

*Статья поступила в редакцию 28.02.2022;
одобрена после рецензирования 10.08.2022; принята к публикации 20.08.2022
The article was submitted on 28.02.2022;
approved after reviewing on 10.08.2022; accepted for publication on 20.08.2022*

Научная статья

УДК 811.163.1:81'373

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-21-29

Особенности стиля писем епископа Феофана Затворника: лексический и фразеологический аспекты

Яо Сун

Независимый исследователь

Далянь, Китай

yaosong0311@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5357-0264>

Аннотация

Анализируются особенности лексики и фразеологии писем известного проповедника и вероучителя епископа Феофана Затворника, составивших сборник «Письма о христианской жизни». Одна из отличительных черт этих эпистолярных текстов – полистилистичность, проявляющаяся в свободном сочетании лексики иноязычного происхождения, разговорных и просторечных слов и церковнославянизмов. Если заимствованная лексика употребляется в стилистически нейтральной функции, то разговорные и просторечные элементы стилистически маркированы и употребляются в целях установления коммуникации с адресатами. Такая лексика создает своеобразные доверительные отношения между адресантом и адресатами. Этой же цели служат фразеологизмы и конструкции, представляющие собой авторские трансформации фразеологических элементов. Церковнославянские вкрапления в письмах – своего рода коммуникативные фрагменты, интексты внутри писем, обусловленные в тематическом (определения богословских понятий) и жанровом отношении (цитаты из Библии и молитвенные обращения).

Ключевые слова

письма Феофана Затворника, разговорные и просторечные элементы, фразеологизмы, стилистическая функция, церковно-религиозный стиль, церковно-эпистолярный подстиль

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Государственного комитета КНР по управлению фондом обучения за границей

Для цитирования

Яо Сун. Особенности стиля писем епископа Феофана Затворника: лексический и фразеологический аспекты // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 21–29. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-21-29

Features of the Style of the Letters of Bishop Theophan the Recluse: Lexical and Phraseological Aspects

Yao Song

Independent Researcher

Dalian, China

yaosong0311@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5357-0264>

Abstract

Purpose. The purpose of this article is to analyze the characteristics of lexical terms in Russian texts from the perspective of lexical rhetoric. So the article analyzes the peculiarities of the vocabulary and phraseology of the letters from “Letters on the Christian Life” of the famous preacher, religious teacher Bishop Theophan the Recluse.

© Яо Сун, 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 21–29

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 21–29

Results. Through the analysis of the selected specific vocabulary and idioms, we have obtained the following results. One of the distinguishing features of these epistolary texts is polystylism, which manifests itself in a free combination of vocabulary of foreign origin, colloquial words, and Church Slavonicisms. If borrowed vocabulary is used in a stylistically neutral function, then colloquial elements are stylistically marked and used in order to establish communication with addressees. Such vocabulary creates a kind of trusting relationship between the addresser and addressees. Phraseological units and constructions, which are author's, occasional transformations of phraseological elements, serve the same purpose. Church Slavonic inclusions in letters are a kind of communicative fragments, intexts within letters, conditioned in thematic (definitions of theological concepts) and genre (quotations from the Bible and prayer addresses).

Conclusion. In summary, through this research, we can derive some new theories of linguistic application, and through it, we can enrich the interpretation of corpus and dictionaries.

Keywords

letters of Theophan the Recluse, colloquial elements, phraseological units, stylistic function, church-religious style, church-epistolary style

Acknowledgements

This work was funded by China Scholarship Council (CSC)

For citation

Yao Song. Features of the Style of the Letters of Bishop Theophan the Recluse: Lexical and Phraseological Aspects. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 21–29. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-21-29

Введение

Творческое наследие святителя Феофана Затворника изучено еще недостаточно. Тем не менее мы можем считать епископа Феофана ярким представителем церковно-религиозного стиля русского литературного языка XIX в. наряду с митрополитом Филаретом (Дроздовым), К. Победоносцевым [Реморова, 2017] (о церковно-религиозном (церковном) стиле см. также работы [Крысин, 1994; 1996; Гольберг, 2002; Карасик, 2002, с. 221–229¹]. Е. Е. Реморова выделяет церковно-агиографический подстиль как особый вариант церковного, или церковно-религиозного, стиля [Реморова, 2017]. Мы считаем, что литературное наследие Феофана Затворника представляет пример церковно-агиографического подстиля, а его письма – пример церковно-эпистолярного подстиля (термин введен нами. – Я. С.) церковно-религиозного стиля русского литературного языка XIX в. В данной статье мы рассмотрим лексические и фразеологические особенности церковно-эпистолярного подстиля на материале писем святителя.

Письма святителя Феофана Затворника (Говорова, 1815–1884) не систематизированы и не собраны воедино, отсутствует их научное издание. При этом общее число известных эпистолярных текстов епископа Феофана огромно – около двух тысяч. По этим причинам мы в настоящей статье ограничились анализом лексики лишь одного сборника – «Письма о христианской жизни», содержащего 99 посланий. В лингвостилистическом аспекте письма святителя практически не исследовались. Целью данного исследования было изучение лингвостилистических особенностей писем Феофана Затворника на лексическом и фразеологическом уровне.

Результаты исследования

1. Особенности стиля в лексическом аспекте

На лексическом уровне объектом нашего рассмотрения были заимствования, церковно-славянизмы, просторечная и разговорная лексика и фразеологизмы в эпистолярных текстах Феофана Затворника.

Одной из особенностей эволюции русского литературного языка в XIX в. было усвоение большого количества иноязычных слов. По характеристике Ю. С. Сорокина, «в пушкинскую

¹ В. И. Карасик использует в близком значении понятие *дискурс*, а не *стиль*.

эпоху сложились в основном нормы СРЛЯ (современного русского литературного языка. – Я. С.), определилась его стилистическая система. Поэтому стало возможным для языка впитать большое количество заимствованных слов (сотни слов за 1830–1870-е гг.) без угрозы искажения своих собственных правил и законов» [Сорокин, 1965, с. 175]. В русский язык вошли и были освоены слова из различных европейских языков – такие, как: *агитация, ассоциация, компетенция, комфортабельный, галлюцинация, коммуна, импульс, радикал, ингредиент, пролетарий* и др. [Там же, с. 555–562]. В эпистолярных текстах Феофана Затворника, включенных в сборник «Письма о христианской жизни», нами выявлено **19** иноязычных слов в **28** словоупотреблениях. В большинстве случаев заимствованные слова используются не как варваризмы или элементы чужеродного автору идеологического языка / дискурса, а как нейтральные лексемы. Приведем некоторые примеры: в письмах святителя встречаются такие слова, как *атмосфера, биллиард, машина (электрическая машина), фундамент (2)², программа, прогресс (5), прогрессистка, фокус, цилиндр*. Приведем контексты употребления некоторых из них:

Есть ли, сверх того, и хорош ли *фундамент*? *Фундамент* вот: глубокое чувство грешности и безответности пред Богом (письмо 1 (Феофан, 2007, с. 11)³);

Помните, что было с вами в монастыре. То пустынные позывы. Вот та тревога, что была во время поста, когда серчанье было, – посильнее. Бывают и еще сильнее... Куда тогда деваться? Вот и надобно загодя приготовить в сердце покойное местечко, у ног Господа. Случится тревога?.. сейчас туда, и кричать, как бы отчитывать черную немочь, и Господь поможет: все стихнет. Опять буря; и опять то же делать. Вот и вся *программа* жизни (письмо 25, с. 82);

Ваше серчанье на N.N. плохой означает *прогресс*! (письмо 95, с. 233).

Слово *фундамент* содержится уже в Словаре Академии Российской, составленном в конце XVIII в. (САР, 1789–1794, вып. 6, с. 496), но ни слова *программа*, ни слова *прогресс* в нем еще нет. Слово *программа* зафиксировано в Словаре 1847 г. (СЦСиРЯ, 1847, т. 3, с. 523), но слова *прогресс* нет еще и здесь, имеется только математический термин *прогрессия*. Феофан Затворник, таким образом, в письмах употребляет не только давно воспринятые русским языком слова, но и слова, лишь недавно освоенные или только осваиваемые, причем эти слова используются как стилистически нейтральные: показательно соседство при отсутствии какого бы то ни было стилистического противопоставления лексемы *серчанье*, образованной от просторечного глагола *серчать*, и лексемы иноязычного происхождения *прогресс*.

Феофан Затворник в письмах часто использует маркированные церковнославянизмы; к ним мы относим такие слова, как *благорассмотрение (благоразсмотрение), болии (2), влаяться (2), вопиять* – в том числе словоформа *вопия (6), вопияние (2), лукавый* в номинативном (3) и атрибутивном (3) словоупотреблении как обозначение дьявола в первом случае и лживого свойства во втором, *обозреть, обряци (5, но из них 2 в цитатах), одеян (2), око (19), отвращать (2), прелестный* в значении ‘лживый, коварный’ (2), *суций (4), узреть (6)*. Всего мы насчитали **367** лексем и **503** случая их употребления⁴. Остановимся на нескольких примерах:

Спасайтесь! Мира вам от Господа желаю. Буря, *суцая* в вас, не беда страшная, а обычный почти рядок. Стоять надобно твердо. Все так, как делаете, *вопия* ко Господу, Пречистой Владычице и всем святым. Пройдет. Отчего это? Не догадаешься, и нужды нет догадываться (письмо 64, с. 166).

Лексема *суцая* употребляется здесь как действительное причастие, а не как прилагательное со значением ‘истинный, настоящий’. Такое использование лексемы *суций* в середине XIX в. еще не воспринималось как специфически церковнославянское: так, в Словаре 1847 г. слово

² В скобках приводится общее количество употреблений слова в контекстах.

³ Далее письма Феофана Затворника цитируются по этому изданию, в скобках указаны номер письма и страницы.

⁴ Не учитывались церковнославянизмы в закавыченных цитатах из Библии с указанием источника. Всего в «Письмах о христианской жизни» 250 таких цитат. Исключение – специально оговоренные ниже примеры с употреблением глагола *обрящем / обряцете*, показывающие зависимость его использования святителем Феофаном от контекста – реминисценции из Священного Писания.

сущий представлено как ‘причастие настоящего времени от глагола быть’ с примером из Евр. 13:5 и без пометы *церк.*; значение ‘точный, истинный, настоящий’ приводится вторым (СЦСиРЯ, 1847, т. 4, с. 255). Что касается церковнославянизма *вопия* (ср. русское *вопя*), то в письме Феофана Затворника это часть фразеологизированного оборота *вопия ко Господу*.

Употребление церковнославянизмов в письмах Феофана Затворника часто мотивировано контекстом библейских цитат. Например, глагол *обряцете*: в «Письмах о христианской жизни» он употреблен **5** раз, из них **трижды** в составе цитаты из Мф. 7:7 «ищите и обряцете». Слова «Поискем и обряцем» идут следом за цитатой из Мф. 7:7 (письмо 19, с. 59), один раз эти слова поданы как раскавыченная цитата:

Не назначайте сроков, – а делайте и просите, чтоб дающий молитву молящемуся даровал и вам ее. Ищите и обряцете. Видите сами, что некое действие есть (письмо 36, с. 122).

Церковнославянизмы встречаются в письмах и вне библейского контекста, в этих случаях их употребление мотивировано молитвенным контекстом и функцией или указанием на приобщение к высшей, трансцендентной реальности. Например, *око*, *отвращать* – «Когда нападают недобрые помыслы, надобно *отвращать* от них *око* ума, и, обращаясь к Господу, именем Его гнать их» (письмо 25, с. 81), употребление церковнославянизмов поддерживается использованием метафоры *око ума* и тем фактом, что всё высказывание представляет собой своего рода единый коммуникативный фрагмент⁵. *Узрите* – «Уединение, да чтение, два крыла в сем занятии. Но начинайте – и *узрите* сами все» (письмо 28, с. 106–107); *обозреть* – «*обозреть* обители райские» (письмо 89, с. 220). Аналогичным образом во фрагменте «как одеждою какою *одеяно* сердце теплотою, и ум светлостию созерцания» (письмо 26, с. 90) церковнославянизм *одеяно* мотивирован помимо темы трансцендентного опыта использованием метафоры-сравнения *как одеждою одеяно*.

Церковнославянизмами в эпистолярных текстах Феофана Затворника также являются ключевые богословские понятия. Особенно выразительный пример – слово *благорассмотрение* (*благоразсмотрение*), разъяснению смысла которого Феофан посвящает целое послание (письмо 84, с. 196–199). Ряд слов, принципиально важных в понятийном языке церковного учения, святитель употребляет исключительно в церковнославянском, а не в русском значении, таковы, например, слова *лукавый* и *прелестный*. Слово *брань* употребляется как в церковнославянском значении ‘война’, так и в русском ‘ругань’. Ср., с одной стороны, «Вперед приготовляйтесь к *брани*, именно – сообразите всевозможные случаи, обсудите их и положите себе, какими мыслями отражать худое в том и другом случае» (письмо 26, с. 99) и, с другой – «сварливая *брань*» (письмо 14, с. 38).

Встречаются, хотя и редко, в письмах незакавыченные фрагменты на церковнославянском, не являющиеся цитатами из церковной словесности, но представляющие собой результат трансформации отдельных выражений. Примеры – высказывания о Господе: *Милосерд есть, обаче кающимся* (письмо 58, с. 151); *болий есть, иже в нас* (письма 67 и 96, с. 168, 240); *Милосерд бо есть* (письмо 94, с. 233). Это коммуникативные фрагменты, церковнославянские вкрапления в русском тексте.

Особенно интересны случаи, когда фрагменты с использованием церковнославянской и разговорной или просторечной лексики соседствуют так, что второй из них представляет собой своеобразный перевод-толкование первого посредством внутренней перекодировки (термин Ю. М. Лотмана; см. [Лотман, 1970, с. 44–64]), благодаря чему отвлеченное наставление приближается к повседневности, проникает в нее, например: «Но Господи, даруй же и благодать сокрушения. Стукни в голову, чтоб опомнился и отрезвился ум немного» (пись-

⁵ «Коммуникативные фрагменты (КФ) – это отрезки речи различной длины, которые хранятся в памяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта и которыми он оперирует при создании и интерпретации высказываний. КФ – это целостный отрезок речи, который говорящий способен непосредственно воспроизвести в качестве готового целого в процессе своей речевой деятельности и который он непосредственно опознает как целое в высказываниях, поступающих к нему извне» [Гаспаров, 1995, с. 118].

мо 30, с. 109), где молитвенного плана высказывание-пожелание, содержащее церковнославянизмы *даруй*, *благодать*, *сокрушение* поясняются с помощью оборота *стукни в голову*.

Анализ «Писем о христианской жизни» свидетельствует, что Феофан Затворник избегает в них авторских неологизмов – очевидно, с целью сделать свои тексты более понятными для адресата. Исключением, видимо, является слово *саможаление* – ‘жалость к себе’ (2):

Есть добро, но разсеяно или разлито. Надобно свести все воедино. И – кажется, – душа просится на это... да не догадается. А главное – *саможаление* (выделено в издании. – Я. С.) есть. Господи, помилуй нас! Без труда и самопринуждения ни в чем не успеем (письмо 1, с. 11);

Мы с своими желаниями, рождаемыми самолюбием и саможалением, ничего доброго себе сделать не можем и не умеем (письмо 49, с. 1).

Это слово, вошедшее в русский церковный дискурс как одно из важнейших нравственных понятий, по-видимому, исконно принадлежит именно Феофану Затворнику: оно не зафиксировано в Словаре 1847 г. и в других словарях; в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) в качестве самого раннего фиксируется его употребление в тексте Иоанна Кронштадтского, относящемся к 1903 г., т. е. у него использование этой лексемы вторично по отношению к сочинениям Феофана Затворника, который был автором наставлений «Саможаление. Средства борьбы против него» и «Саможаление и самоугодие. Их опасность и пагубность для спасения».

2. Особенности стиля во фразеологическом аспекте

К самым значительным отличительным чертам эпистолярного стиля епископа Феофана с лексической точки зрения относится активное использование лексики живой речевой стилистики. В сборнике «Письма о христианской жизни» встречаются многочисленные примеры разговорной, в том числе с уменьшительно-ласкательными суффиксами, (97 лексем, 157 словоупотреблений) и просторечной (42 лексемы, 49 словоупотреблений) лексики и отличительных для разговорной речи фразеологизированных выражений. Примеры разговорной лексики с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *камешек* (2), *коротенький* (2), *местечко*, *минуточку* (2), *немножко*, *ножка* (в форме множественного числа), *окошко*, *поклончик* (в форме множественного числа), *понемножку* (2), *птичка* (4), *уступочка*. Случаи употребления:

Благодарю за дерево и *камешек*. Не худо, конечно, все сие, но нужнее *камешек* в середине, тот, на коем подобает твердо стоять *ножками* ума (письмо 57, с. 151–152);

Птичка, привязанная короткою ниткою, вспорхнет и падет, вспорхнет и падет (письмо 57, с. 14).

Другие лексемы, характерные для разговорного стиля: *бранить* (3), *глядись*, *да* (союз в значении ‘но’, регулярное употребление), *коль* (9), *кряхтеть*, *не в прок*, *невзначай* (2), *поблажка* (4), *побранить* (2), *поглубже*, *почаще*, *пустяшный*, *разглагольствовать*, *растолковать* (2), *середка*, *толковать* (в значении ‘говорить’) (4), *худой* (в значении ‘плохой’). Примеры употребления:

Не ведомо разве, что Господь, щедрый и милостивый, как ига не налагает выше сил, так и *поблажки* никакой не допускает? (письмо 87, с. 208);

Пока не пришла благодать – возбудительница от сна греховного, то, как бы сладко и широко ни *разглагольствовала* душа сама с собою и с другим, *коль* скоро коснется до самого дела, она сей час отступит назад, ибо связана по рукам и ногам (письмо 80, с. 186).

Просторечные лексемы: *вонь*, *давай-ка*, *дрянь* (4, из них 2 в составе выражения *дрянь дрянью*), *захлопотаться*, *зашибиться*, *изгарь*, *надокучивать*, *настращать*, *на ракушках* (‘раком, на четвереньках’⁶), *не худо*, *нешто*, *ну*, *поболить*, *порешаться*, *поуспокоиться*, *состроить*,

⁶ Выражение «на ракушках», видимо, не просторечное, а диалектное: в словаре Даля оно отмечено как курское (Даль, 1882, т. 4, с. 56), в «Словаре русских народных говоров» отмечено также употребление в Переяславском уезде Владимирской губернии, зафиксированное в 1949 г. (СРНГ, 1965–2019, вып. 34, с. 92).

сплакнуть, толк (в значении ‘разговор’), *хватиться, чай* (*чай забыли*). Примеры употребления:

Упал кто – поднимется, *зашибся* – вылечится (письмо 26, с. 100);

В вещах тварных однообразие точно *надокучивает* (письмо 11, с. 33).

Фразеологизированные выражения: *дрянь дрянью, жить широко, куда как хорошо* (3 раза), *мочи нет, сбивать с толку, связать по рукам и ногам, хоть на волосок, хоть чуточку, ухо остро держать, что ни говори*. Примеры употребления:

...надо ухо остро держать (письмо 24, с. 78);

Лукавое сердце само *дрянь дрянью*, а все трубит: несмы якоже прочии (письмо 25, с. 81, выделено в оригинале).

В анализируемых письмах Феофан Затворник часто использует различные фразеологизмы, причем обычно в не совсем общепринятом контексте и в трансформированном виде. Пример:

Поломайте голову и душу свою на то дело. Хорошо, куда как хорошо! (письмо 24, с. 78).

Феофан Затворник преобразует фразеологизм *ломать голову*, причем несколько меняет его значение. Исконное значение ‘напряженно думать, размышлять над чем-либо, стараясь понять’ (Ларионова, 2014, с. 211) наделено у Феофана Затворника ироническими коннотациями. В художественных текстах XVIII и XIX вв. выражение *ломать голову* часто употребляется для описания бесплодных мыслительных усилий; ср.:

Желая сокровища, ты голову ломаешь, / Но тщетно тратишь труд, его не умножаешь. / Несносно коль ни в чем успехов не иметь: / Не лучше ль умереть? (А. А. Ржевский, «Рондо», 1761);

Иной раз сотни-тысячи умных, ученых, образованных русских людей по целым годам ломают голову, желая подыскать какие-нибудь «умственные» резоны для такого-то или иного непостижимого явления жизни, прикидывают и так и этак, становятся на одну точку зрения и на другую, и всё ничего не могут ни понять, ни сообразить, ни объяснить (Г. И. Успенский, «Волей-неволей», 1884);

К чему, в таком случае, ломать себе вечно голову над всеми этими вопросами о заработной плате, о процентах, о кредите и о целом ряде столь же скучных и запутанных вещей, единственное назначение которых производить путаницу в уме и отклонять людей от их настоящей цели! (С. В. Ковалевская, «Нигилистка», 1884).

Еще один пример трансформации фразеологизма:

Вот вы начинаете учиться ловить мух. Хорошо. – Разумею осуждение. Только мало сказать, надо пожалеть, сокрушиться и со страхом, как на суде, исповедать Господу греховный помысл. Так и во всяком случае (письмо 25, с. 80–81).

«Ловить мух» – это, несомненно, переименованный фразеологизм *мух не ловит*, означающий ‘ленивый, бездельничающий’. Оборот существовал во времена Феофана Затворника: он встречается в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия» (1877–1883):

Окреститься он затеял в видах приобретения прав оседлости, а наставляет и утверждает его в вере изверженный за пьянство из сана древний дьякон, который, по старости, мух не ловит, но водку пить ещё может (гл. XXIII).

Выражение представляет собой, по классификации В. В. Виноградова (см. [Виноградов, 1977]), фразеологическое единство, т. е. семантически неделимое сочетание лексем со строго определенным грамматическим и синтаксическим строем. Отрицание *не* является в нем обязательным. Ср. фразеологизм-синоним *мышей не ловит*.

Фразеологизмы у святителя Феофана заимствуются практически исключительно из разговорного языка. Исключение – *хранить как зеницу ока*. Единственный пример его употребления:

Во всякое время наличные иерархи принимали переданное и хранили то, как зеницу ока, страшась хоть мало изменить что в заповеданном (письмо 96, с. 239).

Использование фразеологизмов – характерный признак идиостиля писем Феофана Затворника, а изменение структуры фразеологизма – оригинальный авторский прием.

Заключение

Феофан Затворник в своих эпистолярных текстах пишет не о святых, как в житиях, а об обычных людях, преимущественно мирянах, и об их проблемах, горестях, терзаниях. Разговорная и просторечная лексика соотносится с мирской жизнью, с обыденной сферой, разговорные синтаксические конструкции сходны с репликами живой беседы. Письма Феофана Затворника, по нашему мнению, обладают потенциальной диалогичностью, что и обуславливает их стилевые особенности. Мы наблюдаем свободное сочетание лексики иноязычного происхождения, разговорных и просторечных слов и церковнославянизмов. Заимствованная лексика употребляется в основном в стилистически нейтральной функции. Разговорная и просторечная лексика стилистически маркирована, используется для установления коммуникации с адресатами. Этой же цели служат фразеологизмы и конструкции, представляющие собой авторские трансформации фразеологических элементов. Обилие в письмах не книжных (разговорных и просторечных) элементов обусловлено установкой на конкретного реального адресата и стремлением установить доверительные отношения с этим адресатом, погруженным в современность, в быт. Своеобразным ключом к пониманию стиля писем и «метаописанию» их стиля можно считать следующий фрагмент:

Вот и безвкусие ко всему духовному чувствуется, и тягота, и равнодушие... точь-в-точь, как в отворенное окошко ушла вся теплота. Надобно топить; но дрова не в шуме мирском продаются, а хранятся в магазине Господнем. Отопри магазин, да и возьми... Всякому невозбранно доступ есть. Ключ – плач, покаяние, сокрушение или просто терпеливый вопль к Господу, хоть без всякого вкуса, с самопринуждением... (письмо 11, с. 34).

Использование описанной лексики в письмах Феофана Затворника создает отличительную черту его эпистолярных текстов – полистилистичность, что, в свою очередь, является особенностью церковно-эпистолярного подстиля церковно-религиозного функционального стиля русского языка XIX в.

Список литературы

- Виноградов В. В.** Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 140–161.
- Гаспаров Б. М.** Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: НЛЮ, 1996. 352 с.
- Гольберг И. М.** Религиозно-проповеднический стиль современного русского литературного языка: моральные концепты: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 157 с.
- Карасик В. И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Крысин Л. П.** Об одной лакуне в системе функциональных стилей современного русского языка // Русский язык в школе. 1994. № 3. С. 69–79.
- Крысин Л. П.** Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Сб. памяти Т. Г. Винокур. М.: Наука, 1996. С. 135–138.
- Лотман Ю. М.** Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 383 с.
- Реморова Е. Е.** Лингвостилистические особенности перевода Четвероевангелия, выполненного К. П. Победоносцевым: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2017. 148 с.
- Сорокин Ю. С.** Развитие словарного состава русского литературного языка XIX века (30–90-е годы). М.; Л.: Наука, 1965. 565 с.

Список словарей

- Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора: В 4 т. СПб.; М.: Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882.
- Ларионова Ю. А.** Фразеологический словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 512 с.
- САР** – Словарь Академии Российской: В 6 ч. СПб.: При Имп. Академии наук, 1789–1794.
- СРНГ** – Словарь русских народных говоров / Гл ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л. / СПб.: Наука, 1965–2019. Вып. 1–51.
- СЦСиРЯ** – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук: В 4 т. СПб.: В тип. Имп. Академии наук, 1847.

Список источников

- Феофан Затворник, святитель.** Письма о христианской жизни. М.: Правило веры, 2007. 445 с.

References

- Gasparov B. M.** Yazyk. Pamyat'. Obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya [Language. Memory. Image. Linguistics of linguistic existence]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1996, 352 p. (in Russ.)
- Golberg I. M.** Religiozno-propovednicheskii stil' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: moral'nye kontsepty [Religious and preaching style of the modern Russian literary language: Moral concepts]. Cand. of Philol. Sci. Diss. Moscow, 2002, 157 p. (in Russ.)
- Karasik V. I.** Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002, 477 p. (in Russ.)
- Krysin L. P.** Ob odnoi lakune v sisteme funktsional'nykh stilei sovremennogo russkogo yazyka [About one gap in the system of functional styles of the modern Russian language]. *Russkii yazyk v shkole [Russian Language at School]*, 1994, no. 3, pp. 69–79. (in Russ.)
- Krysin L. P.** Religiozno-propovednicheskii stil' i ego mesto v funktsional'no-stilisticheskoi paradigme sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Religious and preaching style and its place in the functional and stylistic paradigm of the modern Russian literary language]. In: *Poetika. Stilistika. Yazyk i kul'tura. Sbornik pamyati T. G. Vinokur [Poetics. Stylistics. Language and culture. Collection in memory of T. G. Vinokur]*. Moscow, Nauka, 1996, pp. 135–138. (in Russ.)
- Lotman Yu. M.** Struktura khudozhestvennogo teksta [The structure of a literary text]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970, 383 p. (in Russ.)
- Remorova E. E.** Lingvostilisticheskie osobennosti perevoda Chetveroevangeliiya, vypolnennogo K. P. Pobedonostevym [Linguistic and stylistic features of the translation of the Four Gospels by K. P. Pobedonostev]. Cand. of Philol. Sci. Diss. Novosibirsk, 2017, 148 p. (in Russ.)
- Sorokin Yu. S.** Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka XIX veka (30–90-e gody) [The development of the vocabulary of the Russian literary language of the 19th century (30–90s)]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1965, 565 p. (in Russ.)
- Vinogradov V. V.** Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinit v russkom yazyke [On the main types of phraseological units in the Russian language]. In: *Vinogradov V. V. Izbrannye Trudy. Leksikologiya i leksikografiya [Selected works. Lexicology and lexicography]*. Moscow, Nauka, 1977, pp. 140–161. (in Russ.)

List of Dictionaries

- Dal V. I.** Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka Vladimira Dalya [Explanatory dictionary of the living Russian language by Vladimir Dal]. In 4 vols. 2nd ed., rev. and significantly multiplied according to the author's manuscript. St. Petersburg, Moscow, M. O. Volf Publ., 1882. (in Russ.)
- Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A.** (eds.). Slovar russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow, Leningrad / St. Petersburg, Nauka, 1965–2019, iss. 1–51. (in Russ.)
- Larionova Yu. A.** Frazeologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Phraseological dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Adelant Publ., 2014, 512 p. (in Russ.)
- Slovar Akademii Rossiiskoi [Dictionary of the Russian Academy]. In 6 parts. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1789–1794. (in Russ.)
- Slovar tserkovnoslavvyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy vtorym otdeleniem Imperatorskoi Akademii nauk [Dictionary of Church Slavonic and Russian, compiled by the second department of the Imperial Academy of Sciences]. In 4 vols. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1847. (in Russ.)

List of Sources

- Feofan Zatvornik, svyatitel.** Pisma o khristianskoi zhizni [Letters on the Christian life]. Moscow, Pravilo very, 2007, 445 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Яо Сун, независимый исследователь
Scopus Author ID 57216856131
WoS Researcher ID HDM-4632-2022
RSCI Author ID 1087558
SPIN 7789-3830

Information about the Author

Yao Song, Independent Researcher
Scopus Author ID 57216856131
WoS Researcher ID HDM-4632-2022
RSCI Author ID 1087558
SPIN 7789-3830

*Статья поступила в редакцию 31.08.2022;
одобрена после рецензирования 15.11.2022; принята к публикации 21.11.2022
The article was submitted on 31.08.2022;
approved after reviewing on 15.11.2022; accepted for publication on 21.11.2022*

Научная статья

УДК 81.366

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-30-41

Функциональный потенциал адъективных словоформ в русском языке

Галина Ивановна Панова ¹

Антонина Евгеньевна Кузьмина ²

Надежда Юрьевна Кравченко ³

¹⁻³ Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
Абакан, Россия

¹ gipanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8375-8559>

² ivanova2979@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2702-2686>

³ krawchenko.nadia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8211-7418>

Аннотация

Проведен анализ функций адъективных словоформ в сочетании со склоняемыми и несклоняемыми существительными. В сочетании со склоняемыми существительными адъективы выполняют структурную функцию согласования в роде, числе и падеже. Адъективные флексии выражают значения рода, числа, падежа в структуре самого адъектива; одноименные же значения господствующего субстантива они лишь отражают, являясь их материальным показателем.

При сочетании с несклоняемыми субстантивами адъективные словоформы согласуются только в роде, также лишь отражая его. В статье аргументируется отсутствие у этих субстантивов значений числа и падежа, синтаксическое выражение которых традиционно приписывают им. Адъективы в сочетании с несклоняемым существительным самостоятельно выражают количественные и падежные значения без участия существительного.

Ключевые слова

адъективные словоформы, склоняемые существительные, несклоняемые существительные, согласование, структурная функция, семантическая функция

Для цитирования

Панова Г. И., Кузьмина А. Е., Кравченко Н. Ю. Функциональный потенциал адъективных словоформ в русском языке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 30–41. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-30-41

Functional Potential of Adjective Word Forms in Russian

Galina I. Panova ¹, Antonina E. Kuzmina ²

Nadezhda Yu. Kravchenko ³

¹⁻³ Katanov Khakass State University
Abakan, Russian Federation

¹ gipanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8375-8559>

² ivanova2979@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2702-2686>

³ krawchenko.nadia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8211-7418>

Abstract

Purpose. Analysis of literature on Russian morphology revealed the problems related to functional potential of adjective word-forms and the morphological content of indeclinable nouns. There are three viewpoints on features of indeclinable substantives: 1) they have categories of types, numbers, and cases, while the number and case appear as ho-

© Панова Г. И., Кузьмина А. Е., Кравченко Н. Ю., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 30–41

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 30–41

monymous forms with zero ending; 2) all categories of presented forms are used as inflection of adjectival words; 3) these substantives have no categories of number and case but have their syntactic meanings.

The article's purpose is to determine functions of adjective word forms in combination with inflected and indeclinable substantives, specifying the morphological content of the indeclinable ones.

Results. Adjectives in combination with declinable nouns perform the structural function of agreement in gender, number, and case. However, when combined with two-generic words, they lose the generic agreement. Adjective inflections express the meanings of gender, number, and case in the adjective structure itself; the same-name dominant substantives only reflect these meanings, being their material indicator.

With indeclinable nouns, adjectival word forms agree only by gender, also being just an indicator of it. Indeclinable substantives have no number and case meanings. Adjective word forms with an indeclinable substantive independently express quantitative and case meanings without participation of a substantive.

Keywords

adjective word forms, inflected nouns, indeclinable nouns, agreement, structural function, semantic function

For citation

Panova G. I., Kuzmina A. E., Kravchenko N. Yu. Functional Potential of Adjective Word Forms in Russian. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 30–41. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-30-41

Введение

Статья посвящена уточнению функционально-грамматического потенциала адъективных слов, реализуемого в сочетании со склоняемыми и несклоняемыми существительными. По существу, речь пойдет о функциях адъективных окончаний, их нередко рассматривают как «синтаксические средства выражения» морфологических значений (МЗ) субстантивов. Так, В. В. Лопатин «к обязательным морфологическим средствам», наряду с аффиксами и аналитическими средствами, относит «синтаксические средства при выражении рода, числа и падежа существительных». Это «родо-падежно-числовые флексии прилагательных и причастий» [Лопатин, 1984, с. 11]¹.

Думается, что система средств выражения МЗ не может на равных включать, с одной стороны, формообразующие аффиксы и вспомогательные слова, являющиеся носителями этих значений в структуре данной словоформы, и, с другой – «родо-падежно-числовые флексии» адъективов как показатели МЗ слов другой части речи – существительного. Каков же тогда статус адъективных флексий по отношению к самим адъективам и к существительным?

Прежде чем ответить на этот вопрос, представим наше понимание морфологических средств как особого объекта русской морфологии.

Средства выражения и показатели морфологического значения слова

Морфологическое средство – это языковая единица, являющаяся носителем МЗ и конституирующая абстрагированную морфологическую форму [Панова и др., 2021, с. 30–31]. Морфологическими средствами являются формообразующие аффиксы как конститuentы синтетических морфологических форм и вспомогательные слова – конститuentы аналитических форм. Используя графические аналогии, приведем примеры морфологических средств в структуре морфологических форм, а также словоформ, в которых реализуются морфологические формы на уровне конкретных лексических единиц. См.: [(основа сущ.) + -Ø] – друг; [(основа сущ.) + -ом] – другом; [(основа прил.) + -ый / -ий] – добрый; [более + (основа прил.) + -ым] – более добрым.

Таким образом, флексии прилагательных – это носители МЗ прилагательного, конституирующие их комплексные морфологические формы рода, числа и падежа (в полных формах).

¹ Курсивное выделение в этой и во всех других цитатах сделано нами.

Помимо этого, они, бесспорно, дают информацию о комплексных формах рода, числа, падежа определяемого субстантива, что связано с особым характером этих категорий.

Морфологические категории рода, числа и падежа – «синтагматически значимые». У существительного они «синтагматически обуславливающие», а у адъективов – «синтагматически обусловленные» [Бондарко, 2005, с. 66]. Форма рода-числа-падежа атрибутива представляет собой как бы формальный «оттиск» соответствующей формы субстантива и в качестве такового является синтагматическим показателем его МЗ (*новый дом-Ø, новые дома*), но не *средством* их выражения в строгом смысле этого термина. Выражение МЗ происходит не на синтагматическом, а на парадигматическом уровне: словоизменительные значения выражаются в структуре абстрагированных морфологических форм, а классификационные (род субстантива и вид глагола) – в структуре словоформ [Панова, 1996]). На наш взгляд, синтаксических средств выражения МЗ слова в точном смысле этого термина не существует.

Сказанное относится и к выражению категории рода существительных. Мы специально акцентируем на этом внимание, потому что флексии согласуемых словоформ обычно рассматривают как основные средства выражения рода субстантивов. Так, в «Краткой русской грамматике» читаем: «Более последовательным, однозначным (по сравнению с системой флексий субстантива. – Г. П., А. К., Н. К.) является с и н т а к с и ч е с к о е выражение рода существительных – формами согласуемого или координируемого слова» [КРГ, 1989, с. 150].

Иногда флексии адъективных словоформ рассматривают даже как компонент «грамматической формы» рода: «Родо-падежно-числовые флексии» являются «аналитическими составляющими грамматической формы» рода существительного в той же мере, «в какой слова “будет”, “самый”, “более” составляют элементы соответствующих категорий» [Копелиович, 1989, с. 10]. Думается, что функции адъективных окончаний рода и данных вспомогательных слов не тождественны. В сочетаниях языковых элементов типа *снежная зима* информация о роде заключена в самом существительном, она лишь отражается в адъективе, а в сочетаниях типа *будет любить* значение будущего времени не выражается в глаголе без аналитического компонента *будет*. Языковые единицы *будет, самый, более* выполняют **конституирующую функцию**: они конституируют соответствующую аналитическую форму. Адъективные же родовые флексии по отношению к роду субстантива выполняют **отражательную функцию**: они отражают, копируют род существительного в синтагме и тем самым информируют о нем, являясь его материальным показателем. (Таковую же функцию они выполняют по отношению к числу и падежу склоняемых субстантивов.)

Примечание. Род склоняемого субстантива определяется факторами, находящимися в самом субстантиве: 1) его лексической семантикой: *брат, зять, юноша, подмастерье, Михайло – медсестра, дочь, Верунчик*; 2) взаимодействием семантики (отсутствие семы «мужской пол») с флексией: *зима, синица* – жен. род; *лицо, море* – ср. род; 3) взаимодействием элемента плана выражения лексемы (конечный твердый согласный или [j]) с нулевой флексией: *дом, трамвай*. Кроме того, (4) род субстантива может быть обусловлен словообразовательным суффиксом: *яркость – шпионаж*. У непроизводных слов типа *тюль – вуаль, меч – речь* с омонимичными родовыми признаками: отсутствие семы пола + нулевая флексия + основа на мягкий согласный (не [j]) или на шипящий, – род определяется традицией и нормой [Панова, 1996, с. 77–134].

В формальной репрезентации категории рода существительных есть определенное противоречие. С одной стороны, родовые флексии зависимых словоформ, действительно, являются абсолютно последовательным «информантом» рода субстантива на синтагматическом уровне, с другой – эти флексии не обуславливают его родовую отнесенность в системе языка, а являются только ее отражением. Потому флексии согласуемых словоформ представляют собой не *средства выражения* рода существительного, а *средства отражения* его в синтагме, его «оттиск», который и служит формальным показателем рода субстантива.

Таким образом, следует разграничивать понятия *средства выражения* и *показатели* МЗ слова: последнее значительно шире. Всякое средство выражения МЗ в словоформе является

и его показателем, но не всякий показатель МЗ является средством его выражения. Так, показателем («информантом») значения несовершенного вида глагола может служить наличие у него формы настоящего времени или его сочетание с фазовым глаголом, – оба эти фактора являются следствием видового значения глагола, его парадигматическим и синтагматическим проявлением. Показатели, или признаки, МЗ слова могут быть вообще не связаны с морфологией, как например, конечные звуки *пл'*, *бл'*, свидетельствующие о мужском роде субстантива, или *п'*, *ф'* – о женском.

Возвращаясь к функциям атрибутивных флексий, процитируем В. В. Виноградова: «Окончания имен прилагательных свободны от иной семантической нагрузки, кроме обозначения синтагматического согласования признака с определяемым именем существительным» [1972, с. 151]. В этом и проявляется структурная функция адъективных категорий, выражаемых флексиями. А. В. Бондарко уточняет: «Структурная согласовательная функция категорий рода, числа и падежа полных прилагательных, употребляемых в роли определения, *лишь косвенно может участвовать в выражении семантического содержания*, передаваемого соответствующими категориями имени существительного» [2005, с. 47].

Примечание. Исключения составляют сочетания адъективных слов с двуродовыми субстантивами, где флексия рода адъективов не косвенно, а напрямую «может участвовать в выражении семантического содержания». Двуродовые субстантивы типа *зануда*, *умница* обозначают лицо в отвлечении от пола, и флексии родоизменяемых слов, прежде всего мужского рода, конкретизируют пол лица: *Наши зануда явился* (мужской пол) – *Наши зануда явилась* (скорее женский, однако не исключается и мужской)². В сочетаниях типа *наши зануда* атрибутивная словоформа согласуется с субстантивом только в числе и падеже, а согласование в роде здесь отсутствует [Голев, 2013, с. 20]. Род адъективного слова (*наши*) обусловлен реальным полом лица-референта, обозначенного субстантивом (*зануда*), который отвлечен от семантики пола. В таких случаях структурная согласовательная функция рода адъективов превращается в семантическую: их родовые формы отражают уже не род субстантива, а непосредственно пол обозначаемого им лица. Происходит семантизация словоформ рода адъективного слова, т. е. «приобретение структурной морфологической формой способности выражать понятийную информацию в определенных условиях контекста» [Панова, 2022, с. 55].

Итак, адъективные словоформы в сочетании со склоняемыми существительными выполняют структурную функцию, согласуясь с субстантивом в роде, числе и падеже (за исключением адъективов как носителей рода в сочетании с двуродовыми словами). Флексии же адъективных словоформ являются *средством выражения* МЗ только в структуре самих адъективов, конституируя их комплексные формы рода, числа, падежа. Что же касается словоформ существительных, то адъективные флексии являются только *показателями*, но не выразителями их МЗ и форм.

Если в сочетании с изменяемыми существительными формы рода-числа-падежа адъективов только отражают, копируют соответствующую форму существительного, выполняя структурную функцию согласования (за указанным исключением), то в сочетании с неизменяемыми, или несклоняемыми, субстантивами ситуация во многом иная. Однако, прежде чем говорить об этом, следует обратиться к проблеме морфологического содержания самих несклоняемых существительных: она решается неоднозначно в лингвистической литературе.

² В атрибутивных сочетаниях с субстантивом типа *судья*, а также *экскурсовод*, напротив, однозначную информацию о поле выражают флексии женского, а не мужского рода: *наша судья*, *наша экскурсовод*. О деталях проявления семантики пола в сочетаниях типа *наша умница* – *наш умница* и *наш судья* – *наша судья*, см. в [Панова, 2014, с. 85–86].

Проблема морфологического содержания несклоняемых существительных

Абсолютное большинство грамматистов считает, что несклоняемые существительные имеют, как и склоняемые, категории рода, числа и падежа. Одни из них полагают, что категории числа и падежа несклоняемых субстантивов включают омонимичные морфологические формы с нулевыми окончаниями; другие – что их род, число, падеж представлены аналитическими формами, включающими флексии адъективных словоформ; третьи – что эти категории выражаются синтаксически. Рассмотрим эти точки зрения.

1. Впервые о морфологической омонимии неизменяемых субстантивов написал А. И. Смирницкий: у слов «типа *метро, депо, такси, бра...* имеется в сущности омонимия ряда различных форм» [1955, с. 16]. А. А. Зализняк выделяет для таких слов особую парадигму «нулевого склонения» [1967, с. 42–43, 218]. Эту идею поддержала «Русская грамматика»: «Нулевым называется склонение, парадигма которого состоит из омонимичных форм с нулевой флексией: им. п.: *боа, депо, фойе*; род. п.: *боа, депо, фойе*; дат. п.: *боа, депо, фойе...*» [РГ, 1980, с. 506].

С нашей точки зрения, приписывание неизменяемым субстантивам парадигмы падежа-числа с омонимичными нулевыми окончаниями противоречит принципу естественного отражения языковой действительности, которым руководствовался в свое время классик русского языкознания Л. В. Щерба, полагая, что исследователь должен отражать в языке то, что «особенно навязывается самой языковой системой». И далее: «Существование всякой грамматической категории обуславливается тесной, неразрывной связью ее смысла и всех формальных признаков. <...> Само собой разумеется, что должны быть какие-либо *внешние выразители* этих категорий. Если их нет, то нет в данной языковой системе и самих категорий» [Щерба, 1957, с. 64]. Сказанное непосредственно относится и к неизменяемым субстантивам: у них нет «внешних выразителей» падежа и числа, значит, нет и самих категорий. (Не имеет «внешних выразителей» и род этих слов, но у рода особая ситуация; см. об этом ниже.)

Кроме того, приписывание несклоняемым субстантивам омонимичных словоформ падежа и числа не согласуется с тем направлением, по которому идет развитие морфологического строя русского языка, – это «деграмматикализация» – процесс «уменьшения роли флексии и сокращения числа значений, обязательно выражаемых в словоформе» [Князев, 2007, с. 163–165]. Деграмматизированными автор называет словоформы, утратившие изменяемость в процессе развития, как, например, синтетические компаративы прилагательных, деепричастия или словоформы прошедшего времени глагола, имевшие ранее формы лица. Е. В. Клобуков расширяет введенное Ю. П. Князевым понятие: «Деграмматикализация понимается... как отсутствие в словоформе аффиксального выражения ее грамматического значения» [Клобуков, 2014, с. 46]. К классу «морфологически деграмматизированных словоформ» автор относит все неизменяемые части речи, присоединяя к ним и несклоняемые существительные, тем самым справедливо отказывая им в обладании омонимичными формами.

Данная интерпретация неизменяемых субстантивов вполне согласуется с тем процессом, который происходит в сфере падежа русских субстантивов – процесс «расшатывания» и постепенного разрушения этой категории. М. Я. Гловинская приводит богатый языковой материал периода 1985–1995 гг., иллюстрирующий «рост аналитических способов передачи падежных значений, использование неизменяемых форм слова в ущерб косвенным падежам, неправильный выбор падежа» [1996, с. 237]. Приведем некоторые примеры неправильного употребления падежа, встречающиеся, как отмечает автор, даже в письменной речи носителей литературного языка: *Ахматова показывает об этом сходстве*; *Больше уделять внимания на искусство*; *Я читал лекции на двух факультетов*; *Прошел новый тур парламентских выборов*; *Я наслушалась рассказов о колдунов* или *в некоторых своих наблюдений, что касаются импрессионистах*.

Подобные факты свидетельствуют о том, что падежные формы субстантивов утрачивают значимость в передаче смысловых отношений объектов, отражаемых в высказывании, и – в совокупности с другими фактами – о постепенном разрушении категории падежа в русском языке, т. е. об «уменьшении роли флексии» (Ю. П. Князев). На этом фоне не диалектично усматривать у несклоняемых слов наличие омонимичных форм. Таким образом, мы присоединяемся к тем исследователям, которые отрицают наличие у несклоняемых субстантивов омонимичных форм с нулевыми флексиями.

2. Иную природу наличия у несклоняемых существительных рода, числа, падежа видит Е. В. Клобуков, полагая, что эти категории конституируются аналитическими морфологическими формами. Как отмечалось выше, автор относит эти существительные к грамматическому классу «деграмматизированных словоформ», которые «контаминируют внутреннюю морфологическую деграмматизацию с внешней (аналитической) морфологической формой выражения их грамматического значения». У слов «типа метро, боа» внешний аналитический формант (флексии адъективных слов. – Г. П., А. К., Н. К.) является единственным морфологическим средством, служащим для выражения значений рода, числа и падежа: *вижу новое пальто* – ... ‘ср. р.’ + ‘ед. ч.’ + ‘В. п.’» [Клобуков, 2014, с. 55].

Не отрицая возможности такой интерпретации данного языкового материала, представим наш вариант его осмысления. В словосочетании *вижу новое пальто*, бесспорно, выражается информация о роде существительного, а также падежные и количественные значения, но выражаются они разными языковыми единицами. Род закреплен за самим существительным *пальто*, он предопределяет выбор флексии родоизменяемого слова и тоже только отражается в ней, как и при сочетании со склоняемым субстантивом. Количественное и падежное значения, действительно, выражаются флексией прилагательного (ее омонимией мы пренебрежем). Только о чем эта флексия информирует: о значениях числа и падежа слова *пальто* или же об объекте, им названном? На наш взгляд, об объекте.

Если признать наличие у несклоняемых субстантивов аналитических форм рода, числа, падежа, то получается, что один и тот же формант конституирует морфологические формы разных частей речи: синтетические – у прилагательных и аналитические – у существительных. Подобная ситуация не характерна для традиционно известных аналитических форм.

3. Многие лингвисты, отказывая неизменяемым субстантивам в наличии морфологических форм числа и падежа, усматривают у них наличие значений числа и падежа, выражаемых синтаксически. Так, Н. С. Поспелов пишет: «Несклоняемыми называются существительные, не имеющие особых форм падежа и числа и выражающие грамматические значения падежа и числа синтаксически в самом строении предложения...» [1952, с. 93]. (Такого же мнения придерживаются А. Н. Тихонов, А. А. Камынина, М. А. Шелякин и др.)

Процитируем еще Энциклопедию «Русский язык»: «Неизменяемые слова – слова, не имеющие грамм. форм словоизменения. <...> Несклоняемые существительные и прилагательные способны выражать те же грамм. значения, которые есть и у остальных слов соответствующих частей речи, но выражают их только синтаксически...; напр., в словосочетании “купил новое пальто” у слова “пальто” синтаксически выражены значения ср. рода, ед. ч., вин. п.» [РЯ, 2020, с. 384–385].

В теоретических исследованиях такое видение морфологической специфики несклоняемых субстантивов базируется на определенной теоретической основе. Так, Л. А. Мельникова пишет: «Парадигма грамматических значений (в отличие от грамматических форм) является общей у флективных и нефлективных существительных» [2012, с. 82]. «Языковой механизм компенсации грамматических значений несклоняемого существительного состоит в распределении функций отсутствующего форманта между элементами грамматической структуры предложения. <...> Частные категориальные значения данных существительных выражаются синтаксически» [Там же, с. 8].

А. А. Колесников полагает, что значения рода, числа, падежа у неизменяемых существительных выражаются в структуре синтагматической парадигмы, включающей «согласо-

вательные и координируемые ряды обнаружения парадигматически связанных значений существительных»: *отплывает каноэ, стояли досье, проезд на личных такси* [Колесников, 1989, с. 45, 47].

И. В. Приорова пишет: «У несклоняемых существительных содержательные качества морфологических категорий не теряются... а реализуются в замещающем члене – регулирующем элементе...». Так, в высказывании *Ароматное саше лежало на постели* при помощи таких «регулирующих элементов» (их флексии выделены) выражаются значения ср. р., ед. ч., им. п., «присущие заимствованному *саше* как существительному» [2011, с. 56, 57]. Однако имеют ли отношение к существительному выражаемые значения числа и падежа? Полагаем, что нет.

Итак, мы изложили имеющиеся в русистике три точки зрения на морфологическую природу несклоняемых существительных. Первую и вторую точки зрения объединяет то, что у этих существительных усматривается наличие морфологических категорий и форм рода, числа, падежа. В соответствии с первой категории числа и падежа представлены омонимичными формами с нулевым окончанием, в соответствии со второй все три категории представлены аналитическими формами, компонентом которых являются флексии адъективных словоформ. Сущность третьей точки зрения, излагаемой в разных содержательных вариантах большинством грамматистов, сводится к тому, что несклоняемые существительные не имеют морфологических форм числа и падежа, но им присущи МЗ числа и падежа, выражаемые на синтагматическом уровне. На наш взгляд, здесь кроется логическое противоречие: значения приписываются субстантиву, а средства их выражения усматриваются за его пределами. Думается, что количественные и падежные значения, выражаемые флексиями грамматически зависимых адъективов, не имеют отношения к несклоняемому субстантиву, в отличие от значения рода.

Функции адъективных словоформ в сочетании с несклоняемыми существительными

Мы представим раздельное рассмотрение функций адъективных словоформ как носителей МЗ рода, носителей числа и носителей падежа.

Адъективные словоформы как **носители рода** в сочетании с несклоняемыми существительными выполняют, как уже отмечалось, ту же структурную функцию согласования, что и в сочетании со склоняемыми: род прилагательного предопределяется родом существительного, согласуясь с ним: *новое ← пальто, решающий ← пенальти, добродетельная ← леди*. Здесь также есть исключение: это сочетания адъективных словоформ с двуродовыми субстантивами, типа *наш хиппи – наша хиппи*. Родовые словоформы *наш / наша* тоже выполняют семантическую функцию: они непосредственно и независимо от существительного отражают пол обозначаемого им лица-референта. Во всех других случаях родовые формы адъективов выполняют прототипическую структурную функцию согласования, т. е. отражательную функцию.

Адъективные словоформы как **носители числа** в сочетании с неизменяемыми субстантивами утрачивают структурную функцию согласования и приобретают независимую семантическую функцию: их словоформа числа отражает не значение числа несклоняемого субстантива (у которого его нет), а непосредственно количество определяемых реалий: *новое пальто – новые пальто, добродетельная леди – добродетельные леди*. Ю. П. Князев отмечает, что способность прилагательных употребляться «независимо от существительного влечет за собой сокращение формально-синтаксических функций флексии и ее семантизацию» [2007, с. 171].

О возможной семантизации словоформ числа и рода прилагательных (без употребления этого термина) пишет А. В. Бондарко: «Когда отношение к числу и полу не получает специального выражения в словоформе, выступающей в роли подлежащего, категории рода и чис-

ла прилагательных берут на себя основную роль в реализации указанных семантических функций» (ср. *Вы добрый* – ед. ч.; *Вы добрые* – мн. ч.; *Ты добрый* – отношение к мужскому полу; *Ты добрая* – отношение к женскому полу) [Бондарко, 2005, с. 47].

Адъективные словоформы как **носители падежа** при сочетании с неизменяемыми существительными находятся в несколько иной ситуации. Их словоформа падежа тоже утрачивает структурную согласовательную функцию, но при этом затруднительно говорить о ее семантизации (в отличие от формы числа), так как падеж субстантива не является самостоятельным носителем падежного значения.

Каждая словоформа падежа обладает определенной «парадигмой падежных значений» (Е. В. Клобуков), а реализация каждого из значений зависит от ряда факторов: от позиции падежной словоформы в высказывании – независимая или зависимая, как в абсолютном большинстве употреблений, и в последнем случае от валентности господствующего слова, от его семантики, от лексической семантики самой словоформы падежа и др. Таким образом, падежное значение словоформы в высказывании предопределено теми факторами, которые находятся вне морфологической формы падежа. И потому падежные «семантические роли» могут «исполнять» не только изменяемые по падежам субстантивы, но и неизменяемые, не нарушая в большинстве случаев прозрачности смысловых отношений. См., например: *появился ослик* / *появился пони*, *купили ослика* / *купили пони*, *дали корм ослику* / *дали корм пони*³.

Если при склоняемом существительном валентная позиция «господствующего» слова предопределяет падежную форму существительного, а последняя, в свою очередь, обуславливает падеж адъектива, то при несклоняемом она предопределяет непосредственно падеж адъектива. Представим эти две ситуации наглядно:

- 1) *появился маленький* ← *ослик*, *привезли маленького* ← *ослика*;
 2) *появился* → *маленький пони*, *привезли* → *маленького пони*.

Так как словоформа падежа существительного сама по себе не является носителем падежного значения (в данных примерах значений субъекта и объекта), то не приходится говорить и о семантизации словоформы падежа адъектива при ее сочетании с беспадежным существительным.

Заключение

Итак, несклоняемые субстантивы не имеют морфологических категорий, форм и значений числа и падежа. Эти значения выражаются на синтагматическом уровне без морфологического участия существительных. Несклоняемые субстантивы имеют только род, который закреплен за каждым существительным и предопределяет родовую форму зависимого слова. Род не выражается в несклоняемых субстантивах, а присваивается им по известным правилам, имеющим не грамматический, а семантический характер (учитывается их неодушевленность / одушевленность, наличие / отсутствие семы пола и др.).

По существу, все интерпретации морфологической природы несклоняемых субстантивов обращаются к адъективным словоформам: их так или иначе связывают с выражением значений рода, числа и падежа существительных или же с разграничением омонимичных форм числа, падежа, наличие которых иногда приписывают несклоняемым субстантивам. Проведенное исследование подводит нас к следующей интерпретации функционально-грамматического потенциала адъективных словоформ в русском языке.

В сочетании со склоняемым существительным адъективы выполняют структурную функцию согласования в роде, числе и падеже. Исключение составляют адъективные слово-

³ Анализ синтаксических позиций несклоняемых субстантивов, неоднозначных в плане выражения падежных отношений, представлен в [Мельникова, 2012, с. 84–138]. См. примеры: *Художник писал Леонардо* (кого? кому?), *Мне открыла сестра Элис* (чья? какая?).

формы как носители рода в сочетании с двуродовым субстантивом (включая и несклоняемое): в этой позиции они утрачивают структурную функцию согласования и приобретают семантическую функцию, самостоятельно отражая пол обозначаемого субстантивом лица.

В сочетании с несклоняемым существительным адъективы сохраняют структурную функцию согласования только в роде (если существительное не двуродовое) и утрачивают согласование в числе и падеже в силу их отсутствия у данного субстантива. В сфере этих категорий они обретают самостоятельность и фактически берут на себя выполнение морфологических функций склоняемого субстантива, включая его семантическую способность непосредственно отражать количество обозначаемых объектов.

Что касается адъективных флексий, то они являются средством выражения МЗ только в структуре самих адъективных словоформ. Адъективные флексии не выражают МЗ существительных, а лишь отражают их: у склоняемых субстантивов они отражают комплексную форму рода, числа, падежа, являясь ее синтагматическим «отпечатком», а у несклоняемых отражают только род – единственную их морфологическую категорию.

Таким образом, подлинный статус средств выражения МЗ имеют те языковые единицы, которые входят в структуру словоформы, содержащей данные значения. Все единицы, находящиеся за пределами этой словоформы, являются не средством выражения, а лишь формальным отражением ее МЗ и, следовательно, их синтагматическим показателем.

Список литературы

- Бондарко А. В.** Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: ЯСК, 2005. 624 с.
- Виноградов В. В.** Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высш. шк., 1972. 616 с.
- Гловинская М. Я.** Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: ЯСК, 1996. С. 237–304.
- Голев Н. Д.** «Общий род» и гендерная семантика русских имен существительных: бигендерность или агендерность? // Вестник Том. ун-та. Филология. 2013. № 6 (26). С. 14–28.
- Зализняк А. А.** Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 370 с.
- Клобуков Е. В.** Неизменяемые словоформы в морфологической системе современного русского языка // Язык. Литература. Культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. М., 2014. Вып. 10. С. 45–57.
- Князев Ю. П.** Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: ЯСК, 2007. 704 с.
- Колесников А. А.** Неизменяемые имена существительные русского языка, обозначающие исчисляемые предметы // Филологические науки. 1989. № 5. С. 45–49.
- Копелиович А. Б.** Очерки истории грамматического рода. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. 118 с.
- КРГ – Краткая русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. М.: Рус. яз., 1989. 639 с.
- Лопатин В. В.** Морфологические категории в плане выражения // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1984. С. 3–13.
- Мельникова Л. А.** Несклоняемые имена существительные в русском языке: грамматика и функционирование: Дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2012. 178 с.
- Панова Г. И.** Морфологические категории в современном русском языке: аспекты формального выражения глагольного вида и рода существительных. СПб.; Абакан, 1996. 164 с.
- Панова Г. И.** Морфология русского языка: Энциклопедический словарь-справочник. 2-е изд. М.: КомКнига, 2014. 448 с.
- Панова Г. И.** Морфология современного русского литературного языка: Учеб. пособие для вузов. М.: Юрайт, 2022. 564 с.

- Панова Г. И., Викторина Т. В., Кузьмина А. Е.** Морфологические средства в русском языке: уточнение понятия // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 23–33. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-23-33
- Поспелов Н. С.** Части речи. Имя существительное // Современный русский язык. Морфология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. С. 57–130.
- Приорова И. В.** Грамматическая «асистемность» несклоняемых имен в русском языке как лингвистическая проблема // Вестник Сургут. гос. пед. ун-та. 2011. № 2 (13). С. 54–60.
- РГ – Русская грамматика: В 2 т. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: АН СССР, Ин-т рус. яз., 1980. Т. 1. 783 с.
- РЯ – Русский язык. Энциклопедия / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; под общ. ред. А. М. Молдована. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. 904 с.
- Смирницкий А. И.** Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 11–53.
- Щерба Л. В.** Избранные работы по русскому языку. М., 1957. 186 с.

References

- Bondarko A. V.** Teoriya morfologicheskikh kategorii i aspektologicheskie issledovaniya [Theory of morphological categories and aspectological studies]. Moscow, Languages of Slavic Cultures, 2005, 620 p. (in Russ.)
- Glovinskaya M. Ya.** Aktivnye protsessy v grammatike (na materiale innovatsii i massovykh yazykovykh oshibok) [Active processes in grammar (based on the material of innovations and mass language errors)]. In: Russian language of the late twentieth century (1985–1995). Moscow, Languages of Slavic Cultures, 1996, pp. 237–304. (in Russ.)
- Golev N. D.** “Obshchii rod” i gendernaya semantika russkikh imyon sushchestvitel'nykh: bigendernost' ili agendernost'? [“Common gender” and gender semantics of Russian nouns: bigenderness or agenderness?]. *Bulletin of Tomsk University. Philology*, 2013, no. 6 (26), pp. 14–28. (in Russ.)
- Klobukov E. V.** Neizmenyaemye slovoformy v morfologicheskoi sisteme sovremennogo russkogo yazyka [Immutable word forms in the morphological system of the modern Russian language]. In: Language. Literature. Culture: Actual problems of studying and teaching. Moscow, 2014, iss. 10, pp. 45–57. (in Russ.)
- Knyazev Yu. P.** Grammaticheskaya semantika. Russkii yazyk v tipologicheskoi perspektive [Grammatical semantics. Russian language in typological perspective]. Moscow, Languages of Slavic Cultures, 2007, 704 p. (in Russ.)
- Kolesnikov A. A.** Neizmeniaemye imena sushchestvitel'nye russkogo iazyka, oboznachaiushchie ischisliaemye predmety [Invariable nouns of the Russian language denoting countable objects]. *Philological Sciences*, 1989, no. 5, pp. 45–49. (in Russ.)
- Kopeliovich A. B.** Ocherki istorii grammaticheskogo roda [Essays on the history of grammatical gender]. Vladivostok, Far Eastern Uni. Press, 1989, 118 p. (in Russ.)
- Lopatin V. V.** Morfologicheskie kategorii v plane vyrazheniya [Morphological categories in terms of expression]. In: Russian language. Functioning of grammatical categories. Text and context. Moscow, 1984, pp. 3–13. (in Russ.)
- Melnikova L. A.** Nesklonyaemye imena sushchestvitel'nye v russkom yazyke: grammatika i funktsionirovanie [Indeclinable nouns in Russian: grammar and functioning]. Cand. of Philol. Sci. Diss. Astrakhan, 2012, 178 p. (in Russ.)
- Moldovan A. M.** (ed.). Russkii yazyk [Russian language]. Encyclopedia. Institute of Russian language. Russian Academy of Sciences. 3rd ed. Moscow: AST-PRESS SCHOOL, 2020, 904 p. (in Russ.)
- Panova G. I.** Morfologicheskie kategorii v sovremennom russkom yazyke: aspekty formal'nogo vyrazheniya glagol'nogo vida i roda sushchestvitel'nykh [Morphological categories in modern

- Russian: aspects of the formal expression of the verb form and the gender of nouns]. St. Petersburg, Abakan, 1996, 164 p. (in Russ.)
- Panova G. I.** Morfologiya russkogo yazyka [Morphology of the Russian language]. An encyclopedic dictionary-reference book. 2nd ed. Moscow, KomKniga, 2014, 448 p. (in Russ.)
- Panova G. I.** Morfologiya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Morphology of the modern Russian literary language]. A textbook for Universities. Moscow, Yurait Publ., 2022, 564 p. (in Russ.)
- Panova G. I., Viktorina T. V., Kuzmina A. E.** Morphological Means in Russian: Clarification of the Concept. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 23–33. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-23-33
- Pospelov N. S.** Chasti rechi. Imya sushchestvitel'noe [Parts of speech. Noun]. In: *Sovremennyyi russkii yazyk. Morfologiya* [Modern Russian language. Morphology]. Moscow, Moscow Uni. Press, 1952, pp. 57–130. (in Russ.)
- Priorova I. V.** Grammaticheskaya “asistemnost” nesklonyaemykh imyon v russkom yazyke kak lingvisticheskaya problema [Grammatical “asystemicity” of non-declinable names in the Russian language as a linguistic problem]. *Bulletin of the Surgut State Pedagogical University*, 2011, no. 2 (13), pp. 54–60. (in Russ.)
- Shcherba L. V.** Izbrannye raboty po russkomu yazyku [Selected works on the Russian language]. Moscow, 1957, 186 p. (in Russ.)
- Shvedova N. Yu.** (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. In 2 vols. Moscow, AS USSR Publ., Institute of the Russian Language, 1980, vol. 1, 783 p. (in Russ.)
- Shvedova N. Yu., Lopatin V. V.** (eds.). *Kratkaya russkaya grammatika* [Brief Russian Grammar]. Moscow, Russian language, 1989, 639 p. (in Russ.)
- Smirnitsky A. I.** Leksicheskoe i grammaticheskoe v slove [Lexical and grammatical in a word]. In: *Questions of grammatical structure*. Moscow, AS USSR Publ., 1955, pp. 11–53. (in Russ.)
- Vinogradov V. V.** *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language. Grammatical teaching about the word]. Moscow, Higher School, 1972, 616 p. (in Russ.)
- Zaliznyak A. A.** *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian nominal inflection]. Moscow, Nauka, 1967, 370 p. (in Russ.)

Информация об авторах

- Галина Ивановна Панова**, доктор филологических наук
SPIN 2059-4022
- Антонина Евгеньевна Кузьмина**, кандидат филологических наук
SPIN 6725-6959
- Надежда Юрьевна Кравченко**, старший преподаватель

Information about the Authors

- Galina I. Panova**, Doctor of Sciences (Philology)
SPIN 2059-4022
- Antonina E. Kuzmina**, Candidate of Sciences (Philology)
SPIN 6725-6959
- Nadezhda Yu. Kravchenko**, Senior Lecturer

Вклад авторов:

Г. И. Панова – общее научное руководство, разработка концепции, написание основного текста статьи.

А. Е. Кузьмина – подготовка большей части раздела «О средствах выражения морфологических значений в русистике», выверка окончательного варианта статьи.

Н. Ю. Кравченко – подготовка части раздела «Статус супплетивных основ», техническое оформление статьи.

Contribution of the Authors:

Galina I. Panova guided the research process, built up the concept and wrote the main body of the article.

Antonina E. Kuzmina wrote the better half of the section “On ways of expressing morphological meanings in Russian”, proofreading the final version of the article.

Nadezhda Yu. Kravchenko wrote part of the section “The status of suppletive word-stems”, contributed to the final formatting of the article.

*Статья поступила в редакцию 18.06.2022;
одобрена после рецензирования 28.08.2022; принята к публикации 30.08.2022
The article was submitted on 18.06.2022;
approved after reviewing on 28.08.2022; accepted for publication on 30.08.2022*

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-42-49

Истинностная оценка в комментариях интернет-пользователей к новостям о пандемии коронавируса SARS-CoV-2

Алина Алексеевна Алексеева¹

Ли Цзиньхуа²

^{1,2} Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ alina.alexeeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4913-1506>

² 292242129@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-6569-9949>

Аннотация

Рассматривается реализация истинностной оценки – лидирующего типа оценки в комментариях интернет-пользователей к новостям, посвященным пандемии коронавируса. Анализ материала показал доминирование отрицательно-оценочных эмоционально-окрашенных языковых единиц, основная часть которых представляет собой слова аксиологической семантики и оценочные метафоры. В выражении истинностной оценки участвуют также единицы фразеологического и синтаксического уровней. В ряде контекстов наблюдается интенсификация оценки, в отдельных случаях – трансформация или конкретизация типа оценки, осложнение базовой оценки дополнительной оценкой другого типа. Ценностной доминантой российского общества в отношении пандемии является достоверность информации, наличие доказательств, подтверждающих заявления официальных лиц, реальные научные данные; доминирующее отношение к получаемой информации – недоверие и агрессия.

Ключевые слова

истинностная оценка, оценочная лексика, ценностная доминанта, интернет-комментарий, наивный дискурс, интернет-дискурс

Для цитирования

Алексеева А. А., Ли Цзиньхуа. Истинностная оценка в комментариях интернет-пользователей к новостям о пандемии коронавируса SARS-CoV-2 // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 42–49. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-42-49

Veracity Appraisal in the Internet Users' Comments on the News about SARS CoV-2 Pandemic

Alina A. Alekseeva¹, Li Jinhua²

^{1,2} Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ alina.alexeeva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4913-1506>

² 292242129@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-6569-9949>

Abstract

Purpose. The article is devoted to the representation of the veracity appraisal – the main type of appraisal in the Internet users' comments on the news about the SARS-CoV-2 pandemic. The purpose of the paper is to investigate what linguistic means are used to represent this kind of appraisal and identify the dominant value in Russian society to-

© Алексеева А. А., Ли Цзиньхуа, 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 42–49

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 42–49

wards this matter. To reach this goal, we used continuous sampling technique to select 1 187 comments on posts about SARS-CoV-2 pandemic in social networks, where 116 language units containing veracity appraisal were found.

Results. The analysis of the material shows the domination of negative emotionally coloured language units, mostly words with axiological semantics and evaluative metaphors. The veracity appraisal is also represented by phraseological and syntactic units. In some contexts appraisal can be intensified; in particular cases appraisal type is transformed or concretized by the addition of another type to the basic one.

Conclusion. The value dominant of the Russian society regarding the SARS-CoV-2 pandemic is the veracity of information, proofs that can confirm the official statements, and real scientific data. The dominant attitude to the received information is distrust which leads to somewhat intense aggression.

Keywords

veracity appraisal, evaluative vocabulary, value dominant, internet comment, naïve discourse, internet discourse

For citation

Alekseeva A. A., Li Jinhua. Veracity Appraisal in the Internet Users' Comments on the News about SARS CoV-2 Pandemic. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 42–49. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-42-49

Введение

Изучение оценки как лингвистической категории давно и успешно проводится на материале различных словарей и дискурсов. Это позволяет делать выводы о том, какие аспекты оценки являются универсальными и уникальными, какие ценностные доминанты имеют место в обществе в определенное время и какие изменения они претерпевают. На наш взгляд, наивный дискурс быстрее других видов дискурса реагирует на динамику ценностей различных социальных групп и общества в целом и отражает эти процессы в разноуровневых языковых единицах.

Пандемия коронавируса SARS-CoV-2 во многом изменила современный мир, обострила существующие проблемы и спровоцировала возникновение новых, привела к расколу мирового сообщества по многим вопросам: необходимость соблюдения строгих карантинных мер, социальной изоляции и дистанции, вакцинации и т. д. Эти темы широко обсуждаются в том числе в наивном интернет-дискурсе, под которым мы понимаем такой тип дискурса, который включает в себя тексты различных жанров, существующих в Интернете, и написанных людьми, которые не являются ни экспертами в обсуждаемых ими областях, ни профессиональными журналистами.

Задача данной статьи – выявить типы и способы репрезентации оценок в таком жанре наивного интернет-дискурса, как комментарии пользователей. М. П. Филиппова определяет этот жанр следующим образом: «Интернет-комментарий представляет собой небольшое речевое произведение, в первую очередь, *оценочного* характера. Коммуникативная цель интернет-комментария – *оценивание* фактов, предоставление и обсуждение информации, выражение личного отношения, получение информации в ответ» [2020, с. 1051].

Материалом для нашего исследования стали комментарии пользователей к новостным статьям, посвященным пандемии коронавируса, собранные методом сплошной выборки с февраля по ноябрь 2021 г. из социальных сетей «ВКонтакте»¹ (124 комментария к 2 новостям), Twitter² (в настоящий момент запрещена в России; 852 комментария к 37 новостям), а также на сайте «РИА Новости»³ (211 комментариев к 8 новостям). В них выявлены оценки, которые затем были классифицированы с точки зрения основания [Алексеева, 2019] и типа языковых единиц, которыми они репрезентированы. В данной статье мы обратимся к доминирующему в количественном отношении типу оценок – истинностным (в нашем материале они составляют 29,3 % от общего количества оценочных единиц). Оценки такого вида выра-

¹ <https://vk.com>

² <https://twitter.com>

³ <https://ria.ru>

жают мнение автора высказывания о соответствии или несоответствии объекта действительности реальному положению дел.

Результаты исследования и обсуждение

Мы классифицировали истинностные оценки по разным критериям, одним из которых является знак оценки. В нашем материале заметно преобладают отрицательные оценки (100 единиц): «даже из этого *вранья* следует, что *фуфломидин* не работает⁴», «меры принимаемые по борьбе с ним, точно такие же, как и с глобальным потеплением – *фикция*», «сейчас все СМИ наперегонки предлагают свои *непроверенные информаики* страшнее одна другой». Положительных аксиологических единиц всего 16: «он *прав*», «Проценко я *доверяю*, он крутой врач!!!», «Это *факт*, нужно было сразу вакцинироваться». Таким образом, в нашем материале отрицательных оценочных единиц в 6,25 раза больше, чем положительных. Преобладание отрицательных оценок вполне закономерно и объясняется интра- и экстралингвистическими факторами. Как отмечает, например, Е. В. Скворцова, «асимметрия положительной и отрицательной зон оценки» в целом «проявляется как в языке, так и при его функционировании, т. е. в речи» [2014, с. 342]. Количественные данные, полученные исследовательницей на материале Словаря русского языка под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой и Longman Dictionary of Contemporary English, наглядно демонстрируют это: в толковом словаре русского языка было выявлено 1 356 отрицательных оценочных единиц и 734 положительных (негативно-оценочных единиц в 1,85 раза больше), в словаре английского языка, соответственно, 4 112 и 2 327 (разница в 1,76 раза). Значительно больший количественный разрыв, выявленный в ходе нашего исследования, связан с особенностью материала: «сущность медиадискурса, его ориентация на критику и полемику, предполагает концентрацию именно негативной оценки», «обострение социальных и политических противоречий мотивируют преобладание негативно-оценочных коннотаций» [Куликова, 2021, с. 39].

Положительные оценочные единицы являются в абсолютном большинстве рациональными, а не эмоциональными: «*реальная картина*», «*достоверные данные*», «*надежный показатель*», «Не возможно, а *так и есть*». Нам встретился лишь один пример, в котором оценочная единица содержала эмоциональный (шутливый) оттенок: «*Истину глаголишь!* Если бы, привились все одномоментно, именно так и произошло бы. Учите матчасть!». Отрицательные оценочные единицы, напротив, в основном содержат сему экспрессивности: *вранье* (8), *чушь* (4), *антинаучная брехня*, *лабуда*, *чепуха* и т. д. Немало среди подобных примеров и обценных слов. Даже если само слово, выражающее оценку, в своем словарном значении не содержит экспрессивную сему, весь контекст его употребления может быть наделен экспрессивностью. Так, носителем отрицательной оценки во фразе «Врать не устали?!» является глагол *врать* разговорного стиля, но особую эмоциональность ей добавляет ирония (*не устали*) и риторический вопрос, в графическом плане усиленный двумя восклицательными знаками.

Существенный перевес в сторону эмоциональных отрицательных оценок вполне закономерен: человеку свойственно маркировать именно отклонение от нормы. Оценивание какого-либо события или объекта действительности как соответствующего действительности воспринимается, скорее, как констатация факта и не нуждается в эмоциональном подкреплении.

Материал был также проанализирован с точки зрения того, единицы каких уровней языка участвуют в выражении оценки. Наибольшее количество представляет собой лексические единицы. Часть из них – слова, употребленные в прямом значении: *ложь*, *нет веры*, *фейк*, *фикция* и т. д. В небольшом количестве примеров использованы неологизмы с компонентом, обозначающим ложь: «политический *фальшивирус*», «И сколько умерло от русской *псевдо*

⁴ Все примеры приведены с сохранением авторской орфографии, пунктуации и стилистики.

вакцины вообще никто не считает». Было выявлено несколько словообразовательных гнезд: *врать, вранье, завратиться* («Ничего святого, товарищ министр! *Заврались* окончательно. То можно, то нет. То нужно, то подождите. Вся страна на ушах, а вы каждый день *врите*», «*вранье* Палестина получает PFIZER причем помогает ей Израиль»); *верить, непроверенный, достоверный* («Врут, как всегда. Никто им уже и не *верит*», «*непроверенные* информашки», «*достоверная* статистика»); *ложь, лживый, солгавши* («Без данных это *ложь!*», «Мнение *лживых* холуев очень ценно для нас!», «Единожды *солгавши*, кто тебе поверит?»); *манипулировать, поманипулировать, манипулятивный* («*поманипулировать* цифрами», «*манипулируют* данными», «*манипулятивный* бред»).

Некоторые единицы этого уровня представляют собой узуальные метафоры, сферами-источниками которых являются связанные друг с другом (1) сфера волшебства, (2) сфера карточных игр и (3) сфера психического заболевания: «О великая *магия* и благодать маски! На упаковке написано, что изделие не обеспечивает ни антивирусной, ни антибактериальной защиты. Но стоит только надеть ее на лицо, как маска сразу же обретает способность оказывать эту защиту. *Чудеса* цифровизированных технологий!», «коронавирусные *бредни*», «Наш народ запугали *сказками* про чипирование и смерти от вакцины, но это все *бред*», «А где данные заявили они? Проводили же исследование в Дании там разница смешная, заболеваемость в маске 2,7 % а без маски 3,1 %. Какие полтора раза, *сказочники* херовы», «*Шулерство* мирового масштаба», «Вообще эта тема вся про вакцинацию полный *блеф* – бабки прокачивают и только».

Небольшое количество оценочных единиц представляют собой фразеологизмы: «Перестаньте *нести чушь*», «Хватит людям *пудрить мозги*», «Хватит *по ушам ездить*», «Откуда вам *знать*, как было в Израиле и что там запрещали и как», «А сейчас все *ставится под сомнение*», «все эти цифры *берутся с фонаря* в бункере».

С точки зрения влияния контекста оценки разделяются на ингерентные, представляющие собой «отраженные сознанием эмоциональную реакцию и оценку говорящего (лица или коллектива) по отношению к определенному референту и закрепленные в значении данной лексемы или ЛСВ в качестве самостоятельной инвариантной семы, которая реализуется в речи в конкретных словоформах в той или иной ее аллосеме», и адгерентные – «не закрепленные в значении слова эмоциональная реакция и мнение (оценка) говорящего по отношению к некоторому референту, актуализирующиеся данной словоформой лишь в определенном речевом акте, на фоне конкретного контекста [Лукьянова, 1986, с. 52]. В нашем материале ингерентных оценок почти в 3 раза больше, чем адгерентных, однако абсолютное значение последних довольно велико – 32 единицы. Рассмотрим самые яркие примеры.

Фраза «передайте Гинцбургу, что мы стали сами все видеть!» выражает отрицательную истинностную оценку заявлениям директора НИЦЭМ им. Н. Ф. Гамалеи: *стали сами все видеть = стали сами все понимать = нам открылась истина, которую от нас скрывают*. Вопросы «Доказательства где?» в качестве реакции на пост «80 % больных COVID-19 в Подмосковье не вакцинированы, заявил Воробьев» и «Где статистика по смертности данной группы населения?» в ответ на сообщение «Собянин заявил о росте смертности от COVID-19 среди детей» отражают недоверие авторов комментариев к достоверности опубликованных новостей, несмотря на то, что слова, из которых состоят данные вопросительные фразы, не содержат оценочного компонента в своих значениях.

Нередко оценка выражается посредством иронии. Так, в одном из комментариев к новости «Уровень коллективного иммунитета к COVID-19 в Москве составил 62,7 %» использовано дискурсивное слово *ага* и глагол *видеть* в значениях, противоположных узуальным: «*Ага*, мы *видим* по статистике». Примечательно, что в этом и предыдущем примере для выражения истинностной оценки использовано слово *видеть*. Оно также встречается в комментарии «Я бы предпочел *увидеть* данные по избыточной смертности в разрезе стран, а не готовые данные смертности по Ковиду». Глагол *видеть*, как можно судить по проанализированным контекстам, обладает потенциалом для формирования оценочного компонента в кон-

тексте, причем благодаря двум своим значениям – ‘воспринимать зрением’ (видеть объект действительности) и ‘понимать’ (знать истину). Сходный способ выражения отрицательной истинностной оценки имеет место в комментарии «Да что-то *не заметно*» в ответ на сообщение «В регионах, где ввели жесткие меры по COVID-19, рост заболеваемости снизился, заявил Мурашко». Выделенное слово относится к той же лексико-семантической группе, что и глагол *видеть*.

К новостному сообщению «Число жертв COVID-19 в США превысило боевые потери в трех войнах», опубликованному в «Твиттере» (запрещен в России) РИА «Новости», был оставлен комментарий: «<...> *поназаписывали туда раковых больных и столетних стариков*». Эта фраза целиком является носителем оценки в данном контексте, поскольку содержит стилистически сниженный глагол *поназаписывали*, отражающий благодаря словообразовательным формантам неодобрительное отношение автора сообщения к описываемому явлению. Причем в данном контексте мы видим трансформацию количественной оценки в истинностную: *поназаписывать* в своем значении содержит отрицательную оценку количества записанных объектов – в данном случае внесенных в статистику пациентов. Однако через оценивание количества «поназаписанных» пациентов в конечном счете дается оценка официальной статистике жертв COVID-19 в США: в подсчеты намеренно внесли слишком много пациентов с сопутствующими заболеваниями, которые исказили статистику именно по COVID-19, а значит, этой статистике, по мнению автора сообщения, нельзя доверять.

Подобное явление трансформации, а точнее, конкретизации типа оценки видим и в другом примере: «В нормальных странах проводят и публикуют научные исследования с открытой статистикой и исходными данными во всех прочих – заявления гинцбурга». Антитеза «в нормальных странах» – «во всех прочих» позволяет автору статьи эксплицировать отрицательную нормативную оценку. Однако подтекст сообщения предполагает, что «нормальные страны» обнародуют данные, соответствующие действительности, тогда как «во всех прочих» публикуются заявления официальных лиц без подкрепления научными данными. Таким образом, автор сообщения оценивает не столько соответствие нормам научной коммуникации, сколько соответствие действительности. По нашему мнению, истинностная оценка является разновидностью нормативной, поэтому в данном случае мы имеем дело с конкретизацией типа оценки.

Особое внимание обратим на примеры интенсификации оценки. В ряде случаев в качестве интенсификатора используется отдельное слово: «*Вранье полное!*», «*Заврались окончательно*», «*Заврались уже совсем*», «Чем *чудовищнее ложь*, тем охотнее в нее верят и тем быстрее она распространяется». В некоторых контекстах интенсификация происходит посредством использования фразеологического сочетания: «*шулерство мирового масштаба*», «У них там генератор случайных цифр *“пальцем в небо”*», «Роспотребнадзор не может проверить даже на своих сотрудниках, каждый *сбрешет и не моргнет даже глазом*».

Иногда в пределах одной фразы сочетается несколько разных интенсификаторов. В ряде случаев это приводит к созданию плеонастического сочетания: «*фальшивые сказки* из соцсетей», «*лживая фейковая туфта с фальшивыми* данными об эпидемии». В предложении «*Откровенная ложь, годится только для зомбирования простодушных жертв ЕГЭ*» основной носитель отрицательной (причем рациональной) оценки – существительное *ложь* – усилено прилагательным и целой предикативной единицей, включающей в себя экспрессивно-оценочные метафоры *зомбирование* и *жертвы ЕГЭ*, а также оценочное прилагательное *простодушный*. Интересно, что в данном случае мы наблюдаем не просто усиление экспликации базовой оценки (истинностной), а усиление с осложнением, которое проявляется в том, что к базовой оценке присоединяется дополнительная оценка другого типа (интеллектуальная).

Основные количественные данные, полученные в ходе исследования, представлены в таблице.

Характеристики языковых единиц, выражающих истинностную оценку
в публикациях социальных медиа, посвященных событиям пандемии SARS CoV-2
Characteristic of units of language expressing veracity appraisal
in social media posts about SARS CoV-2 pandemic

Типы оценок по «знаку», ед.		
положительные		отрицательные
16		100
Рациональные / эмоциональные оценки, ед.		
рациональные		эмоциональные
31		85
Типы оценок по влиянию контекста, ед.		
ингерентные		адгерентные
84		32
Способы выражения оценок, ед.		
лексические средства		фразеологические средства
слова аксиологической семантики	метафоры	8
97	11	

Заключение

Комментарии интернет-пользователей к новостям о пандемии коронавируса SARS-CoV-2 содержат очень большое количество оценочных единиц, и лидирующим типом оценки является истинностная. Отрицательно-оценочные единицы значительно превосходят положительные в количественном отношении. Кроме того, эмоциональные оценки используются заметно чаще рациональных. Ингерентные оценки количественно превосходят адгерентные, однако в абсолютном отношении адгерентных оценок довольно много. Основным языковым средством экспликации истинностной оценки являются единицы лексического уровня – слова с аксиологическим компонентом значения, а также оценочные метафоры, сферами-источниками которых являются связанные друг с другом сферы волшебства, карточных игр и психического заболевания. Менее представленным средством выражения истинностной оценки являются фразеологические единицы, в ряде случаев в выражении оценки участвует предикативная единица целиком. Нередки случаи интенсификации оценки, в том числе приводящие к появлению плеонастических сочетаний. В отдельных случаях можно наблюдать процессы трансформации или конкретизации типа оценки, а также осложнения базовой оценки дополнительной оценкой другого типа.

Анализ материала позволяет сделать вывод о том, что ценностной доминантой российского общества в отношении пандемии нового коронавируса являются достоверность информации, наличие доказательств, подтверждающих заявления официальных лиц, реальные научные данные, полученные в ходе исследований. При этом доминирующее отношение к получаемой информации – недоверие и агрессия.

Список литературы

- Алексеева А. А.** Классификация аксиологических значений по основанию оценки: молодое вино в новые мехи? // Вестник Том. гос. ун-та. 2019. № 449. С. 5–15. DOI 10.17223/15617793/449/1
- Куликова В. А.** Градуальность словообразовательных средств выражения оценки (на материале новообразований в интернет-СМИ XXI века) // Вестник Том. гос. ун-та. 2021. № 471. С. 39–50. DOI 10.17223/15617793/471/4

- Лукьянова Н. А.** Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики. Новосибирск, 1986. 230 с.
- Скворцова Е. В.** Несимметричность положительных и отрицательных оценок в языке и при его функционировании в речи // Изв. Тул. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2014. С. 342–347.
- Филиппова М. П.** Интернет-комментарий и сообщение на интернет-форуме: параметры жанрового разграничения // Вестник Удмурт. ун-та. Серия: История и филология. 2020. Т. 30, вып. 6. С. 1045–1054. DOI 10.35634/2412-9534-2020-30-6-1049-1054

References

- Alekseeva A. A.** Klassifikatsiya aksiologicheskikh znachenii po osnovaniyu otsenki: molodoe vino v novye mekhi? [The Classification of Appraisals by Their Semantic Bases: New Wine into New Wineskins?]. *Herald of Tomsk State University*, 2019, no. 449, pp. 5–15. (in Russ.) DOI 10.17223/15617793/449/1
- Filippova M. P.** Internet-kommentarii i soobshchenie na internet-forume: parametry zhanrovogo razgranicheniya [Online Comment and Message on the Internet Forum: Differentiation Parameters of Genres]. *Herald of Udmurt State University. History and Philology*, 2020, vol. 30, iss. 6, pp. 1045–1054. (in Russ.) DOI 10.35634/2412-9534-2020-30-6-1049-1054
- Kulikova V. A.** Gradual'nost' slovoobrazovatel'nykh sredstv vyrazheniya otsenki (na materiale no-voobrazovaniy v internet-SMI XXI veka) [Graduality of Word-Formation Evaluative Means (On the Material of Neologisms in the Internet Media of the 21st Century)]. *Herald of Tomsk State University*, 2021, no. 471, pp. 39–50. (in Russ.) DOI 10.17223/15617793/471/4
- Lukyanova N. A.** Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya. Problemy semantiki [Expressive Vocabulary Used in Colloquial Speech. Problems of Semantics]. Novosibirsk, 1986, 230 p. (in Russ.)
- Skvortsova E. V.** Nesimmetrichnost' polozhitel'nykh i otritsatel'nykh otsenok v yazyke i pri ego funktsionirovaniy v rechi [Dissymmetry of Positive and Negative Evaluations in Language and Upon Its Functioning in Speech]. *Herald of Tula State University. The Humanities*, 2014, pp. 342–347. (in Russ.)

Информация об авторах

Алина Алексеевна Алексеева, кандидат филологических наук
Scopus 57196652211
RSCI Author ID 574506
SPIN 5332-9752
Ли Цзиньхуа, аспирант

Information about the Authors

Alina A. Alekseeva, Candidate of Sciences (Philology)
Scopus 57196652211
RSCI Author ID 574506
SPIN 5332-9752
Li Jinhua, Post-Graduate Student

Вклад авторов:

А. А. Алексеева – научное консультирование, доработка итогового варианта статьи.
Ли Цзиньхуа – сбор и анализ материала.

Contribution of the Authors:

A. A. Alekseeva guided the research process, prepared the final version of the article.
Li Jinhua collected and analyzed the material.

*Статья поступила в редакцию 03.04.2022;
одобрена после рецензирования 15.05.2022; принята к публикации 16.05.2022
The article was submitted on 03.04.2022;
approved after reviewing on 15.05.2022; accepted for publication on 16.05.2022*

Научная статья

УДК 81-25

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-50-60

Обращения в русской и персидской лингвокультурах: сопоставительный аспект

Халида Сиями Эйдлак ¹

Маджид Эстири ²

¹ Боджнордский университет
Боджнорд, Иран

² Университет Гонбад-Кавус
Гонбад-Кавус, Иран

¹ kh.siyami@ub.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0001-9466-7428>

² m.estiri@gonbad.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0003-0014-4330>

Аннотация

Настоящее исследование посвящено сопоставительному изучению обращений в русском и персидском языках в коммуникативно-прагматическом аспекте. Цель исследования заключается в описании лингвистических единиц, выступающих в функции обращений, их коннотации и переводческой корреляции в русско-персидском сопоставительном аспекте речевого этикета. Материалом исследования послужили наиболее употребительные русские и персидские единицы речевого акта, которые отобраны авторами в результате наблюдения за речью носителей языков, а также методом сплошной выборки из работ ведущих исследователей данной области в русско-иранской сопоставительной лингвистике. В результате исследования обращения разделены на две группы: регламентированные, нерегламентированные. Изучение обращений в данном аспекте поможет предотвратить возможные недоразумения, вызванные различиями в лингвокультурном воспитании иранского и русского общества.

Ключевые слова

обращения, коммуникация, русский как иностранный, Иран, лингвокультура, речевой этикет

Для цитирования

Сиями Эйдлак Х., Эстири М. Обращения в русской и персидской лингвокультурах: сопоставительный аспект // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 50–60. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-50-60

Appeals in Russian and Persian Linguistic Cultures: Comparative Aspect

Khalida Siyami Eidlak ¹, Majid Estiri ²

¹ University of Bojnord
Bojnord, Iran

² Gonbad Kavous University
Gonbad Kavous, Iran

¹ kh.siyami@ub.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0001-9466-7428>

² m.estiri@gonbad.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0003-0014-4330>

Abstract

Purpose. Often, the choice of the form of address depends on how we will develop further communication between representatives of different cultures and confessions. The rapidly developing friendly Russian-Iranian interstate relations predetermine the relevance of the research topic chosen by the authors. This study is devoted to a comparative

© Сиями Эйдлак Х., Эстири М., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 50–60

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 50–60

study of addresses in the Russian and Persian languages in the communicative and pragmatic aspect. The purpose of this study is to study linguistic units that act as addresses, their connotation and translation correlation in the Russian-Persian-comparative aspect of speech etiquette. The material of the study was the most commonly used Russian and Persian units of the speech act, which were selected by the authors as a result of observing the speech of native speakers, as well as from those selected by the method of continuous sampling from leading researchers in this field in Russian-Iranian comparative linguistics.

Results. The results and novelty of this study lies in the selection of linguistic units of a speech act in the Russian-Persian comparative aspect, which is widely presented for the first time. As a result of the study, appeals were divided into two groups: regulated and non-regulated. The study of appeals in this aspect will help prevent possible misunderstandings caused by differences in the linguistic and cultural education of the Iranian and Russian society.

Keywords

appeals, communication, Russian as a foreign language, Iran, linguistic culture, speech etiquette

For citation

Siami Eidlak Kh., Estiri M. Appeals in Russian and Persian Linguistic Cultures: Comparative Aspect. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 50–60. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-50-60

Введение

Обращениям как отдельному классу слов в русском языкознании посвящено огромное количество исследований и лингвистической литературы. Обращения были объектом разносторонних исследований, однако в последнее время обращения всё чаще стали привлекать внимание исследователей как объект социолингвистики. Межкультурные отношения представляют собой процесс лингвокультурного взаимодействия между контактирующими народами. Понимание различия и сходства в области лингвокультурологии способствуют успешному международному общению. Известный иранский лингвист М. Х. Кешаварз утверждает: «Формы обращения являются интересным предметом для социологов, антропологов и социальных психологов, так как они наглядно раскрывают отношения между языком и обществом» [1993, с. 14].

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что, несмотря на проведенный ранее сопоставительный русско-персидский анализ отдельных аспектов обращений как речевого этикета (Х. Мостафави-Геро, З. Селселе, З. Ахмади, Р. Хасан-заде, А. Мадаени-Аввал и др.), данная тема нуждается в ее более тщательном и целостном исследовании в связи с быстроразвивающимися межгосударственными русско-персидскими отношениями в различных сферах. В настоящее время возникает острая необходимость исследования обращений в речи представителей разных культур и конфессий двух дружественных народов, участвующих в процессе речевого акта. Таким образом, цель статьи заключается в описании обращений с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода в сопоставительном аспекте.

В современной лингвистике до сих пор нет единого подхода к определению термина «обращения».

Ведущие исследователи в области русской лингвистики (И. Н. Кручинина, А. А. Шахматов и др.) называют обращениями грамматически независимый компонент предложения, обозначающий лицо адресата речи [ЛЭС, 1990, с. 430; Шахматов, 1941, с. 261]. Н. И. Формановская и Р. С. Ильясова считают, что обращение – это языковая универсалия, «...несущая важнейшую контактоустанавливающую» и «воспитательную» функцию [Формановская, 2002, с. 83; Ильясова, 2018, с. 72].

Иранский исследователь русского языка Х. Мостафави-Геро относительно обращений в персидском языке приводит слова Арзооманиана, который считал, что обращения являются единицей речевого акта как целенаправленного действия, «совершаемого в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе» [Мостафави-Геро, Селселе, 2017, с. 87]. Н. Джахангири подчеркивает, что выбор обращений, используемых в персидском языке, тесно связан с социальными и религиозными сословиями коммуникантов [Джахангири, 2008, с. 125].

Иранский исследователь обращений в персидском языке Мохаммад Реза Ахмадхани сходится во мнении с английскими исследователями С. Левисоном и П. Брауном и пишет о том, что «выражения обращений являются важным лингвистическим механизмом, с помощью которого говорящий отражает свое отношение к адресату... формы обращения являются показателем социальных положений между коммуницирующими» [Ахмадхани, 2014, с. 2].

Название функций обращений, как и их количество, у исследователей в области русского языка варьируются. К наиболее распространенным функциям обращений относятся: номинативная функция (локутив), связанная с выделением адресата; вокативная функция (иллокутив), которая связана с привлечением внимания для установления контакта [Проничев, 1971, с. 3]. Л. П. Рыжова выделяет также и перлокутивную функцию обращения, связанную с воздействием на адресата, и социально-регулятивную (этикетную), связанную с обозначением статуса коммуникантов, степени их близости, характера их взаимоотношений [1982, с. 9]. Н. С. Валгина добавляет оценочную функцию, характеризующую лицо или предмет с какой-либо стороны [2003, с. 255]. Т. Г. Лупашку помимо контактной и оценочной функции также приводит и выделительную функцию обращений (апеллятив), которая связана с выделением определенного конкретного лица-адресата из группы коммуникантов [2007, с. 116].

Объектом данного исследования являются свойства речевого этикета обращения в русско-персидском сопоставительном аспекте, предметом исследования – обращения как лингвистические универсалии межкультурного диалога.

Материал и методы исследования

Материалом исследования являются обращения (в количестве 50 единиц) как единицы речевого акта, отобранные авторами методом сплошной выборки из различного рода словарей русского языка и исследовательских работ отечественных и зарубежных авторов, а также в результате личных наблюдений авторов за разговорной речью студентов и преподавателей русского как иностранного в Иране.

Методы исследования: метод наблюдения и анализа – при наблюдении за речевым актом окружающих с целью сбора картотеки данных; метод лингвистического описания – при описании коннотаций отобранных обращений русской и персидской лингвокультур; сопоставительно-сравнительный метод – при описании способов адекватной и эквивалентной передачи коннотации обращения при межкультурном общении; метод сплошной выборки – при отборе обращений как единиц речевого акта, используемого в качестве материала данного исследования.

Исходя из цели исследования, которая заключается в выявлении сходств и различий при употреблении обращений в русско-персидском речевом этикете, возникает необходимость разработать классификацию обращений, которая и послужит основой нашего сопоставительно-сравнительного анализа. В традиционной лингвистике выделяют следующие группы наиболее распространенных типов обращений: 1) семейно-родственные; 2) профессионально-служебные; 3) официальные; 4) общеупотребительные; 5) местоименные; 6) нулевые. Авторы предлагают подойти к вопросу классификации обращений в русско-персидском сопоставительном аспекте с учетом коммуникативно-прагматического подхода. Согласно данному подходу были выделены нерегламентированные и регламентированные обращения.

Нерегламентированные обращения

Нерегламентированными обращениями являются те обращения, «которые используются в условиях межличностной коммуникации» [Жукова, 2015, с. 12]. Наиболее распространенными обращениями данной группы можно считать обращения, которые принято использовать в семейном кругу. Их называют семейно-родственными обращениями. К основной особенности данной группы обращений можно отнести такое явление, как возможность

употребления их как в первичном, так и во вторичном значении. Согласно М. М. Бурасу и М. А. Кронгаузу, первичными называются такие употребления обращения, при которых прагматика копирует семантику, а вторичными – при которых нет тождества прагматических и семантических отношений [Бурас, Кронгауз, 2013, с. 122]. Практически все обращения, относящиеся к группе семейно-родственных отношений, можно использовать как в первичном значении по отношению к родным и близким, так и во вторичном значении по отношению к незнакомым.

Например, русское обращение *бабушка* может употребляться как в первичном, так и во вторичном значении: *Бабушка, садись* – первичное значение, выражающее обращение внука с предложением присесть к бабушке, переводится на персидский язык как *мадар бозорг*¹, *маман бозорг* в значении ‘старшая мать’ или более распространенное *мадарджан, маманджан*, в значении ‘дорогая мама’. Во вторичном значении *бабушка* в данном предложении указывает на возрастные характеристики лица женского пола, которое в персидском языке будет передаваться уже как *мадар* в значении ‘мать’ или *хадж ханум* в значении ‘госпожа, совершившая паломничество-хадж’. Иран является государством, где доминирует ислам, и одним из ее столпов является обязательное паломничество – хадж – к святыне всех мусульман мира Мекке Кааба. В персидской лингвокультуре модель «хадж + лицо-адресат» употребляется в качестве выражения глубокого уважения к лицу, совершившему паломничество, а также к незнакомым лицам женского и мужского пола старшего возраста. Такой же пример можно привести и по отношению к лицу мужского пола: *Дедушка, пойдём* – где в первичном значении в персидском языке *педар бозорг* или *баба бозорг* в значении ‘старший отец’, а во вторичном значении *хадж ага* в значении ‘господин, совершивший паломничество-хадж’ или *педар джан* в значении ‘дорогой отец’.

Отношениям родства в русской лингвокультуре присуща большая вариативность. Несколько огрубляя, можно сказать, что, чем ближе и важнее отношение, тем больше вариативность: *мать, матушка, мама, мамаша, мамочка, мамуля, мамусик* и др. [Там же, с. 123], которые в персидском языке будут звучать как *маман, маманджун, мадар, мадарджун, мамани, мами*.

К обращениям родства и семейных отношений относят такие лексические единицы, как *мать – мадар, отец – педар, сын – несар, дочь – дохтар, брат – барадар, сестра – хахар, бабушка – модарбозорг, дедушка – педарбозорг, дядя – аму и даи, тетя – хале и аме*, и, как правило, все они обладают способностью использования как в русском, так и в персидском речевом этикете и в первичном, и во вторичном значении.

К интересным явлениям в персидской лингвокультуре можно отнести такие варианты, как *мамани* и *бабаи*, которые употребляют взрослые члены семьи по отношению к младшим, что эквивалентно русским *внучка* и *внук*. Таким образом, иранцы подчеркивают свой семейный статус по отношению к адресату, и потому эти обращения не используются ими во вторичном значении по отношению к молодым людям, не являющимся им кровными внуками. В русской лингвокультуре является допустимым использование таких лексических единиц, как *внучок* или *внучка*, в качестве обращения людей пожилого возраста к посторонним им молодым людям.

Основными составляющими семейных отношений являются супруги. В русском речевом этикете в качестве обращения с целью привлечь внимание адресата часто супруги называют друг друга по имени. В персидском языке супруги также называют друг друга по имени, но при этом могут указывать на формальную гендерную дифференциацию *ага* + имя и *ханум* + имя, например: *ага Амир* в значении ‘господин Амир’ или *Фатеме ханум* в значении ‘госпожа Фатеме’. В семьях, где доминируют отношения, построенные на взаимоуважении между супругами, принято обращение *хамсарам*, эквивалентное русскому *мой супруг* или *моя супруга* или менее возвышенное и более ироничное *шухар* в значении ‘муж’ и по отношению

¹ Здесь и далее персидские примеры приводятся в кириллической транслитерации.

к женщинам как *зан* в значении ‘жена’. Достаточно интересным представляется, на наш взгляд, такое обращение, когда супруг указывает на значимость супруги как матери своих детей. В персидской культуре женщине как матери и хранительнице семейного очага уделяется особое внимание, и потому используется формула «мать + имя любого ребенка», матерью которого она является. Например: *мадаре Мохаммад* в значении ‘мама Мохаммада’, *мадаре Али джан* в значении ‘мать дорогого Али’ или *мадаре Захра* как ‘мама Захры’.

К нерегламентированным обращениям следует отнести обращения необщепотребительные, носящие оценочный характер, способные передавать отношения и эмоции говорящего по отношению к адресату коммуникации. К таким обращениям относятся обращения как дружеского, так и негативного характера. В русском речевом этикете к таким обращениям можно отнести, например, номинации *ангел, ласточка, золотце, милый / милая, дорогой / дорогая*. В персидской лингвокультуре наиболее распространенными номинациями дружеского обращения являются такие единицы, как *гашангам* в значении ‘мой самый красивый’, *нафасам* в значении ‘мое дыхание’, *хошкелам* в значении ‘моя красавица’, *асалам* в значении ‘моя медовая / сладкая’, *джигарам* в значении ‘моя печень’, *голам* в значении ‘мой цветочек’ и др. В основном такие номинации используются для привлечения внимания адресата, находящегося в близких отношениях с адресантом коммуникативного акта, так как образованы путем прибавления местоименной энклитики *-ам*, выражающей значение собственности.

В русском языке в качестве общеупотребительных обращений неофициальной и негативной формы могут использоваться названия животных или каких-либо неодушевленных предметов. В качестве примера можно привести такие номинации, как *змея, чучело, корова* и др. В данном случае персидский язык также не является исключением. Персидский язык довольно богат лингвистическими ресурсами, используемыми в качестве обращений, носящих метафорический характер. Например: животные – *гурбаге* (лягушка), *ангал* (паразит), *мар* (змея), *мармулак* (ящерица), *гав* (бык), *гусфанд* (баран), *хар* (осёл), *лакпошт* (черепашка), и др., продукты питания и различные предметы – *торобче* (редис), *макарони* (макароны), *ашгал* (мусор), *бульдозер* (бульдозер), *джарубарги* (пылесос), *арусак* (кукла), *сетаре* (звезда) и др. [Ахмадхани, 2014, с. 11].

Довольно интересными являются обращения оценочного характера. К примеру, в русской лингвокультуре человека, который любит спать подольше, называют *соней* (от слова *сон*). В персидском языке также имеется определенное обращение к такому типу людей – *хабалу* от слова *хаб* (сон). Или к лицу, которое является гурманом и любит поесть, могут обратиться с использованием обращения *обжора*. Данное явление также нашло отражение в персидском языке: *шекаму* от слова *шекам* (живот).

К нерегламентированным обращениям относятся и так называемые местоименные обращения. Русская лингвокультура предполагает использование в функции обращений местоимений *ты* или *вы*. Основными факторами, влияющими на выбор одного из них в русской лингвокультуре, являются возраст, пол, статус адресата.

Часто русское местоимение *ты* указывает на то, что коммуниканты находятся в довольно близких, дружественных или достаточно интимно-доверительных отношениях, а местоимение *вы* указывает на множественность адресатов и употребляется по отношению к лицам речевого акта как официального, так и неофициального характера, а также с целью выражения чувства глубокого уважения как к знакомому, так и к незнакомому лицу.

В иранской лингвокультуре, как и в русской, используются местоимение 2-го лица единственного числа *то*, соответствующее русскому *ты*, и местоимение 2-го лица множественного числа *шома*, соответствующее русскому *вы*. Общеупотребительным является местоимение *шома* независимо от пола и статуса адресата как в официально-деловых, так и в дружеских речевых актах. Х. Мостафави-Геро подчеркивает, что часто употребление местоимения *то* (*tu*), эквивалент русского местоимения *ты*, в персидском речевом этикете является показателем фамильярности и панибратства [Мостафави-Геро, Селселе, 2017]. Следует отметить, что в иранском современном обществе даже в семейном кругу принято обра-

щение на *шома* (вы) как между супругами, так и по отношению к детям. Грамматической особенностью использования данной коннотации персидского местоимения *шома*, в отличие от русского местоимения *вы*, является возможность использования его с глаголом единственного числа. Например: *Шома немихахи берави?* (Вы (ты) не собираешься пойти?), *Шома не михахи газа бохори?* (Вы (ты) не хочешь покушать?).

В речевом этикете также встречаются обращения, которые не имеют прямого названия адресата речевого акта. Их принято называть нулевыми обращениями или обращениями обезличенными. Существуют различные формы нулевого обращения как в русском, так и в персидском языке. Это могут быть обращения обиходно-бытового характера, не предполагающие какого-либо выбора и распознавания социальных признаков и статусов. Как правило, они имеют нейтрально-вежливую форму обращения с целью привлечь внимание для дальнейшей краткосрочной коммуникации. Наиболее распространенными в русской лингвокультуре из таких обращений являются обращения типа *простите*, *извините*, *будьте любезны* или *скажите*, *пожалуйста*. Персидский речевой этикет обращения также предполагает использование распространенного *бэбахшид* (извините), и менее распространенных *озр михахам* (прошу прощения), *лотф конид* (будьте добры или будьте любезны), *лотфан* (пожалуйста) в сходных ситуациях употребления подобных форм обращений.

В последнее время с развитием форм рыночного этикета наблюдается тенденция к использованию слов-приветствий для привлечения внимания адресата-клиента. К наиболее распространенным из них относятся такие приветствия в русском языке, как *здравствуйте* и его эквивалент в персидском языке *салам*.

Регламентированные обращения

К регламентированному типу относятся обращения, которые подчиняются определенным нормам служебного, официального, социального и делового этикета. Особенностью данной группы обращения является их нормированность и «осуществление коммуникации в рамках определенной социальной структуры, организации или общественно-политического института... когда один из коммуникантов находится при исполнении служебных обязанностей, является представителем некой организации или социального института...» [Жукова, 2015, с. 13].

Часто в русском языке, в силу его культурной специфики, при нейтральном, а также официальном и профессиональном отношении обращения реализуются путем использования имен собственных адресатов речи. Существует несколько подвидов данного вида обращений. К наиболее распространенному и общеупотребительному относится обращение по имени и отчеству, например: *Николай Петрович* или *Наталья Сергеевна*. Менее распространенным является обращение по фамилии: *Андреева*, *Власов* и т. д. Также в русской лингвокультуре в случае официально-делового речевого акта распространенным является обращение по имени и фамилии, например: *Николай Петров* или *Наталья Петрова*.

В персидской лингвокультуре при официальной форме обращения не принято использовать имена адресатов. Характерной особенностью персидской лингвокультуры является отсутствие отчества и наличие слов *ага* (применительно к представителям мужского пола в значении 'господин') и *ханум* (по отношению к представителям женского пола в значении 'госпожа'). Данные выражения являются общеупотребительным указателем гендерной дифференциации в персидской лингвокультуре и не связаны с господством или неравным статусом адресата коммуникативного акта. Например: *ага-е Мохаммад* или *Мохаммад ага* – 'господин Мохаммад' или 'Мохаммад господин', однако по отношению к представителям женского пола принято использовать только *Фатеме ханум*, где имя находится в препозиции по отношению к гендерному указанию, дословно 'Фатеме госпожа'. В персидской лингвокультуре допустимо и фамильное обращение при условии использования указаний на гендерную дифференциацию, например: *ага-е Мохаммади* – 'господин Мохаммади' или *ха-*

нум-е Мохаммади – ‘госпожа Мохаммади’. При использовании имени с фамилией в персидском языке после имени адресата применяется изафет *-е*, который указывает, представителем какого рода является адресат речевого акта, например: *Али-е Мохаммади* и *Фатеме-е Мохаммади*, где изафет *-е* показывает, что Али и Фатеме являются представителями рода Мохаммади.

Следует отметить, что данная форма является общепринятой и потому употребляется без возрастных ограничений и по отношению ко взрослым, и по отношению к детям, например: *ага песар* равнозначно *господин-мальчик* или *дохтар ханум*, что переводится как *госпожа-девочка*.

Кроме того, в русском языке к регламентированным обращениям к адресату речи с учетом занимаемого им социального положения относятся обращения по формуле «*уважаемый* + имя, отчество», например: *уважаемый Анатолий Сергеевич*. Р. Хасан-заде указывает, что в персидском языке также существует аналогичный способ обращения к высокопоставленным чиновникам, деятелям культуры, науки и политики [2018, с. 224]. К примеру, такие номинации с указанием гендерности адресата, как *дженаб ага-е* в значении ‘уважаемый господин’ с указанием на значимое положение в обществе к лицам мужского пола и *саркар хануме* в значении ‘уважаемая госпожа’, выражающее уважительное отношение к лицу женского пола, занимающему какую-либо должность. Например: *дженаб агае доктор Мохаммади* – ‘уважаемый господин доктор Мохаммади’ или *саркар хануме Мохаммади* – ‘уважаемая госпожа Мохаммади’. В толковом словаре Д. Н. Ушакова отмечено, что обращение *ваше превосходительство* применяется в дипломатическом языке при обращении к руководителям и членам правительства иностранных государств². В современном русском языке официально-делового этикета принято также употребление *глубокоуважаемый*, что в персидском языке будет эквивалентно обращению *алидженаб* (дословно ‘глубокоуважаемый’), которое употребляется по отношению к представителям титулованных высших должностных лиц, послов и членов правительств.

Данную форму обращения принято считать сугубо официальной, и потому она является недопустимой в обстановке нестрого официального характера, иначе такая форма будет восприниматься как проявление ироничного отношения к адресату.

Иран является глубоко религиозной страной, и потому в персидском этикете встречается большое количество обращений, использующихся по отношению к духовенству, отсутствующих в российском обществе, как факт проявления культурных и религиозных различий. В русской лингвокультуре обращения к представителям религиозной среды отделены от светских. К ним относятся такие номинации, как *патриарх*, *митрополит*, *архиепископ* и др. В религиозной среде к нормированным обращениям в персидском языке относятся такие номинации, которые характеризуют людей по роду деятельности, например: *хазрате аятолла* по отношению к высшему руководящему лицу Иранской Республики. К представителям потомков святого Пророка Мухаммеда в Иране принято обращаться при помощи титула *Сайед* с именем адресата и гендерной дифференциацией. Например: *ага-е Сайед Мохаммад Джавад* или *ханум-е Сайед-е Марьям*. М. Р. Ахмадхани отмечает, что к данной группе обращений также примыкают номинации, связанные с указанием места совершенного паломничества лицом-адресатом [2014, с. 5–6]: *хаджи*, связанное, как было указано выше, с паломничеством в священное место для всех мусульман мира, дом Бога – Мекка Кааба, с добавлением основного имени адресата *хадж Ахмад* или *хадж Хаят*; *карбалаи* или *маишади*, по отношению к лицам, совершившим паломничество в Кербелу, на территории Ирака, и город Священный Мешхед, на территории северо-востока Ирана: *Карбалаи Хоссейн* в значении ‘Хоссейн, совершивший паломничество в Кербелу’ или *Маишади Ахмад* в значении ‘Ахмад, совершивший паломничество в Мешхед’.

² См.: Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/966986/> (дата обращения 02.07.2022).

Особенностью регламентированных профессиональных обращений, функционирующих в персидском обществе, в отличие от русского языка, является использование наименований самой занимаемой должности или положения, а также рода деятельности без упоминания основного имени адресата. Например, в русском языке: *полковник Васильев* или *генерал Сергей Петрович* и *рядовой Александр*. В персидском языке также допустимо использование военных званий в качестве номинаций при обращении, однако использование имени собственного встречается только в крайне официальной обстановке: *дженаб сарван* – ‘мистер капитан’, *дженаб сарханг* – ‘мистер полковник’, *амир дарьядар* как обращение к высшему лицу – ‘его превосходительство контр-адмирал’. В обстановке, предполагающей большое количество участников, с целью конкретизации лица, к которому обращена прозвучавшая речь, и привлечения его внимания используется формула «ага-е / ханум-е / дженаб-е + номинация по профессиональной занятости»: *дженаб-е намаянде Фирузи* в значении ‘мистер представитель Фирузи’. Наиболее распространенным является данный тип обращений по отношению к представителям профессиональной деятельности, связанной с обслуживанием населения в различных сферах деятельности. Например: *ага-е рананде* – обращение к водителю, *ага-е доктор* – обращение к доктору, *ханум-е парастар* – обращение к медсестре, *ага-е халабан* – обращение к пилоту, *ханум-е фурушанде* – обращение к продавщице и т. д.

Фирдевс Карим Бураихи подчеркивает, что в русской лингвокультуре на международном уровне обращение *товарищ* используется по отношению к единомышленникам по партии, социальной позиции [2017, с. 130]. Данную форму обращения и сегодня можно услышать по российскому телевидению как форму обращения между представителями коммунистических или рабочих партий либо в качестве обращения к их представителям. В персидском языке также существует обращение *рафиг*, равнозначное обращению *товарищ* в его вторичном значении, как *попутчик* и *единомышленник*. В персидском языке такие обращения, как *барадар* (дословно ‘брат’) и *хахар* (дословно ‘сестра’), в их вторичном значении также передают оттенок сугубо официального обращения, осуществляемого в пределах какой-либо организации, следующей определенным принципам ментального и культурного единства, или же в группе социальной среды.

Заключение

В рамках данной статьи была предпринята попытка изучения обращений с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода в русско-персидском сравнительно-сопоставительном аспекте. Согласно данному подходу, традиционные формы обращения (семейно-родственные, профессионально-служебные, официальные, общеупотребительные, местоименные и нулевые) сопоставляемых языков были распределены по группам регламентированных и нерегламентированных обращений.

Нерегламентированными обращениями являются такие обращения, которые ограничены разговорно-обиходной сферой и употребляются в неофициальной коммуникативной ситуации. К обращениям нерегламентированного характера были отнесены следующие ее формы: семейно-бытовые и общеупотребительные, местоименные и нулевые. Было выявлено, что в сопоставляемых языках лингвистическая единица, используемая в качестве обращения в сфере семейно-родственных отношений, помимо употребления в ее первичном значении также может быть использована и во вторичном значении. Основными факторами, влияющими на выбор местоименных обращений *ты* и *вы* в русском языке, являются пол, возраст и взаимоотношения между коммуникантами. Однако в персидской лингвокультуре высокую частотность имеет обращение на *шома*, эквивалентное русскому «вы», тогда как обращение на *то*, эквивалентное русскому «ты», имеет в персидской лингвокультуре оттенок фамильярности. И в русской, и в персидской лингвокультуре есть так называемые нулевые обращения. Универсалии, используемые в качестве данной формы обращений, употребляются адресантом как средство субъективной оценки адресата, обстановки, ситуации и взаимоотношений и являются показателем национального колорита участников речевого акта.

К регламентированным обращениям относят такие обращения, которые с большей или меньшей строгостью регламентированы социумом той или иной лингвокультуры. К ним относятся типы обращений, которые широко используются в официально-деловой, профессиональной среде общения. В персидской лингвокультуре в качестве регламентированных обращений к высшим должностным и титулованным лицам следует употреблять обозначение занимаемой должности. Такое его употребление включает в себе социально-регулирующую функцию и несет основную смысловую нагрузку, в отличие от русской лингвокультуры, где наблюдается отсутствие данных универсалий (титул, должность, профессия и род деятельности) и широко используются в качестве универсалий для привлечения внимания адресата их имени и фамилии. Выявленные различия характеризуются различиями культурных и религиозных кодов, а также формы политического управления между двумя дружественными народами.

Подводя итог нашему исследованию, следует отметить, что правильный выбор слов в качестве обращений поможет в дальнейшем избежать недопонимания, а в ряде случаев и конфликтов, способствуя налаживанию успешного коммуникативного акта между его участниками, предрасполагая к взаимовыгодным отношениям, построенным на основе взаимоуважения. И в русском, и в персидском языке основными факторами, влияющими на выбор той или иной формы обращения, являются социальное положение адресата и адресанта, речевая ситуация, степень родства и знакомства, официальность коммуникации, уровень образования, культура и менталитет социума.

Список литературы

- Бурас М. М., Кронгауз М. А.** Обращения в русском семейном этикете: семантика и прагматика // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 121–132.
- Валгина Н. С.** Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высш. шк., 2003. 416 с.
- Жукова Т. С.** Обращения в регламентированных сферах общения: становление новой нормы: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 232 с.
- Ильясова Р. С.** К вопросу об обращении в современном русском языке // Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 3. С. 29–72.
- Лупашку Т. Г.** Обращение и его текстообразующие функции в прозе и поэзии А. С. Пушкина: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 198 с.
- Мостафави-Геро Х., Селселе З.** Обращения на «Ты» и «Вы» в русской и персидской лингвокоммуникативной культуре // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2017. № 3 (26). С. 85–94.
- Проничев В. П.** Синтаксис обращения. На материале русского и сербохорватского. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. 88 с.
- Рыжова Л. П.** Обращение как компонент коммуникативного акта: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 15 с.
- Фирдевс Карим Бураихи.** Официальные обращения в русском и арабском языках // Journal of the College of Languages. 2017. № 36. С. 125–139.
- Формановская Н. И.** Культура общения и речевой этикет. М.: Икар, 2002. 234 с.
- Хасан-заде Р.** Анализ функционирования собственных имен в качестве слов обращений в русском языке в сопоставлении с их эквивалентами в персидском языке // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2018. № 11. С. 215–233.
- Шахматов А. А.** Синтаксис русского языка. М.: Эдиториал УРСС, 1941. 620 с.
- احمدخاني، مجديرضا. بررسی جامعه شناختي عبارات خطاب در فارسي گفتاري محاوره اي. زبانشناخت، پژوهشگاه علوم انساني و مطالعات فرهنگي. سال پنجم، شماره اول، بهار و تابستان 1393، ص. 1-18.
- Ахмадхани М.** Социологическое исследование обращений в разговорном персидском языке // Лингвистика, НИИ гуманитарных наук и культурологии. 2014. № 1, весна и лето. С. 1–18.

جهانگیری، نادر. زبان، بازتاب زمان، فرهنگ و اندیشه، تهران: آگاه، 1378، 235 ص.
Джахангири Н. Язык – отражение времени, культуры и мысли. Тегеран: Агах, 2018. 235 с.
 کشاورز، محمدحسین. ضمائر شخصی و صورت‌های خطاب (از دیدگاه جامعه‌شناسی زبان). مجله دانشکده ادبیات و علوم انسانی دانشگاه تربیت معلم، شماره 1، 1372، ص. 71–74.

Кешаварз М. Х. Личные местоимения и формы обращения (с точки зрения общего языкознания) // Журнал факультета литературы и гуманитарных наук Педагогического университета. 2012. № 1. С. 71–74.

Список словарей

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 698 с.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка.

URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения 02.08.2022).

References

- Ahmadhani M.** Sociological study of addresses in colloquial Persian. *Linguistics, Research Institute for the Humanities and Culturology*. 2014, no. 1, spring and summer, pp. 1–18. (in Pers.)
- Buras M. M., Krongauz M. A.** Obrashcheniya v russkom semeinom etikete: semantika i pragmatika [Appeals in Russian family etiquette: semantics and pragmatics]. *Voprosy yazykoznaniya [Questions of Linguistics]*, 2013, no. 2, pp. 121–132. (in Russ.)
- Firdews K. B.** Ofitsial'nye obrashcheniya v russkom i arabskom yazykakh [Formal Communication in Arabic and Russian]. *Journal of the College of Languages*, 2017, no. 36, pp. 125–139. (in Russ.)
- Formanovskaya N. I.** Kul'tura obshcheniya i rechevoi etiket [Culture of communication and speech etiquette]. Moscow, Ikar Publ., 2002, 234 p. (in Russ.)
- Hasanzadeh R.** Analiz funktsionirovaniya sobstvennykh imen v kachestve slov obrashcheniy v russkom yazyke v sopostavlenii s ikh ekvivalentami v persidskom yazyke [Application of Proper Nouns as Terms of Address in Russian Compared to their Persian Equivalents]. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury [Research Journal of the Russian Language and Literature]*, 2018, no. 11, pp. 215–233. (in Russ.)
- Plyasova R. S.** K voprosu ob obrashchenii v sovremennom russkom yazyke [To the question of address in modern Russian]. *Gumanitarnye i social'nye nauki [Humanitarian and Social Sciences]*, 2018, no. 3, pp. 29–72. (in Russ.)
- Jahangiri N.** Language, reflection of time, culture and thought. Tehran, Agaz, 2018, 235 p. (in Pers.)
- Keshavarz M. H.** Personal pronouns and forms of address (from the perspective of comprehensive language). *Journal of Faculty of Literature and Human Sciences, Tarbiat Moalem University*, 2012, no. 1, pp. 71–74. (in Pers.)
- Lupashku T. G.** Obrashchenie i ego tekstoobrazuyushchie funktsii v proze i poezii A. S. Pushkina [Appeal and its text-forming functions in prose and poetry of A. S. Pushkin]. Cand. Philol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2007, 198 p. (in Russ.)
- Mostafavi Gero H., Selsele Z.** Obrashcheniya na “Ty” i “Vy” v russkoi i persidskoi lingvokommunikativnoi kul'ture [Appeals to “You” and “You” in Russian and Persian linguo-communicative culture]. *Teorija yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Theory of Language and Intercultural Communication]*, 2017, no. 3 (26), pp. 85–94. (in Russ.)
- Pronichev V. P.** Sintaksis obrashcheniya. Na materiale russkogo i serbokhorvatskogo [The syntax of the address. On the material of Russian and Serbo-Croatian]. Leningrad, Leningrad Uni. Press, 1971, 88 p. (in Russ.)
- Ryzhova L. P.** Obrashchenie kak komponent kommunikativnogo akta [Appeal as a component of a communicative act]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 1982, 15 p. (in Russ.)

- Shakhmatov A. A.** Sintaksis russkogo yazyka [The syntax of the Russian language]. Moscow, Editorial URSS, 1941, 620 p. (in Russ.)
- Valgina N. S.** Sovremennyyi russkii yazyk. Sintaksis [Modern Russian language. Syntax]. Moscow, Vysshaya shkola, 2003, 416 p. (in Russ.)
- Zhukova T. S.** Obrashcheniya v reglamentirovannykh sferakh obshcheniya: stanovlenie novoi normy [Appeals in regulated areas of communication: the formation of a new norm]. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2015, 232 p. (in Russ.)

List of Dictionaries

- Ushakov D. N.** Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. (in Russ.) URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (accessed 02.08.2022).
- Yartseva V. N.** (ed.). Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1990, 698 p. (in Russ.)

Информация об авторах

- Халида Сиями Эйдлак**, кандидат филологических наук
WoS Researcher ID HNC-3718-2022
- Маджид Эстири**, кандидат филологических наук
WoS Researcher ID ACW-3662-2022

Information about the Authors

- Khalida Siyami Eidlak**, PhD (Philology)
WoS Researcher ID HNC-3718-2022
- Majid Estiri**, PhD (Philology)
WoS Researcher ID ACW-3662-2022

Вклад авторов:

- Х. Сиями Эйдлак – организация исследования, сбор материала, формулирование выводов исследования.
- М. Эстири – отбор и анализ материала, обработка материала по эквивалентности вариантов переводов.

Contribution of the Authors:

- Kh. Siami Eidlak managed the research process, collected the material, formulated the conclusions.
- M. Estiri selected and analyzed the material, processed the material on the equivalence of translation options.

*Статья поступила в редакцию 04.08.2022;
одобрена после рецензирования 05.10.2022; принята к публикации 10.10.2022
The article was submitted on 04.08.2022;
approved after reviewing on 05.10.2022; accepted for publication on 10.10.2022*

Научная статья

УДК 811.512.5, 811.512.3, 81'373

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-61-73

Названия способов движения (аллюра) лошади в тюркских языках Сибири (в сопоставлении с монгольскими)

Фёдор Николаевич Дьячковский¹

Алёна Робертовна Тазранова²

Бадарч Баярсайхан³

Светлана Менкеновна Трофимова⁴

Наталья Иннокентьевна Попова⁵

^{1,5} Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
Якутск, Россия

² Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

³ Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва
Кызыл, Россия

⁴ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
Элиста, Россия

¹ fedjatschkov0801@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8132-4215>

² atazranova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8149-9971>

³ bayiraa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3962-1042>

⁴ trofimovasm@mail.ru

⁵ nat_popova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1895-3729>

Аннотация

Лошадь для всех тюрко- и монголоязычных номадов является священным животным и занимает значительное место в их экономической и культурной жизни. Ее характеристики нашли отражение в лексическом составе сопоставляемых языков. В статье анализируется и описывается лексико-семантическая группа слов, представляющих наименования способов естественного движения (аллюра) лошади, определенных ей природой, в тюркских и монгольских языках. В исследовании определена структура и семантика лексических единиц, установлено значительно больше сходств в плане выражения, нежели различий, как в тюркских языках Сибири, так и в монгольских языках. Во всех сопоставляемых языках обнаруживается как тюркский, так и монгольский пласт, а в якутском выделяются более поздние заимствования из бурятского языка, например глаголы с семантикой 'идти, бежать иноходью'.

Ключевые слова

номинация, лексико-семантическая группа, глаголы движения, способы движения лошади, тюркские и монгольские языки, сравнительно-сопоставительное исследование

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект»

Для цитирования

Дьячковский Ф. Н., Тазранова А. Р., Баярсайхан Б., Трофимова С. М., Попова Н. И. Названия способов движения (аллюра) лошади в тюркских языках Сибири (в сопоставлении с монгольскими) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 61–73. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-61-73

© Дьячковский Ф. Н., Тазранова А. Р., Баярсайхан Б.,
Трофимова С. М., Попова Н. И., 2023

Horse Gait Terms in Turkic Languages of Siberia (Compared to Mongolic Languages)

Fedor N. Diachkovskiy¹, Alena R. Tazranova²,
Badarch Bayarsaykhan³, Svetlana M. Trofimova⁴,
Natalia I. Popova⁵

^{1,5} Institute for Humanities Research and Problems of Indigenous Peoples of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russian Federation

² Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

³ Tuva Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research
of the Republic of Tuva Government
Kyzyl, Russian Federation

⁴ B. B. Gorodovikov Kalmyk State University
Elista, Russian Federation

¹ fedjatschkov0801@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8132-4215>

² atazranova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8149-9971>

³ bayiraa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3962-1042>

⁴ trofimovasm@mail.ru

⁵ nat_popova@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1895-3729>

Abstract

Purpose. Russian and foreign linguists studied the influence of Turkic languages on the grammatical and lexical composition of Mongolic languages. Material from monuments and modern living languages of Siberia shed light on the role of the early Turkic and Mongolic language in the development of the modern linguistic landscape of the region, specifying its place in the Altai linguistic family from a cultural perspective. Horse is a sacred animal for all Turkic and Mongolic speaking nomads that take an important place in their economy and culture, with all its characteristics being featured in the lexicon of the languages under comparison. Researchers also examined a wide range of Mongolian words reflecting various sex- and age-specific terms for livestock and its color as well as keeping and pasturing practices, pasture characteristics, livestock economy, etc. The lexicon characterizing horse movement in Turkic and Mongolic languages has not been the subject of comparative analysis in modern Turkic studies. Thus, the paper describes and analyzes the lexico-semantic group of words that represent the terms for the pattern of natural movement of horse in Turkic and Mongolic languages.

Results. To achieve the research objectives we used the synchronous descriptive, comparative, contrastive-typological, and where possible comparative-historical methods. The study defined the structure and semantics of linguistic units, revealing considerably more similarities than differences in the plane of expression in both Turkic languages of Siberia and Mongolic layers of vocabulary.

Conclusion. Yakut demonstrates both the Turkic and Mongolic layers, which is characteristic of all languages under comparison. Also, there are later borrowings from Buryat, e.g. the verbs denoting ‘amble’.

Keywords

naming, lexico-semantic group, verbs of movement, horse gait, Turkic and Mongolic languages, comparative-contrastive studies

Acknowledgements

The research is funded by the Russian Science Foundation, the project no. 22-18-00060 “Study of Turkic and Mongolic vocabulary of material culture associated with traditional cattle breeding: a comparative-historical aspect”

For citation

Diachkovskiy F. N., Tazranova A. R., Bayarsaykhan B., Trofimova S. M., Popova N. I. Horse Gait Terms in Turkic Languages of Siberia (Compared to Mongolic Languages). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 61–73. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-61-73

Введение

Предки тюрко-монгольских этносов с незапамятных времен представлены скотоводами-кочевниками, для которых земледелие играло второстепенную роль, как пишут авторы «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» (СИГТЯ): «По описаниям ки-

тайцев, *хюнна* (*хунну* / *сюнна*), в которых часть исследователей видит предков тюрков, разводили пять видов скота: мелкий рогатый скот – коз, овец; крупный скот – лошадей, коров и верблюдов» [2001, с. 424]. Кроме того, в орхонских письменных памятниках также встречаются названия домашних животных: *адгыр* ‘жеребец’, *ат* ‘лошадь’, *бука* ‘бык’, *ингек* ‘корова’, *кой* ‘овца’ и др. (см. [Айдаров, 1971, с. 84–85, 117–118]).

Объем языкового материала, которым авторы статьи располагают, позволяет выбрать актуальную тему для сравнительно-сопоставительного исследования родственных тюркских и монгольских языков Сибири по глагольной лексике, описывающей названия способов естественного движения лошади, чтобы установить сходства и различия в плане выражения и в плане содержания с привлечением фактического материала из казахского и киргизского языков. Для полного представления лексических параллелей сопоставляемых языков учитываются сходства в плане выражения и в плане содержания рассматриваемой лексики. Еще раз отметим, что нами рассматривается лексика, описывающая скорость движения и действия лошади.

Способ перемещения лошади в пространстве – аллюр – характеризуется от медленного движения или действия в якут. *сыһылын-* ‘брести, тащиться’; алт. *базар-* ‘шагать, вступать’ до быстрого, резвого в якут. *сүүр-* ‘бежать’, *сиэл-* ‘рыситься’; *сыыдамсый-* ‘нестись’; алт. *манта-* ‘бежать’, *жел-* ‘бежать рысью’.

Результаты

В тюркологии и монголоведении исследования, посвященные скотоводческой лексике, представлены работами таких ученых, как А. М. Щербак [1961; 1987], К. М. Мусаев [1975], И. В. Кормушин [1997], В. И. Рассадин [1997] и др., внесших большой вклад в изучение этого пласта лексики с помощью сравнительно-исторического метода.

Изучение животноводческой лексики в тюркских и монгольских языках стало активно развиваться в 70-х гг. XX в. Были защищены кандидатские диссертации, изданы монографии, опубликованы научные статьи, в которых исследованы разные тематические группы в составе лексики тюркских языков (см. [Губогло, 1971; Аширов, 1971; Буранов, 1972; Хасиев, 1976; Улаков, 1983; Надергулов, 2000; Яимова, 2002; Нарылкова, 2007]) и монгольских языков (см. [Бардаев, 1976; Рассадин, 1984; Бадмацыренова, 2006; Баярсайхан, 2009] и др.).

Из сибирских южно-тюркских языков тема скотоводства подробно изучена на материале тувинского языка. Опыт обращения тувинцев с лошадью исследован в работе В. Даржа «Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников» [2003]. Традиционные транспортные средства тувинцев также отражены в труде энциклопедического характера В. Даржа «Традиционные мужские занятия тувинцев. Том 1. Хозяйство, охота, рыбалка» [2008].

В диссертации Б. Баярсайхана [2009] изучены виды животноводческой лексики тувинского языка в сопоставлении с некоторыми тюркскими языками Сибири и халха-монгольским языком.

Что касается алтайского и хакасского языков, то о них имеются лишь отдельные статьи, так, например, в работах Н. А. Яимовой [2002] и О. В. Нарылковой [2007] даются лишь списки терминов, отражающих половозрастные названия лошадей, шаг лошади, различные масти лошадей. Кроме указанных статей, по этим языкам нет специальных работ, посвященных коневодческой лексике.

Тюркское влияние на сложение комплекса скотоводческой лексики монгольских языков рассматривается в работах В. И. Рассадина [2009; 2011].

В целом в современной тюркологии довольно сильно ощущается недостаток работ, посвященных сравнительно-сопоставительному анализу лексических единиц, характеризующих движение лошади в родственных тюркских языках Сибири с привлечением монгольских и других групп тюркских языков.

В ряде тюркских языков для номинации обучения лошади используется глагол со значением ‘учить, обучать’: алт. *ўрет-*: *эмдик ўредер* ‘обучать необъезженную лошадь’; каз. *ўйрету, жас жылықыны ўйрету* ‘объезжать молодого коня’; кирг. *ўйрөт-*. В тувинском также используется *өөрет-*, существует территориальное специфическое *чавыдактап өөрөт-*, употребляющееся для обучения без седла, что отмечается и в теленгитском диалекте алтайского языка *жайдактап ўрет-*. В казахском языке для обозначения необъезженной лошади используются следующие сочетания: *асау ат; жегілмеген ат; мінілмеген ат*, в кирг. *ўйрөтүлбөгөн ат* ‘необъезженная лошадь’. В алтайском имеется устойчивое выражение о необъезженной лошади: *шор эмдик* ‘необъезженный, не приученный к седлу конь’, ср. теленг. *минбйән ат, эмдик ат* с тем же значением, якут. *айааһаа-* ‘приучать к седлу или упряжке, объезжать’ от прилагательного *айаас* ‘необъезженный, не приученный к седлу или упряжке’, которое имеет параллель в бур. *уяаиш-* ‘привыкать к тренировке, выдерживаться (о лошади перед бегами)’ (Попов, 2003, с. 63). В якутском языке существуют лексемы *хангыл, кус хангыл*, имеющие значения ‘не знавший недоуздка, дикий’, ср. монг. *ганирах* ‘необузданный’ (БАМРС, 2002, т. 3, с. 531), бур. *гани(э)* ‘бешеный’ (БРС, 2008, с. 194), бур. *ардаг морин* ‘необъезженный конь’, *номхон морин* ‘смирная лошадь’ (БРС, 2008, с. 543), монг. *эмнэг морь* ‘необъезженный конь’, *эмнэг сургах* ‘приучать к езде (лошадь), обучать, объезжать; дрессировать’ (БАМРС, 2002, т. 4, с. 410).

В ряде тюркских языков имена существительные также могут характеризовать градацию изменения движения алт. *јорук*, тув. *чорук*, хак. *чорых*, каз. кирг. *жүрүш*, тур. *үйрүйүш*, восходящие к глаголу *јүрү-* ‘ходить’, ‘двигаться’ (ДТС, 1969, с. 286), якут. *сүүр-* ‘бегать, бежать’ < *јүрү-* имеет производное в виде *сүүрүк (ат)* ‘скаковая лошадь’.

Названия аллюра

В цэнгальском говоре тувинского языка лексемой *кулаштаар* – тув. *кылаштаар* ‘ходить, шагать’ обозначается самый тихий ход животного шагом (ТРС, 1968, с. 276). Эта лексема, как считает В. И. Рассадин, «происходит от именной основы *кулаш ~ кылаш* с помощью прибавления глаголообразующего общетюркского аффикса *-та*. В тофаларском языке первым значением слова *кулаш* является шаг (животного)» [1995, с. 32]. Согласно А. В. Дыбо, «тур. *kulaçla-* ‘мерить саженью, шагать большими шагами’; азерб. *гулачла-* ‘мерить полусаженью, быстро идти’ и под.» [1996, с. 152], поэтому здесь происходит, как сказано в Этимологическом словаре тюркских языков, «разброс значений» производного от *кулач* глагола с аф. *-ла-*, где совмещается семантика, связанная с определенными движениями рук (размахивать руками) и ног (шагать; делать большие шаги при ходьбе...) (ЭСТЯ, 1974, с. 131).

Как считает Б. И. Татаринцев, применительно к последнему едва ли правильна трактовка *кулаш* ‘шаг (животного)’ и *кулаш* ‘сажень’ как омонимов. Первоначально *кулач ~ кылач* могли означать ‘прыжок’, ‘шаг(и) (животного, зверя)’. Эта семантика полностью утрачена в тувинском, но еще сохранилась в тофаларском языке (ЭСТувЯ, 2004, с. 286). В якут. *хаамтар* ‘пускать коня ступью’, алт. *атты бастыртар* перевод тот же; бур. *галюулжа ябаха* ‘пускать лошадь медленным шагом’ (БРС, 2008, с. 191).

Номинации рыси

Тувинским глаголом *шокишуур*, как и в цэнгальском диалекте, обозначается более быстрый темп хода животного, чем шаг: тув. *шошкүүр* ‘бежать трусцой’, ‘бежать медленно’ (ТРС, 1968, с. 579). Аналогичный глагол находим и в монгольском: *шогиших* ‘ехать тихой рысью (почти шагом); идти тихой рысью (о лошади)’ (МОТ, 1957, с. 656).

Глагол *татпиректэ-* в цэнгальском диалекте тувинского языка используется для характеристики хода лошади более быстрого, чем тихой рысью, но не доходящего до галопа. В алтайском языке, по мнению Н. А. Яимовой, есть понятие *төкпрөк ат* ‘конь со спокойным хо-

дом, не умеющий рысать' [Яимова, 2002, с. 226]. По нашим материалам, только в теленгитском диалекте алтайского языка используется глагол *төкпәрәктә-* со схожим значением. Такое явление можно объяснить территориальной близостью теленгитов к монголам, хотя нет аналога этого слова в литературном тувинском языке и других тюркских языках. В якутском языке такой вид хода лошади передается глаголом *сиэл-* (*сиэллэр-*) 'ходить быстро, бежать рысью' < др.-тюрк. *jel* 'скакать, мчаться' (ДТС, 1969, с. 254), *атара сэлиинэн айаннаатыбыт* 'мы ехали крупной рысью', *сэлбэн сэли* 'мелкая рысца', *торбо сэли* 'быстрая рысь'. В казахском для обозначения рыси используется слово *желіс*, различаются следующие виды рыси: *бұлаң құйрық желіс* 'ровная, размеренная рысь', *бұлкек желіс* 'тихая, удобная для езды рысь', *сар желіс* 'ровная быстрая рысь', *қатты желіс* 'резвая рысь'; в кирг. быстрая рысь обозначается словом *таскак*, *катуу таскак* 'крупная рысь' (КРС, 1985, с. 213).

Номинации иноходи

В близкородственных языках, таких как тувинский и алтайский, имеется глагол тув. *саякта-* / алт. *сайакта-* со значением 'ходить иноходью (о лошади)', *саяк аът* 'иноходец' (ТРС, 1968, с. 370), алтайский глагол *сайакта-* 'идти иноходью', алт. *сайак ат* 'конь с быстрым ходом, мягкой поступью, не умеющий рысать'. Якутский глагол *дьоруолаа-* 'ходить иноходью' в алтайском языке характеризует мелкую поступь и мелкую рысь *јорголо-* / *јорго ат*, также может описать движение насекомых 'ползать (о насекомых)'; ср. каз. *жоргалуу* 'идти иноходью' также имеет значение езды мелкой рысью; кирг. *жорго жүрүш* 'иноходь'. Ход самой мелкой рысью передается в якутском языке именем существительным *сэлбэн* 'мелкая рысь, мягкая поступь', в алтайском – *јелек* 'рысца (мелкая рысь)'; *јелекле једип келди* 'приехал рысцой'.

Глагол *чел-* (*чел-ер*) в тувинском литературном языке употребляется для обозначения рыси, ср. *челер аът* 'рысистый конь' (ТРС, 1968, с. 526). Легкая и быстрая рысь лошади в цэнгальском говоре, как и в литературном тувинском, передается глаголом *чел-*: 1. идти рысью (о лошади); 2. рысистый (ТРС, 1968, с. 526). Слово является общетюркским (ср. др.-тюрк. *jel* 'П. 1. скакать, мчаться' (ДТС, 1969, с. 254); алт. *јеликир ат*, *јелек ат*, *јелишикир ат* 'рысистая лошадь'; ср. каз. *желгіш ат* 'рысистый конь' (РКазС, 1946, с. 611).

Для лучших пород лошадей, используемых для торжественных выездов, у цэнгальских тувинцев имеются специальное сочетание *чыраа аът* 'иноходец' и глагол *чыраала* 'бежать иноходью' (ТРС, 1968, с. 558). В якутском *дьоруо* 'иноходь', *дьоруо ат* 'иноходец (о лошади)'. Почти во всех тюркских языках встречается слово *чыраа* (ср. др.-тюрк. *јорйа* (ДТС, 1969, с. 274)); алт. *јорго ат*; хак. *чорга* (ХРС, 1953, с. 320); каз. *жорга* (РКазС, 1946, с. 194) 'иноходец' и др. Соответствия этому слову зафиксированы также в монгольских языках (ср. п.-монг. *јорого*, монг. *жороо* (МОТ, 1957, с. 182); калм. *жора* (РКалмС, 1964, с. 215); бур. *жороо* (БРС, 2008, с. 358).

В сибирских тюркских языках различают несколько разновидностей иноходи:

1) в тувинском и цэнгальском бег, средний между иноходью и спорным ходом, называется *хой чыраа*. Это понятие полностью совпадает с алтайским сочетанием *кой јорго* (букв.: овечья рысь) или *ит согор ат* (букв.: лошадь, которая бьет собаку) 'бег, средний между иноходью и спорным ходом', что подтверждается Н. А. Яимовой [2002, с. 226];

2) бег, когда чередуется иноходь и спорый ход, называется в цэнгальском диалекте *дадыраң чыраа*. Главное отличие от бега *хой чыраа*, *дадыраң чыраа* состоит в том, что лошадь в последнем может чередовать средний бег и быстрый шаг. В алтайском языке сочетанием *татран ат* обозначают коня, похожего по бегу на иноходца [Там же, с. 226];

3) в цэнгальском говоре тувинского языка имеется специфичное употребление для обозначения настоящего бега иноходью – *суг чыраа* (это такой вид бега, когда незаметно, ступает ли конь по земле).

В якутском языке семантические параметры иноходи зависят от возраста, навыка, типов конституции: *дьоруо* ‘конь-иноходец’, *кулун дьоруо* ‘природный иноходец’, *уу дьоруо* ‘чистый иноходец’, *бадьара дьоруо* ‘иноходец, шагающий, как бы танцую, широко и попеременно выставляя ноги (о широкогрудом и широкозадом коне)’, *кулун дьоруо* ‘природный иноходец’, *уу дьоруо* ‘иноходец, идущий без тряски, мерно покачивая седака’ (БТСЯЯ, 2006, с. 414–415). В бурятском языке *жороо* ‘иноходь’, *мори унаха* ‘ездить на коне’, *жороо жороолхо* ‘бежать иноходью’, *хайбар жороо* ‘малая иноходь’, *уһан жороо морин* ‘чистая иноходь’, *тэмээн жороо* ‘грубая, тряская иноходь’ (БРС, 2008, с. 359).

Номинации галопа

Для обозначения самого быстрого бега лошади в тувинском языке употребляется глагол *шав-* (*шавар*) ‘скакать на коне’ (ТРС, 1968, с. 562). Глагол *шав-* в тувинском языке является многозначным, лексико-семантический вариант ‘скакать на коне’ является его номинативным значением. Глагол с аналогичным значением находим и в других тюркских языках, например, алт. *чап-* ‘скакать, ехать галопом, карьером’: *атту чабар* ‘скакать на лошади’ (АРС, 2018, с. 792), *чабар ат* ‘конь, бегущий галопом, карьером’; каз. *ат шабу* ‘скакать’ (РКазС, 1946, с. 631). В цэнгэльский говор тувинского языка и в алтайском от глагола *шав-* / *чап-* образовано существительное цэнг. *шавыш*, алт. *чабыш* ‘скач, бег лошади’.

С помощью глагола *шав=* образуются разные сочетания для обозначения разновидностей хода скакуна, например: 1) цэнг. *дөөрөктөп шавар* / алт. *јорголоп чабар* ‘скакать галопом’; 2) цэнг. *челип шавар* ‘скакать рысью’, алт. *јелип чабар*; 3) цэнг. *дыңсыг шавар* / алт. *тын чабар* ‘скакать сильно’; 4) цэнг. *сыр хара маң-* / алт. *сыр кара ман-* ‘скакать со всей силой’.

В якутском языке существует номинация *атара* ‘галоп’, отсюда при помощи глагольного аффикса *-лаа* образуется глагол *атаралаа-* ‘идти галопом’. Глагол *ой-* ‘скакать’, дериват *ойуоккалаа-* характеризует способ передвижения верхом, якут. *аллаабымсий-* ‘рваться вперед, идти быстро, ходко (о лошади)’, *бөтөрөннөө-* ‘идти галопом (о лошади)’, *бөтөрөннөт-* ‘ехать (на коне) галопом’, *бузуһуй-* ‘застоявшись, рваться в движение, бег (о домашнем скоте)’. Ср. хак. *чөрізі чаксы ат* ‘лошадь, у которой шаг хороший’, *чөріске магат ат* ‘быстрый ход лошади’ (ХРС, 2006, с. 1000), бур. *оодоролго* ‘галоп, галопирование’, *морёо оодоруулха* ‘заставить свою лошадь бежать галопом’ (БРС, 2008, с. 34).

В казахском языке для обозначения галопа используются лексемы *шоқырақ*, *шоқыту* ‘пуск галопом’, ‘переход на галоп’, *текірек* ‘ход вприпрыжку’, различаются следующие виды галопа: *дала шоқырағы* ‘полевой галоп’, *қарқынды шоқырақ* ‘резвый галоп’, *еркін шоқырақ* ‘свободный галоп’, *жай шоқыра* ‘тихий галоп’; в кирг. *текирең-таскак* ‘ход вприпрыжку’ (КРС, 1985, с. 221).

В тюркских языках Сибири лошадей различают также по ходу. Для характеристики негодных для передвижения на большие расстояния, не ходких, подгоняемых плетью лошадей используются в алтайском и тувинском языках сочетания тув. *чоржаң аът* / *чожаң аът* ‘ленивый конь’ (ТРС, 1968, с. 540), алт. *јожон ат* ‘неуклюжий конь’. В обоих языках, предположительно, основой слова является глагол *чор-* ‘идти’, а *-жаң* – аффикс с противоположным значением.

Для характеристики скаковой лошади с быстрым бегом, которая участвует в конных скачках, применяется общетюркское прилагательное *jügrük* ‘1. быстрый, скорый’ (ДТС, 1969, с. 284); тув. *чүгүрук аът* ‘скакун’ (ТРС, 1968, с. 550), якут. *сүүрук ат* ‘скакун’, *быһый* ‘самый быстрый, резвый скакун’; алт. *јүгүрук ат* ‘выносливый, спорый, годный к бегу на большие расстояния конь; скаковая лошадь’; хак. *чүгүрик* ‘1. бегун, 2. быстроходный’ (ХРС, 1953, с. 324); каз. *жүйрік ат* ‘скакун’ (РКазС, 1946, с. 631), якут. *сыһытымы* ‘укрощать’, бур. *харайлгажа ябаха-* ‘скакать (о лошади)’ (БРС, 2008, с. 401).

Якутский глагол *хаамт-* ‘идти, шагать’, образуя различные словообразовательные форманты, например якут. *хаамы + лаах ат* ‘ходкая лошадь’, *уһун+һьут* ‘способный идти дол-

го без усталости (об упряжном или верховом животном)’, содержит скоростные характеристики движения лошади. В тюркских языках Южной Сибири имеются аналогичные параллели: алт. *баз + ыт + кыр ат* ‘ходкий, быстрый конь’ от глагола *бас-* ‘ходить’; *јорго ат* ‘ходкий, быстрый конь’, тув. *чоруу кадыг биле, чоруу чымчак азы чоруккур* ‘ходкий, быстрый (о верховых животных) (ТРС, 1968, с. 541), *кылашкыр* ‘ходкий, быстроходный’ (о лошади) (ТРС, 1968, с. 276).

Почти во всех сравниваемых языках для оценки всадником разновидностей хода лошади используются сочетания тув. *кадыг чоруктуг аът*, алт. *кату јорукту ат* ‘конь с жесткой для всадника поступью’ и тув. *чымчак чоруктуг аът*, алт. *јымжак јорукту ат* ‘конь с мягкой для всадника поступью’, якут. *татыр* ‘ступающий неровно, словно прихрамывающий (о лошади)’, *татык ат* ‘лошадь, сильно топающая при беге’, *тамыр атахтаах сылгы* ‘лошадь, неравноступная, при езде ступающая с подергиванием (порок задних ног)’.

В якутском языке помимо глагольной лексики встречаются адъективные сочетания, характеризующие движение лошади: якут. *дьортмур сылгы* ‘годная, пригожая лошадь’, якут. *минэ ат*, алт. *јобош ат* ‘объезженный, ездовой, ручной (о лошади)’, *минэ атыыр* ‘объезженный жеребец’, *сыыдам* ‘быстрый, резвый (о скакуне)’, якут. *хатарыылаах* ‘закаленный, выносливый (о лошади)’, алт. *чыдамкай ат*, *минэ биз*, алт. *минер бее / минип турган бее* ‘ездовая кобыла’, якут. *мөһүүк ат*, алт. *туйлак / туйлаар ат* ‘брыкливый, строптивый, необузданный (о лошади)’, якут. *уйуссах ат*, алт. *үркүш / үркүнкей ат* ‘пугливый, беспокойный, необъезженный’, якут. *уйуһуйбут сылгы*, алт. *јан алынган ат* ‘возбужденный, вышедший из повиновения (о лошади)’, *уолусхан ат* ‘ретивый конь’, *холуон сылгы* ‘горячая, необузданная лошадь’, хак. *хатыг аастыг ат* (ХРС, 2006, с. 85), бур. *агсам морин* ‘горячий, ретивый конь’, *номхон морин* ‘смирная лошадь’, *муу зантай морин* ‘норовистая лошадь’, *хашан морин* ‘ленивая лошадь’ (БРС, 2008, с. 34).

Заключение

В представленной статье, посвященной сравнительно-сопоставительному исследованию родственных тюркских и монгольских языков в области лексики, описывающей названия способов естественного движения лошади, мы выявили общие черты в номинациях скорости хода лошади. Анализ показывает, что в сопоставляемых языках обнаруживаются особенности номинаций определенного хода лошади, связанные с территориальной разобщенностью. Значительное расхождение в анализируемых языках наблюдается в области глагольной лексики, характеризующей движение и действие лошади по темпераменту, что свидетельствует о самостоятельном развитии в частности якутского языка, вне контактов с родственными тюркскими языками. Однако следует отметить, что якутские глаголы находят параллели в древнетюркских языках (якут. *сиэл-* (*сиэллэр-*) ‘ходить быстро, бежать рысью’ < др.-тюрк. *јел* ‘скакать, мчаться’, якут. *дьоруо* ‘иноходь’, ср. др.-тюрк. *јоріуа*; алт. *јорго ат*; хак. *чорга*, каз. *жорга* ‘иноходец’ и др.). Соответствия *дьоруо* можно найти также в монгольских языках (ср. п.-монг. *јорого*, монг. *жороо*; калм. *жора*; бур. *жороо*). Последние могут быть общеалтайским явлением.

Близость в номинациях быстроты бега лошади и в семантике данных номинаций представлена в цэнгэльском говоре тувинского языка и теленгитском диалекте алтайского языка. Безусловно, это говорит о территориальной близости языков и о ранних языковых контактах. Таким образом, в данной статье номинативные и семантические особенности лексики аллюра лошади в сопоставляемых языках рассматривались как дополнительный источник в разработке проблемы изучения истории тюркских и монгольских языков.

Список сокращений

алт. – алтайский, бур. – бурятский, др.-тюрк. – древнетюркский, каз. – казахский, калм. – калмыцкий, кирг. – киргизский, монг. – монгольский, п.-монг. – письменно-монгольский, теленг. – теленгитский диалект алтайского языка, тув. – тувинский, хак. – хакасский, цэнг. – цэнгэльский диалект тувинского языка, якут. – якутский

Список литературы

- Айдаров Г.** Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII в. Алма-Ата, 1971. 378 с.
- Аширов П.** Животноводческая лексика в туркменском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1971. 16 с.
- Баярсайхан Б.** Лексика животноводства в цэнгэльском диалекте тувинского языка в сравнительно-сопоставительном аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2009. 26 с.
- Бадмацыренова С. В.** Лексика традиционного хозяйства окинских бурят и сойотов в сопоставлении с монгольской: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2006. 24 с.
- Бардаев Э. Ч.** Номадная лексика монгольских народов (названия домашних животных: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 22 с.
- Буранов М.** Термины животноводства в узбекских говорах Каракалпакии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1972. 24 с.
- Губогло М.** Гагаузская терминология по скотоводству // Тюркская лексикология и лексикография. М., 1971. С. 217–236.
- Даржа В. К.** Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников / Отв. ред. Г. Н. Курбатский. Кызыл, 2003. 184 с.
- Даржа В. К.** Традиционные мужские занятия тувинцев. Том 1. Хозяйство. Охота. Рыбалка. Кызыл, 2008. 590 с.
- Дыбо А. В.** Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Семантические термины (плечевой пояс). М., 1996. 390 с.
- Кормушин И. В.** Животноводство // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Тенишев Э. Р., Благова Г. Ф., Добродомов И. Г. и др. М.: Наука, 1997. С. 424–448.
- Мусаев К. М.** Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М.: Наука, 1975. 357 с.
- Надергулов У. Ф.** Животноводческая лексика башкир / Под. ред. Э. Ф. Ишбердина. Уфа, 2000. 185 с.
- Нарылкова О. В.** Лошадь и ее наименования в хакасском языке // Ежегодник Института Саяно-Алтайской тюркологии. Абакан, 2007. Вып. 11. С. 29–31.
- Рассадин В. И.** Бурятская животноводческая терминология как источник по исторической этнографии // Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии. Улан-Удэ, 1984. С. 55–80.
- Рассадин В. И.** Проблемы исторического словообразования монгольских языков // Историко-сравнительное изучение монгольских языков. Улан-Удэ, 1995. С. 76–86.
- Рассадин В. И.** Некоторые проблемы этимологизации слов монгольского языка // VII Международный конгресс монголоведов. Улан-Батор, август 1997 г. М., 1997. С. 151–153.
- Рассадин В. И.** О тюркском влиянии на сложение комплекса скотоводческой лексики монгольских языков // Учен. зап. ЗабГГПУ. Филология, история, востоковедение. 2009. С. 157–164.
- Рассадин В. И.** Скотоводческая лексика калмыцкого языка в сравнении с турецко-месхетинской // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2011. № 8. С. 83–90.

- СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Тенишев Э. Р., Благова Г. Ф., Добродомов И. Г. и др. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Улаков М. З. Термины животноводства в карачаево-балкарском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1983. 20 с.
- Хасиев З. Аскер оглу. Термины животноводства в западной группе диалектов и говоров азербайджанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1976. 21 с.
- Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 82–172.
- Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: наречие, служебные части речи, изобразительные слова. Л.: Наука, 1987. 152 с.
- Яимова Н. А. Наименования лошади в алтайском языке // Теоретические вопросы алтайской грамматики. Горно-Алтайск, 2002. С. 225–229.

Список словарей

- АРС – Алтайско-русский словарь. Горно-Алтайск, 2018. 935 с.
- ДТС – Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. М., 2002. Т. 3: Ө–Ф. 440 с.; Т. 4: Х–Я. 532 с.
- БРС – Бурятско-русский словарь: В 2 т. / Отв. ред. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ, 2008. Т. 1: А–Н. 636 с.
- БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка. Новосибирск: Наука, 2006. Т. 3. 842 с.
- КРС – Киргизско-русский словарь. Кыргызча-орусча сөздүк. М.: Сов. энциклопедия, 1985. Т. 2: Л–Я. 475 с.
- МОТ – Монгол орос толь / Под ред. А. Лувсандэндэва. М., 1957. 714 с.
- Попов Г. В. Этимологический словарь якутского языка. Новосибирск: Наука, 2003. Ч. 1: А–Дь. 180 с.
- РКазС – Русско-казахский словарь. Алма-Ата: АН Каз ССР, 1946. Т. 2: П–Я. 395 с.
- РКалМС – Русско-калмыцкий словарь / Под ред. И. К. Илишкина. М., 1964. 804 с.
- ТРС – Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 648 с.
- ХРС – Хакасско-русский словарь. М., 1953. 487 с.
- ХРС – Хакасско-русский словарь / Под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
- ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974. 446 с.
- ЭСТувЯ – Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск, 2004. Т. 3. 438 с.

References

- Ajdarov G. Yazyk orkhonskikh pamyatnikov drevnetyurkskoi pis'mennosti VIII v. [The Language of the Orkhon Inscriptions of the 8th Century]. Alma-Ata, 1971, 378 p. (in Russ.)
- Ashirov P. Zhivotnovodcheskaya leksika v turkmenskom yazyke [Animal husbandry vocabulary in the Turkmen language]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Ashkhabad, 1971, 16 p. (in Russ.)
- Bayarsaykhan B. Leksika zhivotnovodstva v tsengel'skom dialekte tuvinskogo yazyka: v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte [Animal husbandry vocabulary In the Tsengel dialect of the Tuvan language: a comparative aspect]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Novosibirsk, 2009, 26 p. (in Russ.)
- Badmatsyrenova S. V. Leksika traditsionnogo khozyaistva okinskikh buryat i soiotov v sopostavlenii s mongol'skoi [The vocabulary of the traditional economy of the Okin Buryats and Soyots in comparison with the Mongolian]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Ulan-Ude, 2006, 24 p. (in Russ.)

- Bardaev E. Ch.** Nomadnaya leksika mongol'skikh narodov (nazvaniya domashnikh zivotnykh) [Nomadic vocabulary of the Mongolian peoples (names of domestic animals)]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 1976, 22 p. (in Russ.)
- Buranov M.** Terminy zivotnovodstva v uzbekskikh govorakh Karakalpakii [Animal husbandry terms in Uzbek sub-dialects of Karakalpakstan]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Tashkent, 1972, 24 p. (in Russ.)
- Darzha V. K.** Traditsionnye muzhskie zanyatiya tuvintsev. Tom 1. Khozyaistvo. Okhota. Rybalka [Traditional maleactivities of the Tuvans. Vol. 1. Household. Hunting. Fishing]. Kyzyl, 2008, 590 p. (in Russ.)
- Darzha V. K.** Loshad' v traditsionnoi praktike tuvintsev-kochevnikov [Horse in the traditional practice of Tuvan nomads]. Ed. by G. N. Kurbatsky. Kyzyl, 2003, 184 p. (in Russ.)
- Dybo A. V.** Semanticheskaya rekonstruktsiya v altaiskoi etimologii. Semanticheskie terminy (plechevoi poyas) [Semantic reconstruction in Altai etymology. Semantic terms (shoulder girdle)]. Moscow, 1996, 390 p. (in Russ.)
- Guboglo M.** Gagauzskaya terminologiya po skotovodstvu [Gagauz terms of animal husbandry]. In: Tyurkskaya leksikologiya i leksikografiya [Turkic lexicology and lexicography]. Moscow, 1971, pp. 217–236. (in Russ.)
- Khasiev Z. Asker oglu.** Terminy zivotnovodstva v zapadnoi gruppe dialektov i govorov azerbaidzhanskogo yazyka [Animal husbandry vocabulary in the Western dialects and sub-dialects of Azerbaijan]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Baku, 1976, 21 p. (in Russ.)
- Kormushin I. V.** Zivotnovodstvo [Animal husbandry]. In: Tenishev E. R., Blagova G. F., Dobrodomov I. G. et al. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika [Comparative historical grammar of Turkic languages. Vocabulary]. Moscow, Nauka, 1997, pp. 424–448. (in Russ.)
- Musaev K. M.** Leksika tyurkskikh yazykov v sravnitel'nom osveshchenii [Vocabulary of Turkic languages in comparative perspective]. Moscow, Nauka, 1975, 357 p. (in Russ.)
- Nadergulov U. F.** Zivotnovodcheskaya leksika bashkir [Animal husbandry vocabulary of the Bashkir]. Ed. by E. G. Ishberdin. Ufa, 2000, 185 p. (in Russ.)
- Narylkova O. V.** Loshad' i ee naimenovaniya v khakasskom yazyke [Horse and its naming in Khakass]. In: Ezhegodnik Instituta Sayano-Altayskoi tyurkologii [Yearbook of the Institute of Sayano-Altai Turkology]. Abakan, 2007, iss. 11, pp. 29–31. (in Russ.)
- Rassadin V. I.** Buryatskaya zivotnovodcheskaya terminologiya kak istochnik po istoricheskoi etnografii [Buryat livestock terminology as a source for historical ethnography]. In: Etnicheskaya istoriya i kul'turno-bytovye traditsii v Buryatii [Ethnic history and cultural and everyday traditions in Buryatia]. Ulan-Ude, 1984, pp. 55–80. (in Russ.)
- Rassadin V. I.** Problemy istoricheskogo slovoobrazovaniya mongol'skikh yazykov [Problems of historical word formation of Mongolian languages]. In: Istoriko-sravnitel'noe izuchenie mongol'skikh yazykov [Historical and comparative study of Mongolian languages]. Ulan-Ude, 1995, pp. 76–86. (in Russ.)
- Rassadin V. I.** Nekotorye problem etimologizatsii slov mongol'skogo yazyka [Some problems of etymologization of words of the Mongolian language]. In: VII Mezhdunarodnyi kongress vngolovedov [VII International Congress of Mongolologists]. Ulaanbaatar, August 1997. Moscow, 1997, pp. 151–153. (in Russ.)
- Rassadin V. I.** O tyurkskom vliyanii na slozhenie kompleksa skotovodcheskoi leksiki mongol'skikh yazykov [On Turkic Influence on formation of animal husbandry vocabulary of Mongolic languages]. *Uchenye zapiski ZabGGPU. Filologiya, istoriya, vostokovedenie* [Scientific Notes of ZabGGPU. Philology, History, Oriental Studies], 2009, pp. 157–164. (in Russ.)
- Rassadin V. I.** Skotovodcheskaya leksika kalmytskogo yazyka v sravnenii s turetsko-meskhetskoi [Kalmyk animal husbandry vocabulary compared to Turkish Meskhetian]. *Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2011, no. 8, pp. 83–90. (in Russ.)

- Shcherbak A. M.** Nazvaniya domashnikh i dikikh zivotnykh v tyurkskikh yazykakh [Names of domesticated and wild animals in Turkic languages]. In: Istoricheskoe razvitie leksiki tyurkskikh yazykov [Historical development of the vocabulary of the Turkic languages]. Moscow, 1961, pp. 82–172. (in Russ.)
- Shcherbak A. M.** Ocherki po sravnitel'noi morfologii tyurkskikh yazykov: narechie, sluzhebnye chasti rechi, izobrazitel'nye slova [Essays on comparative morphology of Turkic languages: adverb, functors, words with figurative meaning]. Leningrad, Nauka, 1987, 152 p. (in Russ.)
- Tenishev E. R., Blagova G. F., Dobrodomov I. G. et al.** Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Lexicon]. Moscow, Nauka, 2001, 822 p. (in Russ.)
- Ulakov M. Z.** Terminy zivotnovodstva v karachaevo-balkarskom yazyke [Animal husbandry terms in Karachay-Balkar]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Baku, 1983, 20 p. (in Russ.)
- Yaimova N. A.** Naimenovaniya loshadi v altaiskom yazyke [Naming of horse in Altai]. In: Teoreticheskie voprosy altaiskoi grammatiki [Theoretical questions of Altai grammar]. Gorno-Altaysk, 2002, pp. 225–229. (in Russ.)

List of Dictionaries

- Altaisko-russkii slovar' [Altai-Russian dictionary]. Gorno-Altaysk, 2018, 935 p. (in Alt., in Russ.)
- Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [Great Mongol-Russian dictionary]. In 4 vols. Moscow, 2002, vol. 3: Θ–F, 440 p.; vol. 4: H–Ya, 532 p. (in Russ., in Mong.)
- Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2011, vol. 8, 572 p. (in Russ., in Yakut.)
- Drevnetyurkskii slovar' [Old Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969, 678 p. (in Russ.)
- Etimologicheskii slovar' tuvinskogo yazyka [Etymological dictionary of Tuvan]. Novosibirsk, 2004, vol. 3, 438 p. (in Russ.)
- Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov [Etymological dictionary of Turkic languages]. Moscow, 1974, 446 p. (in Russ.)
- Ilishkin I. K.** (ed.). Russko-kalmytskii slovar' [Russian-Kalmyk dictionary]. Moscow, 1964, 804 p. (in Russ., in Kalm.)
- Khakassko-russkii slovar' [Khakass-Russian dictionary]. Moscow, 1953, 487 p. (in Russ.)
- Kirgizsko-russkii slovar'. Kyrgyzcha-oruscha sozdyk [Kyrgyz-Russian dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., vol. 2: L–Ya, 1985, 475 p. (in Russ., in Kyrg.)
- Luvsandendeve A.** (ed.). Mongol oros tol' [Mongolian-Russian dictionary]. Moscow, 1957, 714 p. (in Russ., in Mong.)
- Popov G. V.** Etimologicheskii slovar' yakutskogo yazyka [Etymological dictionary of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2003, pt. 1: A–D', 180 p. (in Russ.)
- Russko-kazahskii slovar' [Russian-Kazakh dictionary]. Alma-Ata, AS KazSSR Publ., 1946, vol. 2: P–YA, 395 p. (in Russ., in Kaz.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M.** (eds.). Buryatsko-russkii slovar' [Buryat-Russian dictionary]. Ulan-Ude, 2008. (in Russ., in Bur.)
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Lexicon]. Moscow, Nauka, 2001, 822 p. (in Russ.)
- Subrakova O. V.** (ed.). Khakassko-russkii slovar' [Khakass-Russian dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (in Russ., in Khak.)
- Tenishev E. R.** (ed.). Tuvinsko-russkii slovar' [Tuvan-Russian dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1968, 648 p. (in Tuv., in Russ.)

Информация об авторах

Фёдор Николаевич Дьячковский, кандидат филологических наук

WoS Researcher ID K-5080-2018

RSCI Author ID 316559

SPIN 3309-1564

Алёна Робертовна Тазранова, кандидат филологических наук

WoS Researcher ID K-9842-2018

RSCI Author ID 146228

SPIN 3764-9122

Бадарч Байрсайхан, кандидат филологических наук

SPIN 3128-6344

Светлана Менкеновна Трофимова, доктор филологических наук

WoS Researcher ID U-7625-2019

RSCI Author ID 164468

SPIN 8790-7852

Наталья Иннокентьевна Попова, кандидат филологических наук

RSCI Author ID 120458

SPIN 4766-9051

Information about the Authors

Fedor N. Diachkovskiy, Candidate of Sciences (Philology)

WoS Researcher ID K-5080-2018

RSCI Author ID 316559

SPIN 3309-1564

Alena R. Tazranova, Candidate of Sciences (Philology)

WoS Researcher ID K-9842-2018

RSCI Author ID 146228

SPIN 3764-9122

Badarch Bayarsaykhan, Candidate of Sciences (Philology)

SPIN 3128-6344

Svetlana M. Trofimova, Doctor of Sciences (Philology)

WoS Researcher ID U-7625-2019

RSCI Author ID 164468

SPIN 8790-7852

Natalia I. Popova, Candidate of Sciences (Philology)

RSCI Author ID 120458

SPIN 4766-9051

Вклад авторов:

Ф. Н. Дьячковский, А. Р. Тазранова, Н. И. Попова – участие в подготовке основной части текста, разработка методики исследования, сбор и систематизация языкового материала, анализ источников.

Б. Баярсайхан – разработка методики исследования, сбор тувинского, монгольского материала.

С. М. Трофимова – общее научное руководство, сбор монгольского материала.

Contribution of the Authors:

Fedor N. Diachkovskiy, Alena R. Tazranova, Natalia I. Popova processed and systematized results, developed the methodology and approaches, collection and systematization of language material, prepared the body of the article.

Badarch Bayarsaykhan developed the methodology and approaches, collected and analyzed the sources of the Tuva and Mongolian languages.

Svetlana M. Trofimova guided the research process, collected and analyzed the sources of the Mongolian languages.

Статья поступила в редакцию 01.07.2022;

одобрена после рецензирования 15.07.2022; принята к публикации 22.07.2022

The article was submitted on 01.07.2022;

approved after reviewing on 15.07.2022; accepted for publication on 22.07.2022

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-74-81

Вестники смерти в русской литературе (на материале романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и повести И. С. Тургенева «Несчастная»)

Мария Игоревна Крупенина

Государственный академический университет гуманитарных наук
Москва, Россия

psickozzza@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2482-8593>

Аннотация

Рассматриваются вестники смерти в повести И. С. Тургенева «Несчастная» и романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина». В повести «Несчастная» вестником смерти выступает фантом девушки, которая впоследствии умирает при таинственных обстоятельствах. Он является не только предзнаменованием ее смерти, но и своеобразным зовом о помощи. В романе «Анна Каренина» вестник смерти предстает в образе «хтонического» мужика и становится предзнаменованием страшной гибели героини. Вестник смерти не только предупреждает о надвигающейся смертельной опасности, но также свидетельствует о типе смерти, уготованной данным персонажам.

Ключевые слова

вестник смерти, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, фантом, сверхъестественное, смерть

Для цитирования

Крупенина М. И. Вестники смерти в русской литературе (на материале романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и повести И. С. Тургенева «Несчастная») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 74–81. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-74-81

Death Messengers in the Russian Literature of the 19th Century (On Tolstoy’s Novel “Anna Karenina” and Turgenev’s Story “The Unfortunate One”)

Maryia I. Krupenina

State Academic University for the Humanities
Moscow, Russian Federation

psickozzza@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2482-8593>

Abstract

Purpose. The article is devoted to the analysis of death messengers, their role and meaning in Ivan Turgenev’s story “The Unfortunate One” and Leo Tolstoy’s novel “Anna Karenina”.

Results. In Turgenev’s story a herald of death is presented as a phantom, a soul manifestation of the young woman who subsequently dies under mysterious circumstances. At the same time, the phantom appears not to the gaze of the female character, who falls victim to family intrigues, but to her spiritual friend, Pyotr Gavrilovich. The young student perceives a strange vision as an optical illusion, but sees the next clue that is a dream, a premonition of an impending disaster. A light phantom of the young woman is both an omen of her impending death, and a kind of call for help.

© Крупенина М. И., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 74–81

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 74–81

In “Anna Karenina”, the messenger of death appears in the form of an infernal old man and becomes a sign of the terrible death of an unfortunate woman. His horrible appearance is a reflection of the horror that Anna Karenina faces in the last minutes of her life.

Conclusion. Death messengers warn of impending danger but also let us guess the type of death awaiting the heroes by their look.

Keywords

messengers of death, Leo Tolstoy, I. S. Turgenev, phantom, supernatural, death

For citation

Krupenina M. I. Death Messengers in the Russian Literature of the 19th Century (On Tolstoy’s Novel “Anna Karenina” and Turgenev’s Story “The Unfortunate One”). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 74–81. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-74-81

Введение

Согласно народным поверьям, часто перед смертью людям являются различные видения, и многие могут предчувствовать свою смерть. В этих миражах сознания появляются образы умерших родственников или inferнальных существ, предупреждающих о надвигающейся опасности [Аръес, 1992].

Потусторонние послания чаще всего вторгаются в реальный мир посредством вещей снов и видений. Мотивы сна нередко встречаются в творчестве русских писателей, заключая в себе сакральный смысл и выступая в качестве своеобразного предсказания. В такого рода снах часто фигурирует некая темная сущность, зачастую выступающая как архетип и восходящая к мотиву двойничества. Обращаясь к этому феномену, писатели стремятся показать растущий внутренний разлад, борьбу двух начал в душе героя, в результате которой он находит путь к свету – истине или погружается во тьму, окончательно теряя власть над своей душой [Баохуэй, 2022].

Иногда образ темного человека или тень смерти выступает не только как таинственный двойник, а как вестник загробного мира, который предупреждает об опасности и свидетельствует о типе смерти, уготованной человеку. В повести И. С. Тургенева «Несчастливая» (1869) вестником смерти выступает белый фантом девушки. При этом он является взору не самой героини, павшей жертвой семейных интриг, а ее духовному другу – студенту Петру Гавриловичу. Молодой человек принимает странное видение за обман зрения, но получает подсказку во сне, ставшем предвестником беды. Являющийся молодому студенту фантом, а затем сон персонажа служат предупреждением и предзнаменованием несвоевременной кончины девушки.

«Не своя» смерть представлена в видениях, в которых появляется inferнальный образ страшного старика, уроды, карлика, инкуба, внушающий ужас своим видом. В дьявольском облике и действиях такого существа зачастую угадывается намек на убийство или самоубийство героя. К. П. Крамер в книге «Сны о смерти: раскрывая тайны бессознательного» (1993) отмечает, что сон или видение, в котором фигурирует образ демона, в архаических формах несет смертельную угрозу для человека, увидевшего такой сон, и представляет собой своего рода пророчество [Крамер, 1993].

Анализируя образы смерти в русской литературе, Т. А. Лисицина замечает, что чаще всего в этих образах предстают «низшие морфологические существа, сохраняющие гипертрофированное человеческое обличье» [1995, с. 54]. В такой ипостаси вестник «не своей» смерти представлен в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (1877). В этом произведении образ страшного мужика, появляющегося вначале только в сновидениях героини, а затем переходящего из потустороннего мира в мир действительный, становится предзнаменованием страшной гибели героини.

Результаты исследования Дух смерти в повести И. С. Тургенева «Несчастная»

В творчестве И. С. Тургенева теме смерти отведено особое место. Писатель признает существование высших сил, которые сильнее человека и неподвластны разуму, но посылают ему предупреждения и подсказки в виде загадочных предзнаменований, видений и снов. Реалистическому видению писателя не чужды были также приметы и суеверия, иногда граничащие с мистицизмом. Все подобные элементы приобретают не столько фантастический, сколько психологический характер [Топоров, 1998]: при правильном декодировании они позволяют приоткрыть завесу тайного будущего.

Способность разгадать эти грустные намеки судьбы, намеки о том, что смерть присутствует здесь и сейчас, зависит, по мнению писателя, от чуткости души человека и способности читать ниспосланные свыше знаки. В романе «Накануне» (1860) Елена Стахова, предчувствуя близость кончины своего супруга, так выражает свои мысли о неотвратимости смерти: «Неужели же нельзя умолить, отвратить, спасти... <...> Неужели уже довольно! Я была счастлива не одни только минуты, не часы, не целые дни – нет, целые недели сряду! А с какого права» (Тургенев, 1981, т. 6, с. 291). В этом эпизоде внутренний монолог девушки представлен как потенциальный диалог, торги со смертью, которая уже пришла и ждет момента, чтобы забрать свою жертву за испытанное ею счастье.

В тургеневской повести «Несчастная» вестник смерти представлен фантомом девушки Сусанны. Она предчувствует свою смерть и поэтому приходит к студенту Петру – человеку, который ей духовно близок, – чтобы передать ему свой дневник. За окном бушует метель, навевающая мысли о безысходности жизни как таковой. Для Сусанны метель становится отражением ее душевного состояния. Все ее движения передают сумятицу чувств – волнения, беспокойства, тревоги, вторящих разыгравшейся стихии: «...она приблизилась к окну и, прислонившись к стене плечом, осталась неподвижной; только грудь судорожно поднималась, и глаза блуждали, и с легким оханьем вырывалось дыхание из помертвевших губ» (Тургенев, 1981, т. 8, с. 87)¹.

Загадочное появление девушки внушает молодому человеку смутное беспокойство. Он видит, что на ней лежит печать смерти, как будто «чей-то неумолимый перст <...> навсегда отметил это погибшее существо» (с. 80). Впоследствии предчувствие Петра Гавриловича усиливается, а затем принимает конкретную форму видения. Это происходит, когда его навещает приятель Фустов. Молодой студент рассказывает историю несчастной девушки, и ему внезапно грезится, что «на окне сидит, склонившись на руки, бледная женская фигура»: «Свечи нагорели: в комнате было темно. Я вздрогнул, взгляделся пристальнее, и ничего, конечно, не увидел на подоконнике, но какое-то странное чувство, смешение ужаса, тоски, сожаления, охватило меня» (с. 121). Студент обращает внимание на время: на часах было одиннадцать часов ночи. Осознавая, что видение является предзнаменованием чего-то ужасного, он призывает своего друга сейчас же отправиться к Сусанне, но Фустов остается глух к словам Петра Гавриловича. Молодой студент, не связанный с героиней никакой любовной и близкой дружеской связью, единственный способен видеть знаки судьбы. Это объясняется свойственной ему способностью сопереживать и в этом сопереживании понимать душу девушки. Так, за время их нечастых встреч, между героями протягивается духовная нить, позволяющая им понимать друг друга без слов.

Сам герой тоже не решается покориться зову своего сердца, воспринимая увиденное в качестве игры воображения. Позже Петр Гаврилович видит сон: «Мы с Сусанной бродим по каким-то подземным сырым переходам <...> и всё глубже и глубже спускаемся вниз <...> и кто-то всё время беспрестанно зовет нас» (с. 122). Постепенное погружение героев вниз, под землю свидетельствует об окончательной потере жизненных сил. Обращают на себя внимание и звуки, которые слышит Петр Гаврилович, – они однообразны и жалобны. Сон

¹ В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы.

является продолжением видения. Белый фантом Сусанны – ее светлая душа – не только предзнаменование ее смерти, но и зов о помощи, на который никто не откликается.

О смерти девушки молодой дворянин узнает постфактум. Сусанна умирает в полночь – роковое время, являющееся символом начала и конца, постоянного перевоплощения жизни. Когда Петр Гаврилович видит тело умершей девушки, он отмечает, что на ее лице было такое выражение, будто «она собралась крикнуть отчаянным криком, да так и замерла, не произнеся звука... даже морщинка между бровями не изгладилась, а пальцы на руках были повернуты и сжаты» (с. 125). Ужас, застывший на лице и в позе героини, а также сам факт ее смерти составляет как для героя, так и для читателя своеобразную загадку. Невольно возникает вопрос: отчего умирает молодая девушка?

Прочитывая печать ужаса на лице Сусанны, молодой дворянин приходит к выводу, что девушка всё-таки умирает не своей смертью, а смертью насильственной. Немногим позже он узнает, что причиной ее гибели послужило расширение сердца, называемое в народе разрывом. К этому привели, по замечанию хладнокровного Ратча, «сильные ощущения».

В. Г. Щукин отмечает, что «такую смерть формально нельзя назвать самоубийством, ибо эти герои (автор имеет в виду героев повестей «Стук... стук... стук...!» и «Несчастная». – М. К.) не накладывают на себя руки, а *угасают*» [2016, с. 271–272]. Уход девушки из жизни не лишен загадочности, а напряженная маска смерти, запечатленная на ее лице, свидетельствует о трагичности ее ухода, о неспособности умереть с упокоенной душой посредством традиционного таинства очищения – покаяния и причащения. Смерть героини в таком контексте не лишена мистического ореола.

Предзнаменование смерти в романе «Анна Каренина» Л. Н. Толстого

Л. Н. Толстой, как и И. С. Тургенев, часто обращается к теме смерти. П. Бицилли замечает, что «предметом, на который неизменно была устремлена душа Толстого, была – смерть <...> как загадка, являющаяся загадкой самой жизни» [Бицилли, 2000, с. 473]. Еще ранее на эту увлеченность Л. Н. Толстого таинством смерти обращает внимание М. Бахтин: «Его (Л. Н. Толстого. – М. К.) интересует смерть для себя, т. е. для самого умирающего» [Бахтин, 1997, с. 347].

Таинство или мистика смерти выражается у Л. Н. Толстого и посредством столкновения с иррациональными силами. Писателю не чужда была магия обыденного, проявляющаяся в «говорящих» суевериях, предзнаменованиях, предчувствиях и встречах с потусторонними силами [Гуреева, 2006]. В этом отношении особый интерес вызывает роман «Анна Каренина» (1877). Здесь смерть обретает конкретное воплощение в образе зловещего старика, рождающего непреодолимый ужас в душе главной героини и выступающего в качестве вестника ее ужасной кончины.

Роковой поступок героини, среди прочего, можно объяснить сугубо психологическими факторами. К самоубийству женщину толкает ее новое положение в обществе (она становится «нищей с ребенком» (Толстой, 1935, с. 344)²). Судьба Анны может быть истолкована и ее прозрением, разделившим жизнь на «до» и «после» и сделавшим дальнейшую связь с Вронским невозможной. Однако и мучающий Анну кошмар, в котором неизменно появляется образ страшного мужика, по-своему объясняет трагический исход ее жизни.

Первое описание зловещего образа мужика появляется во сне Анны до рождения дочери. Некоторые исследователи полагают, что этот страшный мужичок является героине задолго до этого сна в образах настоящих людей, а затем в качестве неосознанного воспоминания фигурирует в ее видениях [Сато, Сорокина, 1998]. Таков, например, образ сторожа, попавшего под поезд. Однако inferнальное начало в этом персонаже отсутствует. При этом Анна не видит сторожа, хотя произошедший случай расценивает как «дурное предзнаменование».

² В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера тома и страницы.

Если обратиться ко сну героини, то в нем мужик «с взъерошенной бородой» наделен зловещими, животными свойствами и предстает, скорее, как демон. Впервые Анна замечает его в углу своей спальни: «Он копошится и приговаривает по-французски, скоро-скоро и, знаешь, грассирует: – “Il faut le battre le fer, le broyer, le pétrir...”» (т. 18, с. 381).

Алексей Вронский тоже видит подобный сон: «Мужик-обкладчик, кажется, маленький, грязный, со взъерошенной бородкой, что-то делал, нагнувшись и вдруг заговорил по-французски какие-то странные слова» (т. 18, с. 375). Во сне Вронского образ мужика более детализирован: это в первую очередь мужик-обкладчик. Через ассоциацию с охотой подчеркивается дьявольская сущность персонажа, расставляющего капканы для своей жертвы. Грязь, животный вид, маленький рост мужичка вселяют в обоих героев ужас и предчувствие беды. Вронский пытается отогнать эти мысли, Анна спокойно принимает их. Она знает, что умрет. Видения героев – признак их таинственной связи, подсознательного чувствования друг друга.

В какой-то степени Анна воспринимает этот эпизод как свидетельство опасных последствий своей страсти. Будучи замужней женщиной и вступив в преступную связь, Анна поэтому и воспринимает потустороннее послание буквально – как кару за прелюбодеяние. Молодая женщина открыто признает себя «погибшей», хотя в глубине души не жалеет о любовной связи с Вронским, так как ее любовь лишена фальши.

Во время родов Анна, действительно, переживает символическую смерть. Духовные и физические муки, испытываемые ею в бреду, восходят к христианской традиции покаяния и прощения. В этом эпизоде как нельзя лучше показано ее стремление примирить желаемое и действительное, впервые проявившееся в привидевшемся ей когда-то сне: «Ей снилось, что оба вместе были ее мужья, что оба расточали ей свои ласки. <...> И она, удивля[лась] тому <...> что они оба теперь довольны и счастливы» (т. 18, с. 159). Теперь на смертном ложе это желание полностью реализуется и воплощается в сцене мнимого примирения любовника и мужа. Анна облегчает ношу своего греха, получив прощение законного супруга, и вновь возрождается к жизни.

Тем не менее, образ страшного мужика вновь врывается в жизнь Анны, когда страсть Вронского сменяется раздражением. Б. М. Эйхенбаум интерпретирует этот образ как «символ ее (Анны. – М. К.) греха» [1974, с. 188]. Тогда Анна предстает как падшая женщина, заслуживающая той участи, которая выпадает на ее долю. С другой стороны, она противопоставлена таким двуличным и предающимся пороку светским женщинам, как княгиня Бетси Тверская или графиня Вронская. Почему же эти падшие женщины не впадают в отчаяние и не погибают? Остаются ли они живы потому, что продолжают вести искусственную жизнь? Эти и другие вопросы, неоднократно возникающие при чтении эпизодов, где встречается упоминание о зловещем мужике, свидетельствуют о том, что его символизм намного сложнее. Он примечателен не только тем, что связывает героев в обоюдном грехе.

Объясняя значимость образа мужичка, литературоведы особое внимание обращают на его связь с железом, которая в первую очередь обыгрывается в повествовании словами «Il faut le battre le fer, le broyer, le pétrir...» (с фр. «ковать, толочь, мять»). Г. Т. Андреева [2015] выражает мнение, что «мужик – символ злого духа животной страсти». Исследователи Ю. Сато и В. В. Сорокина тоже обращают внимание на связь мужика с железом. В этом образе они обнаруживают «архетипические черты кузнеца», олицетворяющего собой «зло современности» – железную дорогу, которая в итоге «вводит героиню во грех» и губит ее [1998, с. 150].

Образ мужичка действительно представляется архетипическим, он как бы вырастает из глубин бессознательного и предстает как некая иррациональная сила [Безчасный, 2019]. Сон Анны – проявление такого иррационального порядка. При этом исследователи мало обращают внимания на тот факт, что «страшный кошмар» вторгается в жизнь Анны задолго до связи с Вронским (т. 19, с. 332). Она отмечает, что уже давно видела этот сон (т. 18, с. 381). В этом случае образ старика не может рассматриваться как аллегория пагубной страсти или греха, а представляется как дьявольский промысел.

Ключ к пониманию этого образа – следующий сон Анны, который она видит в пору охлаждения к ней Вронского. Что немаловажно, ему предшествует своеобразное видение. Анне кажется, что над ней витает дух смерти. Такая ассоциация возникает из-за зловещих теней, игра которых строится по принципу смысловой градации (рванулись, сбежали, надвинулись, поколебались, слились), создавая эффект растущей тени (т. 19, с. 331). Этот эпизод свидетельствует о том, что образ смерти, представленный фигурой мужичка, уже выходит из области бессознательного, переходя в реальный мир. Порывистые движения теней по-своему отражают действия мужика: «Старичок с взлохмаченной бородой <...> дела[л] какое-то страшное дело в железе над нею» (т. 19, с. 331). В этом сне страшный мужик уже приводит свои слова в исполнение. Мужик-обкладчик в метафорическом смысле выковывает железный капкан – символ безвыходности и сознательного обмана, куда всё больше погружается его жертва, осознавая искусственность своего положения. Слова мужика звучат как своеобразная анафема, проклятие, предначертанное исполниться, а сам мужик выступает как символ «не своей» смерти, уготованной героине.

Мужик во сне Анны – не статическая фигура. По дороге на станцию, где героиня совершает самоубийство, он уже предстает в образе реального человека: «Испачканный уродливый мужик в фуражке <...> прошел мимо этого окна, нагибаясь к колесам вагона. «Что-то знакомое в этом безобразном мужике» (т. 19, с. 345). На самой станции Анна внезапно вспоминает «о раздавленном человеке в день ее первой встречи с Вронским». Это воспоминание подталкивает ее к роковому поступку. Становится очевидным, что в пылу духовных терзаний Анна уже не принадлежит себе. Об этом свидетельствует ее будто загипнотизированное затуманенное состояние, ее поток сознания. В момент смерти перед мысленным взором Анны вновь возникает образ безобразного мужика: «Она хотела подняться, откинуться; но что-то огромное, неумолимое толкнуло ее в голову и потащило за спину. <...> Мужичок, приговаривая что-то, работал над железом» (т. 19, с. 349).

Неоднократное появление образа ужасного старика в жизни Анны становится предвестником ее трагической гибели, а его слова – своеобразным проклятием-заклинанием. В свою очередь, его ужасный вид напрямую связан с типом ужасной смерти, которая выпадает на долю загубленной души.

Заключение

В рассмотренных произведениях вестники смерти предупреждают о надвигающейся опасности и служат своеобразной подсказкой-предостережением. Кроме того, вид вестников свидетельствует о типе смерти, уготованной героиням произведений. В повести И. С. Тургенева «Несчастливая» таким вестником выступает светлый фантом девушки. Он не вызывает у героя, увидевшего его, чувства пронзительного страха, но словно призывает прислушаться к зову о помощи.

В романе «Анна Каренина» Л. Н. Толстого вестником смерти выступает страшный мужик с «взъерошенной бородой» и мешком. Героиня не преодолевает своего страха перед этим дьявольским образом. Незадолго до кончины Анны страшный мужик всё чаще врывается в ее настоящее. Его вид – это отражение того ужаса, с которым в последние минуты своей жизни сталкивается Анна.

В творчестве И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого вестники смерти выступают своего рода проводниками в мир тайного и неизведанного.

У смерти своя мелодия, но даже в ее привычном потоке иногда могут случаться сбои, когда человек находит в себе силы прислушаться к зову своей интуиции.

Список литературы

- Андреева Г. Т. Система символических образов в романах Л. Н. Толстого // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 4-2 (35). С. 79–81.
Арбес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс-академия, 1992. 527 с.

- Баохуэй Т.** Функция архетипа тени в литературе («Истинный и фальшивый царь обезьян» в «Путешествии на запад» у Чэн-Эня, «Тень» Х. К. Андерсена и «Нос» Н. В. Гоголя) // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2022. № 3. С. 52–57.
- Бахтин М.** Заметки // Бахтин М. Собр. соч.: В 7 т. М.: Рус. словари, 1997. Т. 5. 732 с.
- Безчасный К. В.** Социально-этические аспекты самоубийства в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (часть 2) // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. 2019. № 1. С. 109–124.
- Бицилли П. М.** Проблема жизни и смерти в творчестве Толстого // Л. Н. Толстой: pro et contra. СПб.: РХГА, 2000. С. 473–499.
- Гуреева Н. В.** Поэтика романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина»: бессознательное, художественное время, цветовая образность: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2006. 21 с.
- Лисицина Т. А.** Образы смерти в русской литературе: лингвистика, поэтика, философия // Альманах «Фигуры Танатоса». Тема смерти в духовном опыте человечества: Материалы второй международной конференции. СПб., 1995. С. 54–59.
- Сато Ю., Сорокина В. В.** «Маленький мужик с взъерошенной бородой» (Об одном символическом образе в «Анне Карениной») // *Philologica*. 1998. № 5. С. 139–153.
- Топоров В. Н.** Странный Тургенев (Четыре главы). М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1998. 192 с.
- Щукин В. Г.** Тургенев и Гёте. Нечто о психопоэтике, Эросе и красоте // Изв. Самар. НЦ РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2016. № 18 (1–2). С. 286–276.
- Эйхенбаум Б. М.** Лев Толстой. Семидесятые годы. Л.: Худож. лит., 1974. 360 с.
- Kramer Kenneth P.** *Death Dreams: Unveiling Mysteries of the Unconscious Mind*. New York, Paulist Press, 1993, 288 p.

Список источников

- Толстой Л. Н.** Полн. собр. соч.: В 90 т. / Под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1934. Т. 18: Анна Каренина. Ч. 1–4. 556 с.; 1935. Т. 19: Анна Каренина. Ч. 5–8. 556 с.
- Тургенев И. С.** Соч.: В 12 т. М.: Наука, 1981. Т. 6: Дворянское гнездо. Накануне. Первая любовь. 495 с.; Т. 8: Повести и рассказы. 541 с.

References

- Andreeva G. T.** Sistema simvolicheskikh obrazov v romanakh L. N. Tolstogo [The system of symbolic images in the novels of Leo Tolstoy]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal [International Research Journal]*, 2015, no. 4-2 (35), pp. 79–81. (in Russ.)
- Aries Ph.** Chelovek pered litsom smerti [Images of man and death]. Moscow, Progress-akademiya Publ., 1992, 527 p. (in Russ.)
- Bakhtin M.** Zametki [Notes]. In: Bakhtin M. *Sobranie sochinenii [Collected Works]*. In 7 vols. Moscow, Russkie slovari, 1997, vol. 5, 732 p. (in Russ.)
- Baohui T.** Funktsiya arkhetaipa teni v literature (“Istinnyi i fal'shivyi tsar' obez'yan” v “Puteshestvii na zapad” u Chen-Enya, “Ten” Kh. K. Andersena i “Nos” N. V. Gogolya) [The function of the archetype of shadow in literature (“True and False Monkey King” in “Journey to the West” by Cheng'en Wu, “The shadow” by H. Ch. Andersen and “The Nose” by N. V. Gogol)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika [Proceedings of Voronezh state university. Series: Philology. Journalism]*, 2022, no. 3, pp. 52–57. (in Russ.)
- Bezchasny K. V.** Sotsial'no-eticheskie aspekty samoubiistva v romane L. N. Tolstogo “Anna Karenina” (chast' 2) [Social and ethical aspects of suicide in the novel by L. N. Tolstoy “Anna Karenina” Pt. 2]. *Obozrenie psikhatrii i meditsinskoj psikhologii imeni V. M. Bekhtereva [V. M. Bekhterev review of psychiatry and medical psychology]*, 2019, no. 1, pp. 109–124. (in Russ.)

- Bitsilli P. M.** Problema zhizni i smerti v tvorchestve Tolstogo [The problem of life and death in Leo Tolstoy's works]. In: L. N. Tolstoi: pro et contra. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2000, 984 p. (in Russ.)
- Eikhenbaum B. M.** Lev Tolstoi. Semidesyatye gody [Leo Tolstoy. The seventies]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, 1974, 360 p. (in Russ.)
- Gureeva N. V.** Poetika romana L. N. Tolstogo "Anna Karenina": bessoznatel'noe, khudozhestvennoe vremya, tsvetovaya obraznost' [The Poetics of Tolstoy's Novel "Anna Karenina": The Unconscious, Artistic Time, Color Imagery]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Nizhniy Novgorod, 2006, 21 p. (in Russ.)
- Kramer Kenneth P.** Death Dreams: Unveiling Mysteries of the Unconscious Mind. New York, Paulist Press, 1993, 288 p.
- Lisitsina T. A.** Obrazy smerti v russkoi literature: lingvistika, poetika, filosofiya [Images of death in Russian literature: linguistics, poetics, philosophy]. In: Al'manakh "Figury Tanatosa". Tema smerti v dukhovnom opyte chelovechestva [Almanac "Figures of Thanatos". The theme of death in the spiritual experience of mankind]. Proceedings of the second international conference. St. Petersburg, 1995, pp. 54–59. (in Russ.)
- Sato Yu., Sorokina V. V.** "Malen'kii muzhik s vz'eroshennoi borodoi" (Ob odnom simvolicheskom obraze v "Anne Kareninoi") ["The little man with the tousled beard": (about one symbolical image in "Anna Karenina")]. *Philologica*, 1998, no. 5, pp. 139–153. (in Russ.)
- Shchukin V. G.** Turgenev i Gete. Nechto o psikhopoetike, Eroze i krasote [Turgenev and Goethe. Something about psychopoetics, Eros and beauty]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki* [Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medicobiological sciences], 2016, no. 18 (1–2), pp. 286–276. (in Russ.)
- Toporov V. N.** Strannyi Turgenev (Chetyre glavy) [Strange Turgenev (Four chapters)]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 1998, 192 p. (in Russ.)

List of Sources

- Tolstoy L. N.** Complete works. In 90 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1934, vol. 18: Anna Karenina. Ch. 1–4, 556 p.; vol. 19: Anna Karenina. Ch. 5–8, 556 p. (in Russ.)
- Turgenev I. S.** Works. In 12 vols. Moscow, Nauka, 1981, vol. 6: Dvoryanskoe gnezdo. Nakanune. Pervaya lyubov' [Home of the gentry. The day before. First love], 495 p.; vol. 8: Povesti i rasskazy [Tales and stories], 541 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Мария Игоревна Крупенина, кандидат филологических наук
WoS Researcher ID AAU-1838-2021
SPIN 9518-9870

Information about the Author

Maryia I. Krupenina, Candidate of Sciences (Philology)
WoS Researcher ID AAU-1838-2021
SPIN 9518-9870

Статья поступила в редакцию 21.11.2022;
одобрена после рецензирования 05.12.2022; принята к публикации 15.12.2022
The article was submitted on 21.11.2022;
approved after reviewing on 05.12.2022; accepted for publication on 15.12.2022

Научная статья

УДК 82.09

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-82-89

О пейзаже в рассказе А. П. Чехова «Ионыч»

Петр Николаевич Долженков ¹

Цзинь Тяньхао ²

^{1,2} Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

¹ pnd57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0074-0362>

² mynameisdestiny@mail.ru

Аннотация

В статье речь идет о связи пейзажей рассказа с его содержанием. Пейзажи отчасти предваряют содержание произведения, дают читателю возможность предчувствовать, что любовь Ионыча к Котику ждет увядание, а главный герой рассказа закончит деградацией. Противопоставление возвышенного, поэтического и совершенно прозаического, а то и обывательского задается в начале рассказа в описании сада. Пейзажи перекликаются с мотивами произведения, вводят некоторые из них. Природа в рассказе оказывается амбивалентной: она обещает «жизнь тихую, прекрасную, вечную» и в то же время угрожает немой тоской небытия. В пейзаже ночного кладбища также присутствует и сочетание секса и смерти. Это фрейдистское сочетание обнаруживается и в других произведениях писателя.

Ключевые слова

творчество А. П. Чехова, рассказ «Ионыч», пейзаж, связь пейзажей с содержанием рассказа

Для цитирования

Долженков П. Н., Цзинь Тяньхао. О пейзаже в рассказе А. П. Чехова «Ионыч» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 82–89. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-82-89

Concerning the Landscape in A. P. Chekhov's Short Story "Ionych"

Pyotr N. Dolzhenkov ¹

Jin Tianhao ²

^{1,2} Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

¹ pnd57@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0074-0362>

² mynameisdestiny@mail.ru

Abstract

Purpose. The article discusses the connection between the landscape descriptions in the short story and its content.
Results. The landscapes, together with Delvig's elegy and the reference to Pisemsky's novel *A Thousand Souls*, partly anticipate the content of the story and give the reader an opportunity to expect beforehand that Ionych's love for Kotik will fade, and the protagonist of the story will end on a downward slope. The contraposition of the sublime, the poetic and the prosaic everyday matters is the common theme of the whole short story *Ionych*. This contraposition is set up in the beginning of the story in the description of the garden. The landscape descriptions also echo the themes of the story and introduce some of them. The inscription over the cemetery gate introduces the theme of moral judgment against the protagonist.

© Долженков П. Н., Цзинь Тяньхао, 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 82–89

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 82–89

Conclusion. The nature in the story turns out to be ambivalent: it promises “a quiet, beautiful, eternal life” and at the same time threatens with the mute desperation of nothingness. This ambivalence can be found in other works by Chekhov, too. Besides this, the cemetery landscape introduces into the story the theme of temporality of everything on earth. The landscape of the cemetery at night also has the combination of sex and death present in it. This Freudist combination can be found in the writer’s other works, too.

Keywords

the creation works of A. P. Chekhov, short story “Ionych”, landscape, connection of landscapes with the content of the story

For citation

Dolzhenkov P. N., Jin Tianhao. Concerning the Landscape in A. P. Chekhov’s Short Story “Ionych”. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 82–89. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-82-89

Введение

Пейзажи в произведениях А. П. Чехова не раз становились объектом исследований. Еще в 1930-е гг. С. Д. Балухатый подробно охарактеризовал пейзажи в ранних произведениях писателя [Балухатый, 1990]. Значительно позже А. В. Кубасов показал, что Чехов начинал «свое творчество с язвительной критики шаблонности массовой беллетристики» [Кубасов, 1999, с. 109]. Исследователи произведений писателя зрелого периода творчества отмечали, что пейзажи Чехова нередко соотносятся с психологическим состоянием героя, служат одним из средств раскрытия его внутреннего мира. Например, И. Н. Левина утверждает: «Пейзаж Чехова в первую очередь играет роль не статичного фона происходящих событий, а характеристики героя, то есть выполняет характерологическую функцию, является свидетельством индивидуальных особенностей персонажа» [Левина, 1997, с. 145]. Развивая эту мысль, Т. И. Новикова отмечала: «В подавляющем большинстве своем пейзаж – участник внутреннего действия героев – обычно включается в повествование в период психологического перелома, пробуждения сознания» [Новикова, 1966, с. 129]. В связи с интересующим нас периодом творчества Чехова Ю. В. Бабичева писала: «В произведениях позднего периода пейзажи Чехова все чаще приобретают характер лирического отступления» [Бабичева, 1966, с. 187].

Когда мы в рассказе «Ионыч» впервые видим Старцева, он напевает: «Когда еще я не пил слез из чаши бытия». Это строчка из романа М. Л. Яковлева на слова «Элегии» А. А. Дельвига. В этом стихотворении речь идет о двух периодах в жизни поэта: в первом, в ранней молодости, лирический герой был увенчан венком из роз, душа его жаждала любви, была полна мечтаний, он был счастлив, – во второй период, по прошествии времени, он «горько» забыл «долы и леса» и «милый взгляд», счастье покинуло его. Второй период жизни лирического героя воспринимается им как определенная деградация, ставшая итогом того, что он, столкнувшись с жизнью, испил «слез из чаши бытия».

Романс М. Л. Яковлева перекликается с содержанием рассказа. Молодой человек Дмитрий Ионович Старцев после учебы «выходит в жизнь», настроенный достаточно идеально, он увлечен Катей Туркиной. А заканчивает Ионыч деградацией. Жизнь Котика (Екатерины) также делится на два периода: в первый она воображала себя великой пианисткой, мечтала о славе, была счастлива; во второй ей предстояло разочарование в своем даровании и утрата надежд на брак со Старцевым, она осталась, как говорится, у разбитого корыта.

«Элегия» А. А. Дельвига предваряет содержание рассказа. То же самое следует сказать и об упоминании романа А. Ф. Писемского «Тысяча душ», в котором речь идет о молодом человеке, Калиновиче, который пожертвовал своей влюбленностью в Настеньку ради приобретения материальных благ.

Результаты исследования

Обратимся к пейзажам в этом произведении.

Образ сада имеет отношение и к влюбленности Старцева в Котика. О нем говорится в самом начале рассказа: «половина окон выходила в старый тенистый сад, где весной пели соловьи» (Чехов, 1977, т. 10, с. 24)¹. Старый тенистый сад, весна, пение соловьев – традиционные атрибуты любовного свидания, настраивающие читателя на определенные ожидания. Ассоциативно связывается с образом майского сада и образ Екатерины Ивановны: «девственная, уже развитая грудь, красивая, здоровая, говорила о весне, настоящей весне» (1977, т. 10, с. 25). И в этом саду пытается говорить с Котиком о своей любви к ней Ионыч. Но был уже не май, а конец лета: «Приближалась осень, и в старом саду было тихо, грустно и на аллеях лежали темные листья. Уже рано смеркалось» (1977, т. 10, с. 29).

Чехов писал А. В. Жиркевичу: «...описания природы тогда лишь уместны и не портят дела, когда они кстати, когда они помогают Вам сообщить читателю то или другое настроение, как музыка в мелодекламации» (П., 1978, т. 6, с. 47). Рассматриваемый нами пейзаж есть пейзаж-настроение, навевающий читателю чувство грусти. О чеховских пейзажах как о пейзажах настроения писала и К. А. Кочнова: «Для А. П. Чехова характерен субъективизм восприятия природы. <...> Это пейзаж-настроение» [Кочнова, 2016, с. 144].

Сад не оправдал ожиданий читателя, не стал аккомпанементом темы любви в рассказе. В саду, в котором Старцев хотел говорить о своей любви, уже началось осеннее увядание. Это подсказывает читателю, что и любовь Ионыча ждет угасание.

Через несколько лет происходит вторая и последняя встреча Старцева и Котика в саду: «Они пошли в сад и сели там на скамью под старым кленом, как четыре года назад. Было темно» (1977, т. 10, с. 38). После их разговора в саду Ионыч приходит к окончательному решению: «А хорошо, что я тогда не женился» (1977, т. 10, с. 39).

Сад в рассказе, ожидаемый поначалу как место любовного свидания, стал местом, в котором признание в любви так и не состоялось, местом, где на любви был поставлен крест.

Через весь рассказ «Ионыч» проходит противопоставление возвышенного, поэтического и совершенно прозаического, а то и обывательского. Например, на кладбище Ионыч пережил высокий эмоциональный подъем, а выйдя с кладбища, он думает: «Ох, не надо бы полнеть!» (1977, т. 10, с. 32). Это противопоставление задается в начале рассказа в описании сада: «...половина окон выходила в старый тенистый сад, где весной пели соловьи; когда в доме сидели гости, то в кухне стучали ножами, во дворе пахло жареным луком – и это всякий раз предвещало обильный и вкусный ужин» (1977, т. 10, с. 24). Пению соловьев противопоставлены запах жареного лука и обильный ужин.

Второй пейзаж в рассказе «Ионыч» – описание кладбища. Этот пейзаж дается в восприятии главного героя. Эпизод на кладбище, где Старцев напрасно ожидает свидания, является переломным пунктом и кульминацией рассказа. И если до ночной сцены на кладбище повествование содержало в себе определенную долю поэзии, которая в этой сцене достигает своего апогея, то после описания ночного пейзажа поэзия полностью уходит из рассказа, дальше следует сугубо прозаический рассказ о деградации Старцева. В ночной сцене поэзия обрывается внезапно и больше не возвращается: «И точно опустился занавес, луна ушла под облака, и вдруг все потемнело кругом» (1977, т. 10, с. 32).

На воротах кладбища, на которое приходит Ионыч, есть надпись: «Грядет час в онь же...»; такая же надпись («Грядет час, в онь же вси сушие во гробех услышат глас Сына Божия») есть и на воротах кладбища, мимо которого проходит инженер Ананьев в повести «Огни». Эта надпись напоминает читателю о том, что всех людей ожидает Страшный суд. Таким об-

¹ Далее при ссылках на это издание в круглых скобках указываются год, номер тома и страницы. Помета «П.» обозначает серию «Письма».

разом в «Ионыче» и «Огнях» вводится мотив нравственного суда над героем произведения, и делается это с помощью евангельского текста.

В рассказе «Бабы» поздним вечером «тень от церкви, черная и страшная, легла широко и захватила ворота Дюди и половину дома» (1977, т. 7, с. 349). Создается впечатление, что сама Церковь – а на христианское вероучение не раз ссылаются Матвей Саввич и Дюдя – судит героев рассказа, обнажает то «черное» и «страшное», что живет в их душах.

Связь мотива нравственного суда с сутью христианской религии в произведениях Чехова объясняется тем, что для него нравственность и учение Христа тождественны. Автор «Ионыча» писал И. Л. Леонтьеву (Щеглову): «Понять, что Вы имеете в виду какую-либо мудреную, высшую нравственность, я не могу, так как нет ни низших, ни высших, ни средних нравственностей, а есть только одна, а именно та, которая дала нам во время оно Иисуса Христа и которая теперь мне, Вам и Баранцевичу мешает красть, оскорблять, лгать и проч. <...> Бог есть выражение высшей нравственности» (П., 1977, т. 5, с. 47).

Типичный чеховский герой страдает, тоскует в серой, пошлой, грубой действительности и мечтает об иной жизни: яркой, полноценной, счастливой. Классический пример этой темы у Чехова – пьеса «Три сестры». Центральные героини произведения страдают посреди грубого, обывательского провинциального города и мечтают о Москве, т. е. об ином мире, в котором их ждет счастье, полнокровное существование, духовно наполненная жизнь. А в пьесе создается впечатление, что всюду так, как в этом городе: иной жизни, иного мира просто нет.

В рассказе «Ионыч» главный герой попадает в «иной мир»: «Старцева поразило то, что он видел теперь первый раз в жизни и чего, вероятно, больше уже не случится видеть: мир, не похожий ни на что другое, – мир, где так хорош и мягок лунный свет, точно здесь его колыбель» (1977, т. 10, с. 31). Но в этом мире «нет жизни, нет и нет». Здесь мы снова видим прием предварения содержания: в существовании деградировавшего Ионыча подлинной, духовной жизни «нет и нет». А мотив смерти, кладбища предвещает будущую духовную смерть главного героя. По мнению Т. Б. Зайцевой, и весь город С., в котором живет Ионыч, является большим кладбищем. Жители города тонут в «глухой тоске небытия», в «бесцельной и бесцветной жизни» [Зайцева, 1994, с. 55].

Автор рассказа пишет: «В каждом темном тополе, в каждой могиле чувствуется присутствие тайны, обещающей жизнь тихую, прекрасную, вечную» (1977, т. 10, с. 31). Соединение ночи и тайны есть и в повести «Огни»: «Огни были неподвижны. В них, в ночной тишине и в унылой песне телеграфа чувствовалось что-то общее. Казалось, какая-то важная тайна была зарыта под насыпью, и о ней знали только огни, ночь и проволоки» (1977, т. 7, с. 106). Можно полагать, что Чехов считает, что именно ночью посреди природы человек имеет возможность прикоснуться к важнейшим тайнам жизни.

Чехов пишет: «...в каждой могиле чувствуется присутствие тайны, обещающей жизнь тихую, прекрасную, вечную» (1977, т. 10, с. 31). И не в одном произведении писателя идеал жизни соединяется с миром природы. Например, в рассказе «Человек в футляре»: «Когда в лунную ночь видишь широкую сельскую улицу с ее избами, стогами, уснувшими ивами, то на душе становится тихо; в этом своем покое, укрывшись в ночных тенях от трудов, забот и горя, она кротка, печальна, прекрасна, и кажется, что и звезды смотрят на нее ласково и с умилением и что зла уже нет на земле и всё благополучно» (1977, т. 10, с. 53).

В целом по поводу противопоставления природы и жизни людей в произведениях писателя можно сказать, что если в природе есть красота, свобода, сила, то не всё, наверное, так безнадежно и в жизни людей, и можно надеяться, что она изменится к лучшему.

В «Ионыче» темные тополя и могилы обещают «жизнь тихую, прекрасную, вечную», а в «Даме с собачкой» о море сказано: «в этом постоянстве, в полном равнодушии к жизни и смерти каждого из нас кроется, быть может, залог нашего вечного спасения, непрерывного движения жизни на земле, непрерывного совершенства» (1977, т. 10, с. 133).

Будучи врачом, Чехов в последний период жизни, понимал, что жить ему осталось недолго. Далеко не уверенный в том, что душа человека бессмертна, писатель, по всей видимо-

сти, находил утешение в мыслях о вечной жизни природы и, соответственно, рода человеческого.

Но в целом образ природы у Чехова лишен однозначности. Когда Старцев вообразил самого себя мертвым, зарытым здесь навеки, «то ему показалось, что кто-то смотрит на него, и он на минуту подумал, что это не покой и не тишина, а глухая тоска небытия, подавленное отчаяние» (1977, т. 10, с. 31). И вопрос о том, есть ли «жизнь тихая, прекрасная, вечная» или за гробом нас ждет лишь «глухая тоска небытия», остается открытым. Природа в рассказе оказывается амбивалентной: она обещает «жизнь тихую, прекрасную, вечную» и в то же время угрожает немой тоской небытия.

Эта амбивалентность прослеживается и в других произведениях Чехова. Природа прекрасна и в то же время равнодушна к человеку. К примеру, в рассказе «В родном углу» в связи со степью говорится: «Этот простор, это красивое спокойствие степи говорили ей (Веру Кардиной. – П. Д., Т. Ц.), что счастье близко <...>. И в то же время нескончаемая равнина, однообразная, без одной живой души, пугала ее, и минутами было ясно, что это спокойное зеленое чудовище поглотит ее жизнь, обратит в ничто». Степь прекрасна, и в то же время она – «зеленое чудовище» (1977, т. 9, с. 316).

Учитывая то, что в произведении отсутствует объяснение причин деградации главной героини, можно предположить, что на символическом уровне «зеленое чудовище», степь, и в самом деле поглотило Веру Кардину. В конце рассказа главная героиня думает, примиряясь со своим пустым и бесцельным существованием: «Прекрасная природа, грезы, музыка говорят одно, а действительная жизнь другое. Очевидно, счастье и правда существуют где-то вне жизни... Надо не жить, надо слиться в одно с этой роскошной степью, безграничной и равнодушной, как вечность, с ее цветами, курганами и далью, и тогда будет хорошо...» (1977, т. 9, с. 316). Деградация осознается ею как слияние с безграничной и равнодушной природой.

На кладбище главный герой «Ионыча» видит могилу Деметти, итальянской певицы, умершей в городе во время гастролей итальянской оперы. Автор сообщает нам, что в городе о ней никто уже не помнил. Так в произведение вводится мотив бренности всего сущего на нашей земле. Жил человек, любил, страдал, радовался, мечтал, умер – и вскоре даже память о нем пропала. Есть этот мотив и в близком по времени «Ионычу» «Архиерее». Когда преосвященный Петр умер, «через месяц был назначен новый викарный архиерей, а о преосвященном Петре уже никто не вспоминал. А потом и совсем забыли» (1977, т. 10, с. 201).

На кладбище Ионыч вдруг подумал о том, «сколько здесь, в этих могилах, зарыто женщин и девушек, которые были красивы, очаровательны, которые любили, сгорали по ночам страстью, отдаваясь ласке», ему почудилось, что «перед ним белели уже не куски мрамора, а прекрасные тела, он видел формы, которые стыдливо прятались в тени деревьев, ощущал тепло, и это томление становилось тягостным» (1977, т. 10, с. 32).

В этом фрагменте рассказа соединяются секс и смерть. Сочетание секса и смерти есть и в рассказе «Скрипка Ротшильда»: Яков играл на свадьбах, приветствовал зарождение новой жизни, а затем для этих же людей делал гробы и все печалился, что в городе так мало умирают. Секс и смерть соединяются и в рассказе «Тина». (Видимо, интерес Чехова к проблеме «секс и смерть» отразился и в письме 1891 г., в котором он советовал Суворину переделать конец его рассказа «Конец века»: «Сделайте, чтобы Виталин <...> нечаянно в потемках вместо нее обнял скелет и чтобы Наташа, проснувшись утром, увидела рядом с собой на постели скелет, а на полу мертвого Виталина» (П., 1976, т. 4, с. 332).

Есть это сочетание и в «Огнях». Перед тем как произошло «падение» Кисочки, герои повести идут мимо кладбища, и Ананьев, жаждущий интимной близости с Кисочкой, вспоминает надпись на его воротах: «Грядет час, в онь же вси сущие во гробех услышат глас Сына Божия».

Согласно свидетельствам современников, Чехов, приехав в незнакомый город, стремился посетить в нем прежде всего кладбище и публичный дом. Видимо, писателя интересовало в первую очередь отношение горожан к смерти и сексу.

В учении З. Фрейда основными и взаимосвязанными влечениями человека являются влечение к жизни (Эрос) (как реализация либидо) и влечение к смерти (Танатос). Эрос и Танатос противоборствуют в душах людей, и в человеке может преобладать то или иное влечение.

На основании того, что у Чехова встречаются случаи сочетания секса и смерти, мы можем сделать предположение о том, что секс и смерть были взаимосвязаны в психике Чехова, как и утверждает концепция З. Фрейда.

В конце статьи отметим, что, по свидетельству А. С. Лазарева-Грузинского, Чехов говорил: «Плохо будет, если, описывая лунную ночь, вы напишите: с неба светила луна, с неба кротко лился лунный свет и т. п. и т. п. Плохо! Плохо! Но скажите вы, что от предметов легли черные резкие тени... дело выиграет в 100 раз» [Лазарев-Грузинский, 1960, с. 169]. В описании ночного кладбища в «Ионыче» автор пишет именно о черных тенях, о контрасте черного и белого.

Чехов советовал брату Александру: «В описаниях природы надо хвататься за мелкие частности, группируя их таким образом, чтобы по прочтении, когда закроешь глаза, давалась картина. Например, у тебя получится лунная ночь, если ты напишешь, что на мельничной плотине яркой звездочкой мелькало стеклышко от разбитой бутылки и покатила шаром черная тень собаки или волка и т. д.» (П., 1974, т. 1, с. 242). В пейзаже ночного кладбища писатель как раз использует детали: «листья кленов, похожие на лапы, резко выделялись на желтом песке аллей и на плитах, и надписи на памятниках были ясны» (1977, т. 10, с. 31).

Итак, мы показали, что пейзажи в «Ионыче», и прежде всего ночной пейзаж, тесно связаны с содержанием произведения, предваряют это содержание, вводят в рассказ ряд мотивов, перекликаются с фрагментами других произведений Чехова, с темами и мотивами его творчества.

Список литературы

- Бабичева Ю. В.** Пейзаж в новеллах и повестях А. П. Чехова // Вопросы русской и зарубежной литературы: Сб. ст. / Ред. В. А. Бочкарев, Я. А. Роткович. Куйбышев [б. и.], 1966. Т. 2. С. 183–199.
- Балухатый С. Д.** Ранний Чехов // Балухатый С. Д. Вопросы поэтики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 140–149.
- Зайцева Т. Б.** Мир вещей и природы в творчестве И. А. Гончарова и А. П. Чехова // Индивидуальное и типологическое в литературном процессе: Межвуз. сб. науч. тр. / Редкол.: А. П. Власкин и др. Магнитогорск: Изд-во Магнитогор. гос. пед. ин-та, 1994. С. 50–57.
- Кочнова К. А.** Импрессионизм в пейзаже А. П. Чехова: лингвистический аспект // Филология и человек. 2016. № 1. С. 144–150.
- Кубасов А. В.** Условное и безусловное в пейзаже А. П. Чехова // Чеховские чтения: Сб. науч. тр. / Редкол.: С. Ю. Николаева (отв. ред.) и др. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. С. 104–113.
- Лазарев-Грузинский А. С.** А. П. Чехов // Чехов в воспоминаниях современников / Под общ. ред. С. Н. Голубова и др. М.: Гослитиздат, 1960. С. 151–188.
- Левина И. Н.** Функции пейзажа в произведениях А. П. Чехова // Давлетшинские чтения: язык, культура, традиции, новаторство: Сб. ст. / Редкол.: Н. В. Леонова (отв. ред.) и др. Бирск: [б. и.], 1997. С. 144–148.
- Новикова Т. И.** Поэтика рассказов А. П. Чехова 90-х годов (Из наблюдений над психологизмом пейзажа) // К проблеме теории и истории литературы: Сб. ст. / Отв. ред. А. В. Попов. Ставрополь: [б. и.], 1966. С. 122–135.

Список источников

- Чехов А. П.** Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1977. Т. 7. 735 с.; Т. 9. 544 с.; Т. 10. 496 с.
- Чехов А. П.** Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. М.: Наука, 1974. Т. 1. 584 с.; 1976. Т. 4. 656 с.; 1977. Т. 5. 680 с.; 1978. Т. 6. 776 с.

References

- Babicheva Yu. V.** Peizazh v novellakh i povestyakh A. P. Chekhova [Landscape in A. P. Chekhov's novells and short stories]. In: Bochkarev V. A., Rotkovich Ya. A. (eds.). Voprosy russkoi i zarubezhnoi literatury [Questions of Russian and foreign literature]. Kuibyshev, 1966, vol. 2, pp. 183–199. (in Russ.)
- Balukhatyi S. D.** Rannii Chekhov [Early Chekhov]. In: Balukhatyi S. D. Voprosy poetiki [Questions of poetics]. Leningrad, Leningrad State Uni. Press, 1990, pp. 140–149. (in Russ.)
- Kochnova K. A.** Impressionizm v peizazhe A. P. Chekhova: lingvisticheskiy aspekt [Impressionism in A. P. Chekhov's Landscape: linguistic aspect]. *Filologiya i chelovek* [*Philology and Man*], 2016, no. 1, pp. 144–150. (in Russ.)
- Kubasov A. V.** Uslovnoe i bezuslovnoe v peizazhe A. P. Chekhova [Conditional and unconditional in A. P. Chekhov's landscape] In: Nilolaeva S. Yu. et al. (eds.). Chekhovskie chteniya [Chekhov readings]. A collection of scientific works. Tver, Tver State Uni. Press, 1999, pp. 104–113. (in Russ.)
- Lazarev-Gruzinsky A. S.** A. P. Chekhov. In: Golubov S. N. et al. (eds.) Chekhov v vospominaniyakh sovremennikov [Chekhov in the memoirs of contemporaries]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1960, pp. 151–188. (in Russ.)
- Levina I. N.** Funkstii peizazha v proizvedeniyakh A. P. Chekhova [Landscape functions in A. P. Chekhov's works]. In: Leonova N. V. et al. (eds.). Davletshinskie chteniya: yazyk, kultura, traditsii, novatorstvo [Davletshina readings: language, culture, traditions, innovations]. Birk, 1997, pp. 144–148. (in Russ.)
- Novikova T. I.** Poetika rasskazov A. P. Chekhova 90-kh godov (Iz nabludenii nad psikhologizmom peizazha) [The poetics of A. P. Chekhov's short stories of the nineties (From observations on the psychologism of the landscape)]. In: Popov A. V. (ed.) K probleme teorii i istorii literatury [On the problem of theory and history of literature]. Stavropol, 1966, pp. 122–135. (in Russ.)
- Zaitseva T. B.** Mir veshchei i prirody v tvorchestve I. A. Goncharova i A. P. Chekhova [The material and natural world in the works of I. A. Goncharov and A. P. Chekhov]. In: Vlaskin A. P. et al. (eds.). Individual'noe i tipologicheskoe v literaturnom protsesse [Individual and typological in the literary process]. A collection of scientific works. Magnitogorsk, Magnitogorsk State Pedagogical Institute Press, 1994, pp. 50–57. (in Russ.)

List of Sources

- Chekhov A. P.** Complete works and letters. In 30 vols. Moscow, Nauka, 1977, vol. 7, 735 p.; vol. 9, 544 p.; vol. 10, 496 p. (in Russ.)
- Chekhov A. P.** Complete works and letters. In 30 vols. Letters. Moscow, Nauka, 1974, vol. 1, 584 p.; 1976, vol. 4, 656 p.; 1977, vol. 5, 680 p.; 1978, vol. 6, 776 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Петр Николаевич Долженков, кандидат филологических наук, доцент
SPIN 2161-7314

Цзинь Тяньхао, аспирант

Information about the Authors

Pyotr N. Dolzhenkov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
SPIN 2161-7314

Jin Tianhao, Postgraduate Student

Вклад авторов:

П. Н. Долженков – общее научное руководство, разработка методики исследования, подготовка итогового варианта текста.

Цзинь Тяньхао – сбор материала, анализ источников, обработка и систематизация результатов, подготовка основной части текста.

Contribution of the Authors:

Pyotr N. Dolzhenkov guided the research process, developed the methodology and approaches, prepared the final draft of the article.

Jin Tianhao collected and analyzed sources, processed and systematized results, prepared the body of the article.

*Статья поступила в редколлегию 07.03.2022;
одобрена после рецензирования 29.03.2022; принята к публикации 05.04.2022
The article was submitted on 07.03.2022;
approved after reviewing on 29.03.2022; accepted for publication on 05.04.2022*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-90-97

Рассказы М. А. Кузмина от лица женщины: проблема конструирования феминности

Вероника Борисовна Зусева-Озкан

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
Москва, Россия

v.zuseva.ozkan@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9537-108X>

Аннотация

Статья посвящена исследованию рассказов М. А. Кузмина, написанных от лица женщины, с целью показать, как писатель конструирует феминность. Устанавливается, что в этих рассказах преобладает дневниковая форма, способствующая самораскрытию, а в большинстве случаев – саморазоблачению героинь. Главные особенности женщин, с точки зрения Кузмина, которые явно вменяются им в вину, – это склонность считать себя «пупом земли», неспособность к любви «просто так», т. е. к единственно подлинной любви, как и неумение видеть в мужчинах их самих, а не собственные отражения, и потребность в «романтичности», ажитации, чрезвычайности, накаленности атмосферы. Подтверждается распространенная гипотеза о мизогинии кузминской прозы.

Ключевые слова

Михаил Кузмин, конструирование феминности, рассказ и новелла Серебряного века, женские образы, женский дневник

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100, <https://rscf.ru/project/19-78-10100>) в ИМЛИ РАН

Для цитирования

Зусева-Озкан В. Б. Рассказы М. А. Кузмина от лица женщины: проблема конструирования феминности // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 90–97. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-90-97

Mikhail Kuzmin's Short Stories with the Female Voice: The Problem of Constructing Femininity

Veronika B. Zuseva-Özkan

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

v.zuseva.ozkan@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9537-108X>

Abstract

Purpose. The article aims to study the short stories and novellas by Mikhail Kuzmin written in a woman's voice in order to show how the writer constructs femininity.

Results. It is established that in the few works of Kuzmin which are written in the female voice the diary form prevails, contributing to self-revelation, and in most cases, self-exposure of the heroines. According to Kuzmin, the characteristic features of the females are the tendency to consider themselves “the navel of the earth”, the inability to love

© Зусева-Озкан В. Б., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 90–97

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 90–97

unconditionally which is the only way to love truly, as well as the ineptitude of seeing true men's nature instead of their own reflections, and the need for "romance", agitation, extreme emotions, intensity of the atmosphere stemming from the same inability to love. The rare female characters that the narrative sympathizes with are women who have managed to overcome these failures.

Conclusion. It turns out that the hypothesis of Kuzmin's misogyny is quite fair: indeed, in the overwhelming majority of cases, women are portrayed without any sympathy and are endowed with many unpleasant qualities. At the same time, Kuzmin does not only reproduce the traditional topoi of the masculine gender order, which considers women as inferior creatures by nature, he also finds original interpretations for them: such is, for example, one of Kuzmin's main charges against women, i. e. their flair for drama. Although the origins of this charge lay in the stereotype of the supposedly "hysterical" women, Kuzmin presents it in an elegantly modified form.

Keywords

Mikhail Kuzmin, construction of femininity, the Silver Age short story and novella, female images, female diary

Acknowledgements

The research was carried out with support of a grant from the Russian Science Foundation (project no. 19-78-10100, <https://rscf.ru/project/19-78-10100>) at IWL RAS

For citation

Zuseva-Özkan V. B. Mikhail Kuzmin's Short Stories with the Female Voice: The Problem of Constructing Femininity. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 90–97. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-90-97

Введение

Широко известно представление о склонности М. А. Кузмина к мизогинии – особенно в его прозаических произведениях. Как сформулировала Л. Г. Панова¹, «оборотной стороной гейской идеологии Кузмина является мизогинизм, иногда, как в “Крыльях”, открытый, но чаще скрываемый», и добавила, что «эту особенность кузминской прозы едко спародировал Георгий Иванов в “Петербургских зимах” (публ. 1928): “Зинаида Петровна дрянь и злюка, она интригует и пакостит, у нее длинный нос, который она вечно пудрит. А подпоручик Ванечка похож на ангела... – вот и тема для повести, а то и для романа”» [Панова, 2017, с. 91].

Хотя гипотеза о том, что в творчестве Кузмина женщины предстают далеко не в лучшем свете, представляется в целом правдоподобной, попробуем целенаправленно рассмотреть прозу этого автора в аспекте конструирования им фемининности, чтобы уточнить как саму эту гипотезу, так и то, как и почему у читателя складывается подобное впечатление. Нас будет интересовать не только объектная организация произведений Кузмина (образы, сюжеты, мотивы, т. е. что говорится), но и субъектная (композиция и глоссализация², т. е. кто и как говорит). Имея в виду этот последний аспект, отметим, что, хотя подавляющее большинство прозаических текстов Кузмина написано с использованием aukториального повествования от мужского лица, у него есть ряд рассказов «дневникового» типа, написанных от лица женщины. Именно они и составят материал данной статьи.

Результаты исследования

К количественно меньшей группе текстов, написанных от женского лица, относятся следующие: «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер» (1906), «Охотничий завтрак» (1910), «Измена» (1914), «Третий вторник» (1915), «Пять мартовских дней» (1915); кроме того, в рассказ «Подземные ручьи» (1922) включены отрывки женского дневника. Как уже говорилось, хотя у Кузмина встречается «я»-повествование персонажа, писатель в целом тяготеет к aukториальному повествованию (по известнейшей нарративной типологии Ф. Штанцеля), т. е. повествованию в третьем лице, где нарратору также принадлежит точка зрения и он сильно выявлен, выступая с оценками и комментариями [Stanzel, 1982, S. 242].

¹ См. также суждения о мизогинии Кузмина в книгах: [Дмитриев, 2016, с. 104–116; Зусева-Озкан, 2021, с. 354–387].

² Термин В. И. Тюпы. См., например: [Тюпа, 2001, с. 71–72].

Зачастую аукториальный рассказчик у Кузмина сближается с образом автора, приобретая портретное и биографическое сходство (лишь однажды нарратор предостерегает читателя от идентификации его с автором, а именно в повести «Федя-фанфарон» (1917): «Замечу еще, что рассказчик, от лица которого ведется повествование, не есть автор, равно как и все действующие лица повести имеют портретное значение не более, чем в любом психологически-бытовом произведении» [Кузмин, 2017, т. 2, с. 300]³), и даже порой называется Михаилом Алексеевичем, выступая полным интратекстовым двойником автора, – так в рассказе о литературных нравах «Высокое искусство» (1910). Учитывая эту склонность Кузмина-прозаика к высокой степени выявленности рассказчика и тяготение его к автопортретности, не удивительно, что все без исключения его рассказы от лица женщин даже не пытаются имитировать аукториальное повествование.

Все они написаны в форме дневника (и, в случае раннего рассказа «Из писем девицы Клары Вальмон...», писем, но представлены только письма одной стороны, т. е. отличие от дневниковой формы минимально). Это, во-первых, исключает опосредующую инстанцию рассказчика, а во-вторых, соответствует господствовавшему в Серебряном веке представлению о том, что дневник как «безыскусная» литературная форма является преимущественно женским жанром, ибо в рамках гендерного порядка модернизма, который был, несомненно, маскулинным, женщина воспринималась как существо природное, а не культурное, и, соответственно, неспособное к подлинному авторству (ср.: «оппозиция культуры и природы воплощается в оппозиции маскулинного и фемининного, причем фемининная природа и телесность связываются с немотой...» [Эконен, 2011, с. 43]). Отметим также возможную ориентацию Кузмина на такой влиятельный модернистский текст, имитирующий женское письмо, как «Последние страницы из дневника женщины» (публ. 1910) В. Я. Брюсова⁴: но если у последнего женщина предстает как победительница (в том числе победительница мужчин, их погубительница), пусть и безнравственная, даже отчасти демоническая, то у Кузмина женщины лишаются всякого флера исключительности, их образы «снижаются».

В раннем рассказе «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютель Майер» (1906) из сообщений Клары своей тетушке складывается обыкновеннейшая история соблазнения проезжим молодцем девицы, которая беременеет, а «жених» исчезает с горизонта – интерес этой истории придает только то, что проезжий молодец оказывается дьяволом, о чем свидетельствует демонический облик родившегося от связи с ним младенца. При этом сама героиня является собой максимально бледный, деиндивидуализированный слепок с хрестоматийного образа соблазненной и брошенной девицы; ее наивность, если не сказать прямо – глупость, как бы нарочно подчеркивается ее письмами («...Жак нас покинул. Я уверена, что он отправился в свой город просить благословения своих родителей...» (т. 3, с. 54)), как и ее безынициативность, пассивность и даже похоть: соблазнение девицы не потребовало никаких усилий.

В хронологически следующем рассказе «Охотничий завтрак» (кстати, опубликованном впервые в альманахе «Женщина», т. е. претендующем на известные обобщения), который как бы продолжает сюжетную линию рассказа «Кушетка тети Сони» (читатель узнает, что Насте Гамбаковой все-таки удалось выйти замуж за Сергея Павиликина, а ее брат Костя так и остается частью их любовного треугольника), история разворачивается в течение двух летних месяцев, с 4 июня по 22 июля, как свидетельствуют первая и последняя записи дневника. Это тоже обыкновеннейшая история: «автор» дневника, подруга Насти Софья Николаевна, приезжает к ней в имение и вступает в адюльтер с ее мужем. Повествование дневника всячески способствует саморазоблачению героини, выявлению ее малопривлекательных черт. В частности, она ленива («Так жарко, что я не могу двинуться» (т. 6, с. 328)), вопреки собственным претензиям – неинтеллектуальна («...отобрала массу книг, но едва ли их буду читать» (т. 6, с. 329)), поверхностна («Сегодня к обеду думаю надеть аметистовую брошь» (т. 6, с. 329)),

³ Далее произведения М. А. Кузмина цитируются по этому изданию, в круглых скобках указаны номер тома и страницы.

⁴ О творческих пересечениях Кузмина с Брюсовым см.: [Панова, 2006].

сверху вниз смотрит на обитателей имения, полагая себя столичной штучкой («Я не понимаю, как Настя может жить в этой норе круглый год, да еще с таким мужем...» (т. 6, с. 329)). Настю она считает «поглупевшей» после замужества, ей льстит ревность подружки, она поощряет ухаживания ее мужа, в то же время относясь к нему поначалу с презрением («У него был пресмешной вид побитой собаки...» (т. 6, с. 330)). Софья Николаевна обладает таким огромным самомнением, что ей не приходит в голову усомниться в любви Сергея и предположить игру опытного соблазнителя («...меня удивляет детскость и наивное простодушие этого взрослого ребенка» (т. 6, с. 331)), которому удается добиться своей цели очень быстро: «Случилось то, что должно было случиться <...>. Я очень счастлива и нисколько не раскаиваюсь. Конечно, я несколько виновата перед Настей, но это – ее вина, что она не сумела удержать любовь своего мужа» (т. 6, с. 333)). Она прямо обманывает Настю во время разговора тет-а-тет и обещает, что едва только увидит «что-нибудь похожее на любовь с его стороны», сразу же скажет ей и уедет. Финал рассказа ироничен: героиня действительно спешно уезжает, но только потому, что Сергей демонстрирует ей полное безразличие: «Еду. Никто не знает, не провожает. Будто бегство. Мысль о Сергее гоню прочь. Потом, осенью, и тогда даже я постыжусь рассказывать, как я попалась. Можно ли быть такой наивной в 24 года?..» (т. 6, с. 337). В этом, так сказать, «современном анекдоте», который одновременно оборачивается и *conte morale*, типичной для рассказов Кузмина о женщинах [Панова, 2010, с. 222–223], дама «из общества» предстает и глупой, и самоуверенной, и лицемерной, и безнравственной, причем создается такое читательское впечатление через ее собственное письмо. Но, разумеется, надо иметь в виду, что такое письмо моделируется Кузминым намеренно.

Новелла «Измена» (1914), напротив, выстроена на исключительной ситуации (которая подчеркивается и «иностранным» антуражем) – ситуации кораблекрушения. Героиня в дневнике вспоминает, как три года назад, во время путешествия в Новый Свет с мужем, пережила кораблекрушение и во время этой катастрофы, всеобщего смятения и непонимания происходящего, возможно, совершила измену: «Крики о помощи. Артур, Артур! Мужская рука держится за мою шею. Совсем у моих глаз странное родимое пятно в форме полумесяца на верхней части руки. <...> Какое странное чувство. Я никогда не испытывала ни до, ни после такого сладострастия. Все равно мы погибли. Я целую и прижимаюсь все крепче... Смотрю только на коричневый полумесяц» (т. 4, с. 180–181). Позднее, спасшись и воссоединившись с мужем, героиня обретает идею фикс – везде она стремится найти мужчину с родинкой полумесяцем: «Я сержусь, когда мужские фуфайки не оставляют рук обнаженными. Я везде ищу темного полумесяца. Может быть, это мания, но, мне кажется, что, когда я найду того человека, я успокоюсь, я все и навсегда позабуду» (т. 4, с. 181). В соответствии с законами жанра новеллы, в частности необходимостью пуанта⁵, «Измена» заканчивается парадоксально – застав мужа за умыванием и одеванием, героиня обнаруживает на его плече ту самую родинку: «...как глупо, что я не видела никогда своего мужа при свете раздетым. Я бы избавилась от многих мучений и тревог, я бы знала, что я ему не изменила, ни разу, ни разу. Конечно, и в тот час, когда я была готова погибнуть, я бессознательно узнала объятия, такие родные, моего Артура. Странно только, что потом, в объятиях мужа, я не узнавала тех чьи-то рук с темным полумесяцем на бледной коже...» (т. 4, с. 183). Сюжет заканчивается благополучным для героини событием, но, испытывая внешнее облегчение, она в то же время бессознательно раскрывает свое разочарование подобным поворотом – объятия незнакомца удовлетворили ее чувственность в гораздо большей степени. Кузмин здесь будто указывает на женское сладострастие (это типичный мизогинный топос, представляющий женщину «сосудом греха»), неистребимую внутреннюю распущенность, которая имеет место даже у самой благопристойной особы, которая ни разу не видела своего мужа раздетым. Одновремен-

⁵ «Общепринятая мысль об определяющем значении пуанта для структуры новеллы <...>. Пуантом, как правило, называют финальную перемену точки зрения (героя, читателя) на исходную сюжетную ситуацию, причем этот поворот может быть связан с новым, неожиданным событием, которое явно противоречит логике предшествующего сюжетного развёртывания» [Тамарченко, 2007, с. 17].

но возникает характерный для Кузмина мотив «романичности», «чрезвычайности» женского воображения, склонности женщин к драме, потребности в постоянной ажитации, которые составляют саму суть характера целого ряда его героинь в рассказах с аукториальным нарратором, где женщины увиденны взглядом «со стороны».

Следующая новелла, написанная от лица женщины, «Третий вторник» (1915), лишена явно дневниковой формы, т. е. не содержит подневных записей и, напротив, содержит диалоги, однако напоминает дневник саморефлексией его условного автора и главной героини – Анны Петровны. «Третий вторник» включен в сборник «Военные рассказы», который выделяется среди других прозаических книг Кузмина тяготением к чудесам – от вполне фантастических (как в рассказе «Ангел северных врат») до, так сказать, бытовых; последняя категория реализуется и в «Третьем вторнике». Система персонажей новеллы спроецирована на роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» (подробное сопоставление новеллы и романа в наши задачи не входит, но сходство между ними, как и отталкивание от толстовского романа, присутствует, несомненно, и на уровне мотивов). Героиня Анна, у которой есть сын Сережа, изменяет мужу Алексею (отметим сходство имен с толстовскими) с молодым красивым любовником. Ее отношения с ним характеризуются страстью, «слабостью» перед ним Анны Петровны, «забыванием чего-то при нем» – все эти яркие эмоции отсутствуют в ее жизни с мужем. Но всё меняют война и отъезд на фронт мужа Анны Петровны – в момент прощания на вокзале Алексей Петрович говорит ей: «...думай обо мне крепко-крепко в третий вторник, от сегодняшнего считая. И я буду думать» (т. 5, с. 316). С этого момента начинается бессознательное охлаждение Анны Петровны к ее любовнику Ипполиту; а к мужу она теперь испытывает чувство, сходное с чувством к сыну Сереже: «...Алексея Петровича я почувствовала необыкновенно родным, как Сережу, у которого всё мило и ничто не стыдно. Поэтому, может, и не так интересно? Ох, уж эта интересность!» (т. 5, с. 321). Героиня осуждает теперь собственную страсть к «интересности», «картинности», «фантазиям» (т. е. к тому, что, по Кузмину, составляет типично фемининные черты), и кульминацией оказывается свидание с Ипполитом, пришедшееся как раз на «третий вторник», о чем героиня забывает, но напоминает ей Ипполит («Ведь вы же не могли меня разлюбить, а между тем вот уже третий вторник, с тех пор как уехал ваш муж...»): «Он был очень красив, но бесконечно далек. <...> Мне делалось просто скучно. <...>

– Вы были правы: я совершенно разлюбила вас, да, может быть, никогда и не любила.

<...> Вероятно, Ипполит подумал, что я сошла с ума. <...> Но этот третий вторник был одним из самых счастливых дней моей жизни. И как хорошо, что раньше я ни в чем не призналась Алексею Петровичу!» (т. 5, с. 322–323).

Анна Петровна, вопреки своему адюльтеру, – одна из немногих героинь Кузмина, которые не осуждаются и не высмеиваются в той особой системе координат, что задается всем творчеством писателя. Героиня осознает две принципиально важные для писателя вещи: во-первых, она осуждает самое себя за пристрастие к «интересности», к «картинности», к драме, а во-вторых, произносит едва ли не важнейшую для Кузмина максиму, о которой, в частности, подробно писала Л. Г. Панова⁶: речь идет о полной непредсказуемости любовного чувства и о ценности только той любви, которая существует «просто так», не имея ни-

⁶ См., например, о рассказе Кузмина «Портрет с последствиями»: «...“любовь потому что” сначала предстает нарративно выигрышной. Она требует для себя и сюжетных хитросплетений, и богатой палитры, и акцента на психологических переживаниях. По сравнению с ней “любовь просто так” выглядит несюжетоспособной, введенной исключительно для оттенения первой. Ближе к финалу оказывается, что они вступили в соревнование на прочность и что “любовь просто так” побеждает. <...> В кузминской прозе провал “любви потому что” получает множество вариаций. За одни несет ответственность женская природа, или, по Кузмину, неумение любить в принципе. За другие – вычитанные из книг представления о любви. За третьи – общество, с культом женщины, отводящим мужчине лишь роль рыцаря при даме. За четвертые – чисто актерское желание позировать в качестве любимого (обычно – любимой). Иначе обстоят дела с “любовью просто так”. В прозе (а также драме / опере / оперетте) Кузмин дает лишь внешний абрис таких отношений, подчеркивая их обыденность» [Панова, 2010, с. 220–221].

каких причин, кроме себя самой (ср. стихотворение «Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было...» в «Александрийских песнях», сказку «Дочь гонуэзского купца» и др., где это сформулировано прямо), во всей своей обыденности. Так, Анна Петровна произносит эту максиму в «перевернутом» виде: «Может быть, Ипполит прав, и я разлюбила его, ведь иногда это случается очень неожиданно. Он ждал объяснений, но как объяснить то, чего сама не понимаешь?» (т. 5, с. 322) (ср. финальную строфу в «Нас было четыре сестры...»: «Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было, / все мы четыре разлюбили, но все имели разные причины: / <...> а я разлюбила, потому что разлюбила» (т. 1, с. 73)). Поэтому финал новеллы, хотя и в несколько комической, характерной для Кузмина форме, знаменует собой обещание возвращения Алексея Петровича с войны (жена помнит о нем в тот самый «третий вторник») и восстановления семейного счастья героев. Любопытно также, что именно эта новелла наиболее далеко отходит от дневниковой формы, свойственной кузминским текстам от женского лица: автор как бы «доверяет» героине полноценное повествование, наделяет ее нарративной ответственностью.

Напротив, рассказ «Пять мартовских дней» (1915) возвращает нас к типичной кузминской героине – любительнице чрезвычайности, женщине поверхностной и претенциозной, которой как воздух нужны сильные эмоции, а если достойного объекта для них нет, она сама себе его придумывает, проходя путь от презрительности к увлечению так же быстро, как героиня «Охотничьего завтрака». Елена Евгеньевна тщеславна, имеет претензии на богемность и современность, а также на то, чтобы выгодно отличаться от других женщин (т. е. выказывает своего рода внутреннюю мизогинию): «Я всегда хвалю “Мир искусства” – это дает независимый и опасный вид в гостиных, и мужчины пожимают вам руку как-то особенно, но один портрет меня удивил. Не столько сам портрет, сколько дама, согласившаяся выставить такое свое изображение. Я выше предрассудков, “по ту сторону тетушек и кузин”, как говорит дядя Андрей, но ни за что бы на это не решилась. Да, по-моему, даже самый яркий футурист не нашел бы во мне никаких зеленых кубиков» (т. 6, с. 198). Она всё время хочет казаться не тем, что она есть, и чтобы действительность тоже была ярче, «чрезвычайнее», сенсационнее; она ищет острых ощущений, которые бы приподнимали ее над обыденностью: «...я до сих пор люблю влюбленность, чувствительные рассуждения о любви, прогулки – вообще всю эту канитель, которую называют ухаживаньем»; «Попалась “Франческа” д’Аннунцио. Я зачиталась ею <...>. Воспоминания о Рамине, Равенне, Флоренции так набежали на меня, что закружилась голова. Все-таки это – какая-то общая, сладкая родина всего прекрасного. И как, как в этой книге говорится о любви! После этого жизнь делается вдвое милее» (т. 6, с. 198, 200). Эта жажда острых ощущений и заставляет ее круто поменять свое отношение к Анатолию Жевердееву – почти без всяких усилий с его стороны. Если сначала героиня смотрит на него презрительно, как на человека обыкновенного и непримечательного («Я понимаю, что можно полюбить человека, не равного себе, <...> но тогда должен быть романтизм, тогда хочется прелести контраста. Можно полюбить бедного поэта, акробата, даже, скажем, шофера, но мелкого чиновника – без будущего, без нищеты, среднего маленького обывателя – это невысказано» (т. 6, с. 200)), и при этом – совершенно непоследовательно – ожидает от него всяческих безумств («Я была взбешена. Хоть бы (ну, не бросайся на колени, не обнимай), хоть бы руку поцеловал или заплакал! Ничего!» (т. 6, с. 202)), то уже через пять дней круто меняет свое отношение к нему. Отчасти это происходит силой вещей – под влиянием «самонакручивания», но также и потому, что Елена Евгеньевна находит литературную параллель – когда ее знакомый говорит: «Смотрите, не пройдите мимо настоящей любви!» (т. 6, с. 202), читатель ощущает здесь пародийную отсылку к «Гранатовому браслету» (публ. 1911) А. И. Куприна, которую, вероятно, чувствует и героиня – но не в пародийном духе. Так или иначе, Жевердееву не приходится прилагать никаких усилий, чтобы героиня заинтересовалась им – теперь она сама всячески начинает придавать его обыкновенной фигуре «интересность».

Наконец, поздний рассказ «Подземные ручьи» (1922) включает отрывки «предсмертных» записок героини, Марии Родионовны, которые оказываются «записками перед жизнью»: пройдя через испытания 1918–1921 гг., в частности через уверенность в расстреле мужа (который оказывается жив и сослан «за вину однофамильца»), героиня «собирается жить, и даже очень» (т. 6, с. 427). Она, по собственному сравнению, прорывает свой путь, как «подземный ручей», изменившись в результате всего пережитого – лишившись эгоцентризма и перестав искать в жизни «романа»: «...я перестала считать свою почтенную личность пупом земли...»; «Это – не роман, а самая настоящая жизнь» (т. 6, с. 426, 427).

Заключение

Таким образом, в немногочисленных произведениях Кузмина, которые написаны от лица женщин, преобладает дневниковая форма, способствующая самораскрытию, а в большинстве случаев – саморазоблачению его героинь. Главные особенности женского характера, по Кузмину, которые оказываются вменены героиням в вину, – это склонность считать себя «пупом земли», неспособность к любви «просто так», т. е. к единственно подлинной любви, как и неумение видеть в мужчинах их самих, а не собственные отражения, и потребность в «романичности», азитации, чрезвычайности, накаленности атмосферы, проистекающая из той же неспособности любить. Редкие женские персонажи, которым нарратив симпатизирует, – это женщины, сумевшие преодолеть названные особенности. Получается, что гипотеза о мизогинии Кузмина вполне справедлива: женщины, действительно, в подавляющем большинстве случаев изображаются им без всякой симпатии и наделяются множеством отрицательных качеств. При этом Кузмин не только воспроизводит традиционные топосы маскулинного гендерного порядка, ставящего женщину безусловно, «от природы» ниже мужчины, но и находит весьма оригинальные их трактовки: такова, например, одна из главных «претензий» Кузмина к женщинам – их склонность к фантазированию, к драме. Хотя истоки этой претензии можно обнаружить в стереотипе о якобы «истеричности» женщин, у Кузмина он подается в изящно модифицированном виде.

Список литературы

- Дмитриев П. В. М. Кузмин: разыскания и комментарии. СПб.: Реноме, 2016. 550 с.
- Зусева-Озкан В. Б. Дева-воительница в литературе русского модернизма: образ, мотивы, сюжеты. М.: Индрик, 2021. 712 с.
- Панова Л. Г. Игры с Брюсовым: Александр Великий в творчестве Кузмина // Новое литературное обозрение. 2006. № 2 (78). С. 222–240.
- Панова Л. Г. «Портрет с последствиями» Михаила Кузмина: ребус с ключом // Русская литература. 2010. № 4. С. 218–234.
- Панова Л. Г. Сюжет как металитературный ребус: Михаил Кузмин – забытый провозвестник модернистской прозы // Сюжетология и сюжетография. 2017. № 1. С. 79–149.
- Тамарченко Н. Д. Русская повесть Серебряного века (Проблемы поэтики сюжета и жанра). М.: Intrada, 2007. 256 с.
- Тюпа В. И. Аналитика художественного (Введение в литературоведческий анализ). М.: Лабиринт, РГГУ, 2001. 192 с.
- Эконен К. Творец, субъект, женщина: стратегии женского письма в русском символизме. М.: НЛЮ, 2011. 400 с.
- Stanzel F. Theorie des Erzählens. Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht, 1982, 339 S.

Список источников

- Кузмин М. А. Собр. соч.: В 6 т. М.: Книжный Клуб Книговек, 2017.

References

- Dmitriev P. V.** M. Kuzmin: razyskaniya i kommentarii [M. Kuzmin: Researches and Commentaries]. St. Petersburg, Renome Publ., 2016, 550 p. (in Russ.)
- Ekonen K.** Tvorets, sub"ekt, zhenshchina: strategii zhenskogo pis'ma v russkom simvolizme [Creator, Subject, Woman: Strategies of Women's Writing in Russian Symbolism]. Moscow, NLO Publ., 2011, 400 p. (in Russ.)
- Panova L. G.** Iгры s Bryusovym: Aleksandr Velikii v tvorchestve Kuzmina [Games with Briusov, or Alexander the Great in Mikhail Kuzmin's Oeuvre]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2006, no. 2 (78), pp. 222–240. (in Russ.)
- Panova L. G.** "Portret s posledstviyami" Mikhaila Kuzmina: rebus s klyuchom [Mikhail Kuzmin's "A Portrait with Consequences": A Puzzle with a Key]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2010, no. 4, pp. 218–234. (in Russ.)
- Panova L. G.** Syuzhet kak metaliteraturnyi rebus: Mikhail Kuzmin – zabytyi provozvestnik modernistskoi prozy [Emplotting Metaliterary Rebus: Mikhail Kuzmin, a Forgotten Harbinger of Modernist Prose]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* [Studies in Theory of Literary Plot and Narratology], 2017, no. 1, pp. 79–149. (in Russ.)
- Stanzel F.** Theorie des Erzählens. Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht, 1982, 339 S.
- Tamarchenko N. D.** Russkaya povest' Serebryanogo veka (Problemy poetiki syuzheta i zhanra) [Russian Tale of the Silver Age (Problems of the Poetics and Genre)]. Moscow, Intrada Publ., 2007, 256 p. (in Russ.)
- Tyupa V. I.** Analitika khudozhestvennogo (Vvedenie v literaturovedcheskii analiz) [Analytics of the Artistic (Introduction to the Literary Analysis)]. Moscow, Labirint Publ., RSUH Publ., 2001, 192 p. (in Russ.)
- Zuseva-Özkan V. B.** Deva-voitel'nitsa v literature russkogo modernizma: obraz, motivy, syuzhety [The Woman Warrior in the Russian Modernist Literature: Image, Motifs, Plots]. Moscow, Indrik Publ., 2021, 712 p. (in Russ.)

List of Sources

- Kuzmin M. A.** Collected Works. In 6 vols. Moscow, Knizhnyi Klub Knigovek Publ., 2017. (in Russ.)

Информация об авторе

Вероника Борисовна Зусева-Озкан, доктор филологических наук
Scopus Author ID 57189848382
WoS Researcher ID Q-8067-2016
RSCI Author ID 555183
SPIN 6025-0754

Information about the Author

Veronika B. Zuseva-Özkan, Doctor of Sciences (Philology)
Scopus Author ID 57189848382
WoS Researcher ID Q-8067-2016
RSCI Author ID 555183
SPIN 6025-0754

*Статья поступила в редакцию 12.10.2022;
одобрена после рецензирования 08.11.2022; принята к публикации 10.11.2022
The article was submitted on 12.10.2022;
approved after reviewing on 08.11.2022; accepted for publication on 10.11.2022*

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-98-108

Поэтика цвета «*cattleya labiata*» в лирике Владимира Набокова: данные словаря лексических комбинаций*

Лариса Викторовна Павлова¹
Ирина Викторовна Романова²

^{1,2} Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

¹ pavlar@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9502-6278>

² irina.romanova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4564-7142>

Аннотация

Поэтика лилового цвета в лирике Набокова рассматривается как фрагмент поэтического мира, отражающего его цветовую наполненность. Исследование проведено на стыке литературоведения и лингвистики и базируется на анализе языка поэта, многоаспектном лексикографическом описании. Авторы обращаются к словарю лексических комбинаций с цветовым компонентом, данные для которого были получены с помощью оригинального программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах». Эти данные позволяют существенно скорректировать поэтическую картину мира, связанную с конкретным цветовым компонентом, и выявить его неочевидный семантический ореол. Из всего многообразия значений слова выделяются те, которые характеризуют идиостиль Набокова.

Ключевые слова

В. В. Набоков, лирика, цветоименования, лексические комбинации

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Санкт-Петербургского государственного университета (проект № 92565342)

Для цитирования

Павлова Л. В., Романова И. В. Поэтика цвета «*cattleya labiata*» в лирике Владимира Набокова: данные словаря лексических комбинаций // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 98–108. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-98-108

* Настоящая статья представляет собой продолжение исследования, результаты которого были изложены в публикации [Андреев и др., 2021].

The Poetics of Color “Cattleya Labiata” in the Lyrics by Vladimir Nabokov: Data from the Dictionary of Lexical Combinations *

Larisa V. Pavlova ¹, Irina V. Romanova ²

^{1,2} Smolensk State University
Smolensk, Russian Federation

^{1,2} St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

¹ pavlar@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9502-6278>

² irina.romanova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4564-7142>

Abstract

Purpose. The study is devoted to the description of the poetic world of V. V. Nabokov-lyricist, more precisely – its color fullness on the example of purple. The method of multidimensional lexicographic description of the color aspect of Nabokov's poetic world is proposed. The presented article offers observations on the dictionary of lexical combinations with a color component, the data for which were obtained using the original software system “Hypertext Search for Companion-words in Author’s Texts”.

Results. The use of the software package makes it possible to find stable groups of lexemes in the works of a poet, “passing” from poem to poem. Tokens are adjacent to each other at some distance and usually do not show obvious connections between themselves. These are lexical combinations. They mark common language, general poetic and individual author associations that arise unconsciously in authors.

Some of purple’s satellites are obviously attracted by the sound. Purple partners organize the space, emphasizing the top of the vertical and outlining the horizontal landscape; indicate the time; note the presence of plants and humans, mark mystical (religious) consciousness. The properties and characteristics of objects and phenomena associated with purple are due to the play of light. A positive emotional state associated with purple is obvious.

Conclusion. In his “purple” lexical combinations Nabokov follows the golden age of Russian poetry, describing the celestial sphere or characterizing the earth's surface, but radically diverges, transferring this color association to the plant world, the mystical region and man.

The proximity of purple to God or Russian, as well as to the characteristics of a cheerful disposition, is Nabokov’s idiosyncrasy.

Keywords

V. V. Nabokov, lyrics, color naming, lexical combinations

Acknowledgements

This research has been conducted with financial support from St. Petersburg State University (project no. 92565342)

For citation

Pavlova L. V., Romanova I. V. The Poetics of Color “Cattleya Labiata” in the Lyrics by Vladimir Nabokov: Data from the Dictionary of Lexical Combinations. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 98–108. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-98-108

Введение

В. Набоков относится к авторам, к которым не ослабевает исследовательский интерес. Однако в фокус внимания попадает чаще всего его проза, поэзия же остается на периферии. Поэтике цвета у Набокова посвящено немало работ преимущественно лингвистического характера (сегодня выделяется самостоятельное научное русло, именуемое лингвистикой цвета) [Прокофьева, 1995; Носовец, 2002; Тырышкина, 2002; Лукьяненко, 2004; Бакуменко, 2006; Дмитриева, 2012], культурологического [Пекаровский, 2018] и, разумеется, литературоведческого [Шадурский, 2000; Суслов, 2014; Труфанова, 2019].

Анализ цветоименований, как правило, выводит исследователей на тематику произведений Набокова. «Цвет для Набокова может быть не просто средством усиления эстетиче-

* This article is a continuation of the research, the results of which were presented in the publication [Andreev et al., 2021].

ской выразительности, но и своеобразным средством интерпретации, толкования тех или иных явлений или событий», – заключает П. А. Суслов [2014, с. 8]. О цветовых предпочтениях писателя свидетельствует, в частности, книга Б. Блатта «Любимое слово Набокова – лиловый. Что может рассказать статистика о наших любимых авторах» [2019], посвященная изучению индивидуального стиля. О заявленном в заглавии лиловом цвете в ней, в частности, говорится: «В сумме частота его использования у Набокова в 44 раза выше, чем оно встречается в Историческом корпусе американского английского языка. Ни одно другое слово в сочинениях Набокова не имеет такой разницы в показателях по сравнению с текстами корпуса» [Там же, с. 190]. И. В. Труфанова делает вывод о том, что слова *сиреневый* (*лиловый*, *фиолетовый*) маркируют высшую степень ценности, совершенство [2019, с. 188]. С. Я. Сендерович, Е. М. Шварц и В. В. Шадурский усматривают в упоминаниях Набоковым лилового цвета символистский, блоковский след [Сендерович, Шварц, 1999; Шадурский, 2000]. Лиловый в целом устойчиво ассоциируется с эстетикой символизма: «<...> подобно древним, Тютчев не знает лилового цвета ни в одном из его оттенков (сиреневый, фиолетовый и т. п.). Но в этом он <...> не отличается от всех остальных русских поэтов досимволической эпохи. Лишь демонические лиловые миры Врубеля открыли для поэзии этот мрачный и “потусторонний” цвет», – пишет Б. М. Козырев и в примечании добавляет: «<...> у символистов он не случаен, а является одним из господствующих» [Козырев, 1988, с. 119].

Объектом нашего исследования стала «окрашенность» художественного мира Набокова на материале корпуса его стихотворений (Набоков, 2002). Мы задались целью создать интегрированную базу данных, которая призвана объективно охарактеризовать семантическое наполнение конкретного слова у конкретного автора в сопоставлении с кругом значений, приобретенных им в литературной традиции. Это путь к выявлению значений, актуальных для авторского идиостиля.

В серии публикаций мы предлагаем способ реконструкции поэтического мира Набокова, а именно его цветового наполнения – через фрагмент, связанный с поэтикой лилового цвета. Методика исследования предполагает создание комплекта словарей: частотного, словаря рифм, словаря цветообозначений, функционального тезауруса цветообозначений, словаря цветовых образных моделей, словаря лексических комбинаций с цветовым компонентом. Комплексное лексикографическое описание позволяет с разных сторон охарактеризовать особенности авторского словоупотребления и, отделив круг общеязыковых и закрепленных культурной традицией значений изучаемых цветоименований от авторских, сделать выводы об идиостиле любого автора, в частности Набокова.

Согласно данным частотного словаря, *лиловый* не относится к самым частотным цветоименованиям, обнаруживая 26 словоупотреблений. Он входит в выделенную самим Набоковым «сине-фиолетовую» группу, которая, впрочем, является наиболее частотной в его лирике.

Анализ функционального тезауруса *лилового* в поэзии Набокова позволил сделать заключение о преимущественном упоминании *лилового* в связи с растительным миром и игрой света и тени и одновременном отсутствии его связи с небесной сферой, мистическим мировосприятием, потусторонним миром и смертью, а также с человеком.

Образный анализ показал, что *лиловый* неохотно вступает в тропеические связи [Андреев и др., 2021].

Наряду с «видимыми» связями *лилового*, зафиксированными в функциональном тезаурусе или в ходе образного анализа, в характеристику этого цвета в поэтическом мире Набокова мы включаем результаты, полученные при помощи применения программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах». Комплекс позволяет в автоматическом режиме найти в произведениях того или иного поэта или у разных авторов устойчивые группы лексем, «переходящие» из стихотворения в стихотворение, даже если поэтические тексты существенно отличаются по объему и / или были написаны с разницей в несколько десятилетий. Подобные группы лексем, повторяющихся по соседству друг

с другом, но не связанных между собой очевидными связями (например, грамматическими, синтаксическими), называются *лексическими комбинациями*. Они маркируют общеязыковые, общепозитические и индивидуально авторские ассоциации, возникающие у авторов бессознательно [Pavlova, Romanova, 2016; Павлова, Романова, 2019].

Результаты исследования

Программный комплекс выявил 90 слов-спутников *лилового*: *безвестный, береза, березовый, благодать, бледный, Бог, вдовый (вдовец), веселый, ветер, видеть, вывеска, гладкий, глаз, глубина, гора, гореть, густой, далекий, даль, день, дорога, доска, друг, жадный, жалобный, ждать, задумчивый, заря, звезда, зеленый, земля, знакомый, золотой, изумрудный, колокольчик, кора, край, кровь, лазурный, лес, ливень, лист, любить, мгла, мерцать, мир, мост, мрамор, небо, нежный, ночь, облако, отблеск, отвечать, плавный, поле, порог, потом, простой, пустой, пушистый, пьяный, пятно, река, Родина, русский, свежий, свежесть, свет, светлый, седой, сердце, синий, сиять, сказать, слеза, слово, смеяться, солнце, ствол, стоять, сырой, тень, трава, цветок, час, (по)чернеть, чистый, чудо*. Лишь 11 слов из этого набора имеют с *лиловым* грамматические связи: *бледный* (в форме *бледно-*), *день, зеленый (зелень), лазурный (лазурь), мгла, поле, пятно, свет, тень, цветок (цвет), час*. Все остальные только располагаются рядом (программа работает с объемом текста в 50 слов до и после интересующего слова, по желанию исследователя размеры фрагмента могут быть изменены). Этот набор слов – ресурс для создания нескольких десятков лексических комбинаций (ЛК) в лирике Набокова.

Некоторые спутники *лилового* очевидно притянулись по звучанию: *слово, золотой, колокольчик, бледный, лес, ливень* и т. п. Близость остальных имеет другие причины.

Ядро поэтического мира автора, его условную модель, как принято считать, формирует частотная лексика. По словам Ю. М. Лотмана, «каждый текст имеет свой мир, грубым, но адекватным слепком которого является его словарь. Перечень лексем текста – это предметный перечень его поэтического мира. Монтаж лексем создает специфическую поэтическую картину мира» [1996, с. 178–179]. Устойчивое соседство частотных лексем обозначает отношения элементов внутри языковой модели мира поэта, ее «узлы». В данном случае нас интересует фрагмент этой модели, организованный вокруг «*лилового*» компонента.

Наиболее частотны и показательны двухкомпонентные лексические комбинации. Партнеры *лилового* организуют пространство (*мир, далекий*), подчеркивая вершину вертикали (*небо, солнце, звезда, облако*) и обозначая горизонталь – ландшафт (*гора, лес, поле*); указывают на время (*ночь, час*); отмечают присутствие растений (*лист, ствол, трава, цветок*) и человека (*видеть, бледный, веселый, глаз, нежный, русский, седой, сказать, смеяться, ждать*), маркируют мистическое (религиозное) сознание (*бог, благодать, чудо*). Очевидно позитивное эмоциональное состояние, восприятие, связанное с *лиловым* (*веселый, нежный, смеяться, чистый*). Свойства и характеристики предметов и явлений, сопряженных с *лиловым*, обусловлены игрой света (*мерцать, светлый, сиять, золотой*).

Мир *лилового* Набокова, реконструируемый по лексическим комбинациям, зигзущимся прежде всего на авторских ассоциациях, предстает гораздо более объемным и жизнерадостным по сравнению с картиной, полученной на основе данных функционального тезауруса и образного анализа.

К земным впечатлениям, зафиксированным в функциональном тезаурусе – игре света и тьмы, окраске растений – в ЛК добавляется *небо*, самый частотный партнер *лилового*. «Небесные» компоненты «*лиловых*» ЛК могут представлять небо как видимое пространство с *зарей, облаком, звездой, солнцем* и как пространство духовное (*Бог*).

Главными «донорами» «лиловых» лексических комбинаций оказываются стихотворения «Сон на акрополе» (25 раз фигурирует в ЛК), «Родина» (23) и «Петербург» (20). Все три связаны с образом родины – России, русского севера. Два – «Сон на акрополе» и «Петербург» – строятся на мотиве воспоминания и на приеме антитезы ‘тогда – теперь’.

Данные ассоциативного словаря позволяют заключить, что обычно *лиловый* ассоциируется с растительностью (преимущественно цветущей), текстилем и изделиями из него, различными атмосферными (небесными) явлениями, игрой света, а также гематомами (ССА).

По данным поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ), в русской поэзии, лиловый цвет впервые если не увидел, то по крайней мере поименовал Г. Р. Державин: в стихотворении «Утро» (1800) *лиловыми коврами* он назвал отсветы зари с востока, *лиловый луч* солнца упоминается и в стихотворении «Весна» (1804). В обоих случаях это свет солнца, в обоих – лиловый провоцирует аллитерацию на л:

Солнце лучом лиловым на взморье;

Он зрел, как солнцу путь Заря уготовляла,

Лиловые ковры с улыбкой расстилала.

Следующим за Державиным уже через 30 с лишним лет лиловые краски добавил в свою поэтическую картину мира Лермонтов. В этот цвет он окрашивал облака в стихотворении «11 июля» и в «восточной повести» «Измаил-Бей». Державиным и Лермонтовым закладывается целая традиция лиловых отсветов солнца и облаков. К ней присоединяются, в частности, Алексей Апухтин: *Лилово-золотистые облака* («Сверкает солнце жгучее...», 1855), А. Фет: *Лениво тянется лиловая гряда* («И тихо и светло – до сумерек далеко...», 1854–1856), *Лиловым дымом даль поя, / В сияньи тонет дня светило* (тоже Фет, «Ты видишь, за спиной козцов...», 1863), А. Жемчужников: *снежок серебристый летит / Вновь на землю из тучки лиловой* («Первый снег», 1857), Н. Некрасов: *И господствуют в небе цвета / Голубой, беловатый, лиловый* («Рыцарь на час», 1862) и др.

С другой стороны, Лермонтов упомянул *лиловую пелену* степи в стихотворении «Прекрасны вы, поля земли родной...» (1831), и вслед за ним вторая традиция перемещает лиловый цвет с небес на землю и окрашивает:

- воздушное пространство – *лиловая мгла* у Я. Полонского («Старый Сазандар», 1853), *лиловая пелена дали* в стихотворении Н. Щербины «Когда багрец и золото заката» (1854), *лиловая бледная даль* К. Фофанова («Весенней полночью бреду домой усталый...», 1882) – везде отмечается аллитерация на л;

- ландшафт – у Н. Огарёва: *Поляна снежная лежит, / Мерцая отблеском лиловым, / И веет холодом суровым...* («Зимний путь», 1954–1955); *горы* еще чаще окрашиваются: *встают лилово-голубые горы* у Фета («Горное ущелье», 1856), *лилово-серебристые горы* у А. Майкова («Художник», 1845), *лиловые горы* у Н. Щербины («Ложе из лилий и роз приготовил тебе я...», 1851), *лилово-желтый / солнцем тронутый утес* у А. К. Толстого («Расстянулся на просторе...», 1856).

Можно предположить, что во всех этих случаях лиловый цвет был выбран авторами не столько ради точности цветопередачи, сколько ради особой организации поэтической фонетики (оттого *лучи, облака, пелена, поляна, мгла* и т. п.). И даже единственный в этом классическом периоде случай упоминания К. Случевским *мирад лиловых тюльпанов* («В снегах», 1879) производит то же впечатление (кажется, важнее звучание *тюльпаны*, чем не очень-то характерный для них цвет).

В целом лиловые цветы и одежды, как и лиловые миры, как было сказано ранее, – прерогатива уже модернизма.

Лексические комбинации со словом *лиловый* в классической поэзии подтверждают эти наблюдения: результаты применения программного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах» свидетельствуют о том, что самые частые партнеры *лилово-*

го – небо (11), лес, гора (7), земля, солнце, смотреть (6), скала (5). Из других красок поблизости с лиловым четырежды оказывается голубой – цвет неба, воды, гор. Более неожиданным на этом фоне становится соседство лилового с сердцем и душой (5), что, очевидно, свидетельствует о романтическом ореоле данного цвета.

Набоков в «лиловых» лексических комбинациях идет вслед за золотым веком русской поэзии, устремляясь в небесные сферы или характеризуя земную поверхность, но кардинально расходится с ним, перенося эту цветовую ассоциацию на растительный мир, мистическую область и человека.

Соседство у Набокова лилового с богом или русским, равно и как с характеристиками веселого расположения духа (*веселый, смеяться*), не попадает в область общих с другими поэтами ассоциаций за редчайшими исключениями.

Данные поэтического подкорпуса НКРЯ подтверждают, что соседства лилового с русским и смеяться русская поэзия не знала.

Характерное для Набокова соседство лилового с Богом (богом) встречается дважды: у Татьяны Вечорки (Толстой) в стихотворении 1916 г. «В лиловой мгле июньских вечеров...» (*В лиловой мгле июньских вечеров <...> блестят фигуры мраморных богов*) и у Андрея Белого в стихотворении 1921 г. «Киркою рудокопный гном...» (*В лилово-розовый левкой / Усопших, Боже, упокой...*). У Набокова в одном случае Бог упоминается во фразеологизме с Богом («Домой»), в другом грозные облака становятся метафорой *кудрявых багряных богов* («Облака»), в третьем с Богом беседуют цветы («*Viola tricolor*») – разница контекстов очевидна.

Веселый в ближайшей орбите лилового до Набокова появлялся только у Бунина в «Листопада»: *Лес, точно терем расписной, / Лиловый, золотой, багряный, / Веселой, пестрою стеной / Стоит над светлою поляной* (Бунин, 2014, с. 189). М. Шраер [2019] описал в своей книге сложные многолетние отношения Бунина и Набокова. Наши результаты подтверждают влияние Бунина на Набокова и в частности. О связи в художественном сознании Набокова лилового с Буниным свидетельствует и посвященное старшему поэту стихотворение «Как воды гор, твой голос горд и чист...», своего рода поэтическая присяга (<...> *светит все ясней / мой строгий путь: ни помыслом, ни словом / не согрешу пред музою твоей*), где лиловый вплетен в хвалебную гирлянду разнообразных л и л'.

Ты любишь змей, тяжелых злых узлов
лиловый лоск на дне сухой ложбины.
Ты любишь нежный шелест голубиный
вокруг лазурных, влажных куполов
(Набоков, 2002, с. 68).

Сопоставление самого наполненного «лиловыми» лексическими комбинациями набоковского стихотворения «Сон на акрополе» с началом «Листопада» Бунина (возьмем только фрагменты) показало наличие многокомпонентной лексической комбинации *лиловый – лес – веселый – вышина – янтарный – желтый – белый – синий – густой – березы – просветы – играя / играющие – солнечный / солнце – золотой / золотистый – мертвое / мертвецы – вдова / вдовий*¹, что подкрепляет положение о бунинском влиянии на лиловый Набокова (см. таблицу).

¹ Рассматриваемый фрагмент «Листопада» помимо отмеченной лексической комбинации содержит еще ряд слов из «лилового» ресурса лексических комбинаций Набокова: *день, небо, светлый, листья*.

Многокомпонентная лексическая комбинация с *лиловым*
у Бунина и Набокова
Multicomponent lexical combination with purple
in Bunin and Nabokov

И. Бунин «Листопад», 1906	В. Набоков «Сон на акрополе», 1923
<p>Лес, точно терем расписной, Лиловый, золотой, багряный, Веселой, пестрою стеной Стоит над светлою поляной. Березы желтою резьбой Блестят в лазури голубой, Как вышки, елочки темнеют, А между кленами синеют То там, то здесь в листве сквозной Просветы в небо, что оконца. Лес пахнет дубом и сосной, За лето высох он от солнца, И Осень тихою вдовой Вступает в пестрый терем свой. Сегодня на пустой поляне, Среди широкого двора, Воздушной паутины ткани Блестят, как сеть из серебра. Сегодня целый день играет В дворе последний мотылек И, точно белый лепесток, На паутине замирает, Пригретый солнечным теплом; Сегодня так светло кругом, Такое мертвое молчанье В лесу и в синей вышине, Что можно в этой тишине Расслышать листика шуршанье. Лес, точно терем расписной, Лиловый, золотой, багряный, Стоит над солнечной поляной, Завороженный тишиной; Заквохчет дрозд, перелетая Среди подседа, где густая Листва янтарный отблеск льет; Играя, в небе промелькнет Скворцов рассыпанная стая – И снова все кругом замрет. <...> (Бунин, 2014, с. 189–190).</p>	<p><...> Убогий грек со сразом на мизинце, все добросовестно мне объясняя, вводил меня в разрушенные храмы своих непостижимых предков. Маки алели меж камней, и мимолетно подумал я, что мраморные глыбы, усеянные маками, похожи на мертвецов с пурпурными устами... Мы миновали желтые колонны и с вышины увидели окрестность. Взглянул я вниз, и чудо совершилось... То южное ли солнце подшутило над северной, тоскующей душой, иль слишком жадные глаза поэта мучительно и чудно обманулись, не ведаю... Но вдруг исчезли горы, глядь синяя мерцающего моря в цветущую равнину превратилась: ромашек золотистые сердца, и вдовый цвет лиловый и пушистый, и колокольчики – я различал в траве густой, лоснящейся на солнце... Преобразились белые Афины. Передо мной – знакомое село: все – сизые, полуслепые избы, кабак с зеленой вывеской, часовня, да мальчики, играющие в бабки, да жалобно мычащая корова, да пьяница, и пьяный русский ветер, вздувающий рубашку на спине... А там, вдали, меж полем и деревней, я вижу лес, как молодость, веселый, березовый, бледно-зеленый лес, и просветы тропинок своенравных... Как хочется предаться их извивам, блуждать, мечтать, срывать кору с берез и обнимать янтарный, влажный ствол, лгнуть, лгнуть к нему и грудью, и губами, и кровь его медовую впивать! <...> (Набоков, 2002, с. 145–146).</p>

Влияние Бунина на Набокова – предмет отдельного изучения. По крайней мере в нашем исследовании очевидно принципиально отличное от декадентского и символистского функционирование лилового цвета и его контекстов у Набокова.

Заключение

Опыт составления интегрированной лексикографической базы, состоящей из частотного словаря, словаря цветообозначений, функционального тезауруса, словаря образных парадигм и словаря лексических комбинаций, стал моделью наиболее объективного описания ореола значений слова, который реализуется в лирике конкретного автора, в нашем случае – Набокова. Так постепенно формируется представление об индивидуальном стиле Набокова-поэта и в целом о его художественной системе. На примере анализа функционирования лилового цвета в поэтическом мире Набокова мы убедились в непосредственной связи лилового с растительным миром и особенностями преломления света, а также в слабой способности лилового цветоименования образовывать тропы. И только лексика, устойчиво окружающая лиловый в разных текстах, опосредованно, трудноуловимым ассоциативным путем связывает этот цвет у Набокова с небесной сферой и земной поверхностью, что оказывается в русле традиции золотого века русской поэзии, а также с человеком и мистической сферой, что ближе к модернистской традиции. «Лиловые» лексические комбинации Набокова «выводят» непосредственно на близость его поэтического мира бунинскому. Индивидуальными для Набокова-поэта оказываются ассоциации *лилового с Богом / богом, русским и весельем*.

Список литературы

- Андреев В. С., Павлова Л. В., Романова И. В.** Поэтика цвета «cattleya labiata» в лирике Владимира Набокова // Новый филологический вестник. 2021. № 3 (58). С. 214–224.
- Блатт Б.** Любимое слово Набокова – лиловый. Что может рассказать статистика о наших любимых авторах / Пер. с англ. Н. С. Нестеркиной. М.: Эксмо, 2019. 288 с.
- Бакуменко О. Н.** Лексиконы билингва в ситуации автоперевода: на примере мемуарных книг В. Набокова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2006. 18 с.
- Дмитриева К. В.** Концепт *цвет* в когнитивно-функционально-стилистическом аспекте: на материале романов В. Набокова «Лолита» и А. Фадеева «Разгром»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012. 25 с.
- Лотман Ю. М.** О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПб, 1996. 848 с.
- Лукьяненко И. Н.** Семантика и специфика функционирования цветообозначений красного тона в произведениях В. Набокова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2004. 24 с.
- Носовец С. Г.** Цветовая картина мира Владимира Набокова в когнитивно-прагматическом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 24 с.
- Павлова Л. В., Романова И. В.** Лексические комбинации в «Кормчих звездах» Вячеслава Иванова (из опыта применения компьютерного комплекса «Гипертекстовый поиск слов-спутников в авторских текстах») // Новый филологический вестник. 2019. № 3 (50). С. 171–181.
- Пекаровский Л.** Краски Владимира Набокова // Культурология. 2018. № 3 (86). С. 69–73.
- Прокофьева Л. П.** Цветовая символика звука как компонент идиостиля писателя (на материале произведений А. Блока, К. Бальмонта, А. Белого, В. Набокова): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1995. 19 с.
- Сендерович С. Я., Шварц Е. М.** Закулисный гром: о замысле «Лолиты» и о Вячеславе Иванове // Wiener Slawistischer Almanach. 1999. No. 44. P. 23–47.
- Суслов П. А.** Цветопоэтика рассказов В. В. Набокова: семантика, функциональная значимость, роль в структуре текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2014. 24 с.

- Труфанова И. В.** Сиреневый цвет и его оттенки в лирике В. В. Набокова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 9. С. 183–189.
- Тырышкина Е. А.** Ассоциативное поле как элемент поэтической картины мира В. Набокова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002. 23 с.
- Шадурский В. В.** А. Блок в художественном мире В. Набокова // Александр Блок и мировая культура. Великий Новгород, 2000. С. 286–297.
- Шраер М.** Бунин и Набоков. История соперничества. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 362 с.
- Pavlova L., Romanova I.** “Different” language of Alexander Tvardovsky, or in a different language about the author’s style (practice of using software package “Hypertext search for co-occurring words in the authors’ texts”). *Modern Journal of Language Teaching Methods*, 2016, Special Issue (November) ELT in Russia, pp. 248–257.

Список источников

- Бунин И. А.** Стихотворения: В 2 т. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. Т. 1. 541 с. (Новая библиотека поэта)
- Набоков В. В.** Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2002. 674 с. (Новая библиотека поэта)
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://processing.ruscorpora.ru/> (дата обращения 10.02.2022).
- ССА – Сеть словесных ассоциаций. URL: <https://wordassociations.net/ru/> (дата обращения 10.06.2021).

References

- Andreev V. S., Pavlova L. V., Romanova I. V.** Poetika tsveta “cattleya labiata” v lirike Vladimira Nabokova [Poetics of Color “Cattleya Labiata” in the Vladimir Nabokov’s Lyrics]. *Novyi filologicheskii vestnik [New Philological Bulletin]*, 2021, no 3 (58), pp. 214–224. (in Russ.)
- Bakumenko O. N.** Leksikony bilingva v situatsii avtoperevoda: na primere memuarnykh knig V. Nabokova [Bilingual lexicons in the situation of self-translation: on the example of V. Nabokov’s memoirs]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Kursk, 2006, 18 p. (in Russ.)
- Blatt B.** Liubimoe slovo Nabokova – lilovyi. Chto mozhet rasskazat' statistika o nashikh liubimykh avtorakh [Nabokov’s favorite word is purple. What can statistics tell us about our favorite authors]. Trans. from English by N. S. Nesterkina. Moscow, Eksmo, 2019, 288 p. (in Russ.)
- Dmitrieva K. V.** Kontsept tsvet v kognitivno-funktsional'no-stilisticheskom aspekte: na materiale romanov V. Nabokova “Lolita” i A. Fadeeva “Razgrom” [The concept of color in the cognitive-functional-stylistic aspect: based on the material of V. Nabokov’s novels “Lolita” and A. Fadeev’s “Defeat”]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Kemerovo, 2012, 25 p. (in Russ.)
- Lotman Yu. M.** O poetakh i poezii [About poets and poetry]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 1996, 848 p. (in Russ.)
- Lukyanenko I. N.** Semantika i spetsifika funktsionirovaniya tsvetooboznachenii krasnogo tona v proizvedeniyakh V. Nabokova [Semantics and specifics of the functioning of red-tone color designations in the works of V. Nabokov]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Kaliningrad, 2004, 24 p. (in Russ.)
- Nosovets S. G.** Tsvetovaya kartina mira Vladimira Nabokova v kognitivno-pragmaticheskom aspekte [Vladimir Nabokov’s color picture of the world in the cognitive-pragmatic aspect]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Ekaterinburg, 2002, 24 p. (in Russ.)
- Pavlova I. V., Romanova I. V.** Leksicheskie kombinatsii v “Kormchikh zvezdakh” Vyacheslava Ivanova (iz opyta primeneniya komp'yuternogo kompleksa “Gipertekstovyi poisk slov-

sputnikov v avtorskikh tekstakh”) [Lexical Combinations in the “Helmsmen Stars” by Vyacheslav Ivanov (From the Experience of Application of Software System “Hypertext Search for Companion-words in Author’s Texts”)]. *Novyy filologicheskii vestnik* [*New Philological Bulletin*], 2019, no. 3 (50), pp. 171–181. (in Russ.)

- Pavlova L., Romanova I.** “Different” language of Alexander Tvardovsky, or in a different language about the author’s style (practice of using software package “Hypertext search for co-occurring words in the authors’ texts”). *Modern Journal of Language Teaching Methods*, 2016, Special Issue (November) *ELT in Russia*, pp. 248–257.
- Pekarovsky L.** Kraski Vladimira Nabokova [Paints of Vladimir Nabokov]. *Kul'turologiya* [*Cultural Studies*], 2018, no. 3 (86), pp. 69–73. (in Russ.)
- Prokofeva L. P.** Tsvetovaya simbolika zvuka kak komponent idiosilya pisatelya (na materiale proizvedenii A. Bloka, K. Balmonta, A. Belogo, V. Nabokova) [Color symbolism of sound as a component of the writer’s idiosyle (based on the works of A. Blok, K. Balmont, A. Bely, V. Nabokov)]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Saratov, 1995, 19 p. (in Russ.)
- Senderovich S. Ya., Shvarts E. M.** Zakulisnyi grom: o zamysle “Lolity” i o Vyacheslave Ivanove [Behind-the-scenes thunder: about plan of “Lolita” and about Vyacheslav Ivanov]. *Wiener Slawistischer Almanach*, 1999, no. 44, pp. 23–47. (in Russ.)
- Shadursky V. V.** A. Blok v khudozhestvennom mire V. Nabokova [Blok in the artistic world of V. Nabokov]. In: Aleksandr Blok i mirovaya kul'tura [Alexander Blok and World Culture]. Veliky Novgorod, 2000, pp. 286–297. (in Russ.)
- Shraer M.** Bunin i Nabokov. Istoriya sopernichestva [Bunin and Nabokov. The history of rivalry]. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2019, 362 p. (in Russ.)
- Suslov P. A.** Tsvetopietika rasskazov V. V. Nabokova: semantika, funtsional'naya znachimost', rol' v strukture teksta [Colors poetics of V. V. Nabokov’s stories: semantics, functional significance, role in the structure of the text]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Ivanovo, 2014, 24 p. (in Russ.)
- Trufanova I. V.** Sirenevyy tsvet i ego ottenki v lirike V. V. Nabokova [Lilac color and its shades in V. V. Nabokov’s lyrics]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* [*Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*], 2019, no 9, pp. 183–189. (in Russ.)
- Tyryshkina E. A.** Assotsiativnoe pole kak element poeticheskoi kartiny mira V. Nabokova [Associative field as an element of V. Nabokov’s poetic picture of the world]. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Barnaul, 2002, 23 p. (in Russ.)

List of Sources

- Bunin I. A.** Stikhotvoreniya [Poems]. In 2 vols. St. Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, Vita Nova Publ., 2014, vol. 1, pp. 189–190. (in Russ.) (The Poet’s New Library)
- Nabokov V. V.** Stikhotvoreniya [Poems]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 2002. 674 p. (in Russ.) (The Poet’s New Library)
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://processing.ruscorpora.ru/> (accessed 10.02.2022).
- Set' slovesnykh assotsiatsii [A network of word associations]. URL: <https://wordassociations.net/ru/> (accessed 10.02.2022).

Информация об авторах

Лариса Викторовна Павлова, доктор филологических наук, профессор

Scopus Author ID 57219317633
WoS Researcher ID A-6879-2016
RSCI Author ID 110562
SPIN 2571-3859

Ирина Викторовна Романова, доктор филологических наук, профессор

Scopus Author ID 57219311161
WoS Researcher ID A-6336-2016
RSCI Author ID 660497
SPIN 9369-8614

Information about the Authors

Larisa V. Pavlova, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Scopus Author ID 57219317633
WoS Researcher ID A-6879-2016
RSCI Author ID 110562
SPIN 2571-3859

Irina V. Romanova, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Scopus Author ID 57219311161
WoS Researcher ID A-6336-2016
RSCI Author ID 660497
SPIN 9369-8614

Вклад авторов:

Л. В. Павлова – концепция исследования; подготовка функционального тезауруса; обзор литературы; основные выводы.

И. В. Романова – составление словаря лексических комбинаций с «лиловым» компонентом; подготовка текста статьи.

Contribution of the Authors:

Larisa V. Pavlova developed research concept, prepared the functional thesaurus, provided the literature review, made general conclusions.

Irina V. Romanova compiled the dictionary of lexical combinations with a “purple” component, prepared the text of the article.

*Статья поступила в редакцию 14.10.2022;
одобрена после рецензирования 20.10.2022; принята к публикации 21.10.2022
The article was submitted on 14.10.2022;
approved after reviewing on 20.10.2022; accepted for publication on 21.10.2022*

УДК 82

Международный литературный форум к 120-летию Гайто Газданова (Владикавказ, 16–17 сентября 2022 года)

International Literary Forum Dedicated to the 120th Anniversary of Gaito Gazdanov (Vladikavkaz, September 16–17, 2022)

16–17 сентября 2022 г. в столице Северной Осетии Владикавказе прошел Международный литературный форум, организованный к 120-летию Гайто Газданова (1903–1971), талантливого писателя-младоземляка, творчество которого активно изучается как на его исторической родине, так и по всему миру. Достаточно сказать, что библиографической редкостью стало не только трехтомное собрание сочинений Газданова, вышедшее в России во второй половине 1990-х гг., но и выпущенный в 2009 г. пятитомник. Представленный на Форуме видеоряд продемонстрировал изданные сборники прозы писателя в Сербии, Югославии, Германии, Египте, Великобритании, готовящийся к изданию в Турции.

Организаторами Форума, проходившего в Зале ЮНЕСКО Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова, выступили Правительство РСО-Алания, Осетинское землячество в Санкт-Петербурге, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, Российский университет дружбы народов, Общество друзей Гайто Газданова. Несмотря на то, что сам юбилей писателя выпадает на 2023 г., активная подготовка к нему началась уже в 2022 г., что свидетельствует о масштабе личности и творчества Газданова.

С приветственным словом к участникам и гостям форума от имени главы Северной Осетии Сергея Меняйло и от себя лично обратился Председатель Правительства Республики Северная Осетия-Алания **Борис Джанаев**, отметив начало череды мероприятий, посвященных знаменательной дате: «Уже в следующем году мы будем отмечать 120-летие со дня рождения нашего великого писателя – Гайто Газданова. Важно, что впервые газдановцы со всей страны собрались именно на родине предков великого Гайто. Осетия всегда рада разворачивать такие авторитетные культурные площадки». Состоялось награждение Почетной грамотой Республики Северная Осетия тех, кто внес наибольший вклад в изучение и пропагандирование «творческого наследия выдающегося русского писателя Гайто Газданова». В этой формулировке особо обращает на себя внимание именование Газданова «русским писателем». Так он сам называл себя, что связано с несколькими обстоятельствами: местом рождения Газданова был Петербург, все главные произведения были созданы им на русском языке. Как признавался сам Газданов, осетинского языка он не знал, хотя им хорошо владели его родители. Воспоминания об Осетии для него были связаны с поездками на каникулы, во Владикавказе до сих пор сохранился дом деда, в котором будущий писатель проводил летнее время до ухода в Белую армию и последовавшей затем эмиграции.

© Проскурина Е. Н., 2023

В работе мероприятия приняли участие исследователи, литературные критики, поэты, писатели из Москвы, Петербурга, Екатеринбурга, Новосибирска, Владикавказа, Цхинвала, Белграда, Висбадена.

Первую часть Форума составили научные доклады. Ее открыл заведующий научно-исследовательским отделом «Центр скифо-аланских исследований» ВНИЦ РАН **Т. К. Салбиев**, выступивший с докладом «Космогония Гайто Газданова (на материале романа “Вечер у Клэр”»». В свой анализ романа докладчик встроил размышления об осетинских корнях Газданова, повернув тему выступления в сторону семьи и рода писателя, откуда, по мнению Салбиева, прорастала художественная космогония автора романа. Следующее выступление ученого секретаря Дома русского зарубежья им. А. И. Солженицына, кандидата филологических наук **М. А. Васильевой** было посвящено теме «“Средний человек” в прозе Гайто Газданова (от рассказа “Бистро” к роману “Пробуждение”»». Главным положением доклада стала характерная для мировоззрения Газданова этическая максима, основанная на вере в «лучшего

человека», которой инициирован путь к преображению героя. Ведущий научный сотрудник Пушкинского Дома, доктор филологических наук **С. А. Кибальник** рассказал о «литературной дуэли Газданова и Набокова», имплицитно проходящей сквозь творчество обоих писателей.

Секретарь Союза писателей Москвы, профессор Института мировых цивилизаций, академик РАЕН **Л. У. Звонарева** и секретарь Союза писателей России **П. Г. Крнев** выступили с докладом «Кафкианская манера Гайто Газданова: зооморфная метафора как любимый прием писателя», проанализировав семантику многочисленных зооморфных образов в прозе Газданова. Доклад кандидата филологических наук **В. А. Боярского** был посвящен межтекстовым параллелям, обнаруженным им в произведениях Газданова и Гамсуна. На примере рассказа Газданова «Великий музыкант» и романа Гамсуна «Пан» было показано мотивное сходство произведений. Речь шла о мотивах свободы, бедности, эротики, охоты, скандала и некоторых других. Профессор УрФУ **Ю. В. Матвеева** и старший преподаватель УрФУ **А. Ю. Кириенко** прочли доклад «Газданов как журналист и медийная фигура 1950–

1960-х гг.». Была показана работа Газданова на радио «Свобода» как большая, значимая часть его жизни. Председатель Общества друзей Гайто Газданова, доктор физико-математических наук **Ю. Д. Нечипоренко** в соавторстве с переводчиком, литературным критиком, главным редактором «Русского альманаха» (Белград) **З. Паунковичем** подготовили выступление «Преображение любви в творчестве Газданова». На примере романа «Пробуждение» и повести «На Французской земле» проводилась важная для Газданова идея о движении «среднего человека» к «довоплощению» через любовь и самопожертвование. Автор этих строк, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института филологии СО РАН **Е. Н. Проскурина** прочла доклад на тему «Париж как зеркало vs зазеркалье Петербурга в творчестве Газданова и авторов “незамеченного поколения”». Речь шла о Париже как центре произведений Газданова и авторов «незамеченного поколения», были проведены параллели с образом Петербурга в произведениях русской классической литературы в ракурсе «петербургского текста». Завершилась научная часть Форума докладом литературного критика, главного редактора «Московского книжного журнала» **А. Б. Мокроусова** «Между Рогиром ван дер Вейденом и Василием Немировичем-Данченко: к культурной географии Гайто Газданова». Докладчик внес уточнения в комментарии пятитомного собрания сочинений Газданова, касающиеся рассказа «Нищий».

Вторая часть Форума была организована в форме Круглого стола, на котором выступили: писатель, Президент фонда «Русский текст» **Д. В. Орлов**, литературный критик, главный редактор портала «Открытая критика» **А. С. Бондарева**, старший научный сотрудник, заведующая отделом традиционной культуры и фольклора Института истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания **Ф. Х. Хадонова**, журналист, теле- и радиоведущий, главный редактор радио «Книга» **Е. Ю. Серов**, научные сотрудники Юго-Осетинского государственного университета им. А. Тибилова **А. А. Зассеева**, **М. М. Парастаева**, **В. Б. Тедеев**, поэт и переводчик **А. Ю. Закуренко**, поэт, эссеист, переводчик **А. А. Пустогаров**, директор информационного центра «Ореанда» **К. А. Сторчак**, прозаик, заведующий кафедрой новейшей русской литературы Литературного института им. А. М. Горького **С. Ф. Дмитриенко**, доктор исторических наук, профессор СПбГУ **А. А. Колесников** и кандидат исторических наук, преподаватель СПбГУ **Э. В. Зокоева**. Круглый стол был отмечен широтой проблематики: от связи семейной биографии участника с исторической родиной Газданова до «осетинского следа» русского зарубежья в Турции – на примере беженской судьбы писателя.

К началу мероприятия был издан сборник трудов «Гайто Газданов: грани личности и таланта» (М.: РУДН, 2022). Эта книга отличается от традиционных научных трудов тем, что в ней расширен диапазон темы, заявленной в названии. В сборник составители включили не только исследовательские статьи, но и эссе, художественный рассказ, а также работу студентки из Юго-Осетинского университета. Тем самым было продемонстрировано, «что Газданов интересен не только литературоведам, студентам-филологам, всей читающей молодежи, но и писателям, для которых он представляет порой недостижимые высоты стиля» [Гайто Газданов, 2022, с. 5].

В рамках Форума были организованы экскурсии по городу с посещением Национального музея Республики Северная Осетия-Алания, а также экскурсия в горы с посещением скальной крепости Дзивгис, родины матери Газданова, происходившей из известной в Алании семьи Абадиевых. Завершилась экскурсионная часть поездкой в Кур-

татинское ущелье – одну из наиболее живописных достопримечательностей Северной Осетии, где расположен Свято-Успенский мужской монастырь – самый высокогорный монастырь в России.

Для многих участников газдановский форум стал первой возможностью знакомства с осетинской землей и ее насельниками, доброжелательность и щедрость которых надолго останутся в памяти. Это мероприятие также дало возможность лучше понять как личность самого Газданова, так и его автобиографического героя, наделенных нехарактерной для представителей молодой эмиграции силой духа и способностью к самостоятельности. Несмотря на то, что свою родину Газданов посещал лишь эпизодически, можно заключить, что она была прочно закреплена в его внутренней, кровной памяти.

Несомненно, прошедший Форум показал растущий интерес к наследию Газданова, что дало новый импульс к изучению творчества писателя, укреплению межнациональных связей на базе одной из актуальных и одновременно болезненных проблем национальной истории: русского зарубежья.

Список литературы

Гайто Газданов: Грани личности и таланта: Сб. тр. Международного литературного форума. 16–17 сентября 2022 г. М.: Российский университет дружбы народов, 2022. 263 с.

References

Gaito Gazdanov: Grani lichnosti i talanta [Gayto Gazdanov: Facets of Personality and Talent]. Proceedings of the International Literary Forum. September 16–17, 2022. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia, 2022, 263 p. (in Russ.)

Елена Николаевна Проскурина

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
сектора литературоведения Института филологии СО РАН
proskurina_elena@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.10.2022; принята к публикации 21.10.2022
The article was submitted on 12.10.2022; accepted for publication on 21.10.2022

Рецензия

УДК 81.374

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-114-120

Лексикографическая эпопея: к 100-летию Института лингвистических исследований РАН

Олег Викторович Никитин

Петрозаводский государственный университет
Петрозаводск, Россия

olnikitin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Аннотация

Представлен аналитический обзор юбилейного сборника научных статей «История, теория и практика академической лексикографии», посвященного 100-летию создания Института лингвистических исследований РАН и 90-летию словарного сектора. Определяется место научной проблематики в истории языкознания. Отмечаются основные направления деятельности Института и их связь с культурно-исторической традицией А. А. Шахматова, В. М. Истрина, Л. В. Щербы и др. Указывается на приоритетные труды петербургской школы академической лексикографии и их роль в формировании традиции отечественной науки XX–XXI вв. Подчеркивается важность современных разработок ученых в исторической лексикографии, создании толковых и диалектных словарей. Как очевидное достоинство сборника выделяется актуализация теории и практики словарной деятельности по созданию многотомных справочных источников и новых картотек, типологическим исследованиям в области лексикографии.

Ключевые слова

историография лингвистики, толковая лексикография, неография, исторический словарь, диалектология, лингвогеография

Для цитирования

Никитин О. В. Лексикографическая эпопея: к 100-летию Института лингвистических исследований РАН // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 114–120. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-114-120

Lexicographic Epic: To the 100th Anniversary of the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences

Oleg V. Nikitin

Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russian Federation

olnikitin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2815-6691>

Abstract

The report analyzes the anniversary collection of scientific articles “History, theory and Practice of Academic Lexicography” dedicated to the 100th anniversary of the establishment of the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences and the 90th anniversary of the Lexicographic sector. The work determines the place of sci-

© Никитин О. В., рец., 2023

entific problems in the history of linguistics, and notes the main directions of the Institute's activities and their connection with the cultural and historical tradition of A. A. Shakhmatov, V. M. Istrin, L. V. Shcherba, etc. The article indicates priority works of St. Petersburg school of academic lexicography and their role in the formation of the tradition of Russian science of the 20th – 21st centuries, and emphasizes the relevance of modern developments of scientists in the field of historical lexicography, the creation of explanatory and dialect dictionaries. The review highlights the actualization of the theory and practice of dictionary activity for the creation of multi-volume reference sources, new card files, and typological research in the field of lexicography as an obvious advantage of the collection of articles.

Keywords

historiography of linguistics, explanatory lexicography, neography, historical dictionary, dialectology, linguistic geography

For citation

Nikitin O. V. Lexicographic Epic: To the 100th Anniversary of the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 114–120. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-114-120

Анализируемый сборник «История, теория и практика академической лексикографии» [2022] посвящен 100-летию юбилею Института лингвистических исследований РАН (далее – ИЛИ РАН) и 90-летию со времени создания словарного сектора ИЛИ РАН и включает статьи отечественных и зарубежных ученых по актуальным проблемам, связанным с основными направлениями языковедческой деятельности Института – фундаментальной толковой, диалектной и исторической лексикографией. В книге отражены как страницы истории создания словарных проектов, так и современное состояние лексикографической работы в ИЛИ РАН, который в течение многих десятилетий остается образцом отношения к слову и сохраняет классическую традицию А. А. Шахматова – Л. В. Щербы – Б. А. Ларина – А. П. Евгеньевой – Ю. С. Сорокина. Их опыт по созданию многотомных словарей разных типов, подвижная деятельность по отстаиванию научных принципов лексикографии в сложные 1920–1960-е гг. (нормативность, необходимость учета мирового опыта и национальной специфики, четкая техническая организация, коллегиальность обсуждения проблем) оказался востребованным и сейчас, в век компьютерной лексикографии. Лучшие современные проекты («Словарь русских народных говоров», «Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Словарь русского языка XVIII века», «Большой академический словарь русского языка» и др.) до сих пор опираются на рукописные картотеки, составленные в прошлом веке, которые зачастую оказываются более надежными и долговечными источниками, чем «отформатированные» базы данных, потому что, по выражению Л. В. Щербы, их создавали талантливые ученые, обладавшие «особым чувством языковой нормы». Лишь сравнительно недавно эти архивы стали переводить в электронный формат, дополнять новыми данными, упорядочивать – приводить в соответствие с современными требованиями.

ИЛИ РАН еще со времени своего основания в 1921 г. по инициативе академика Н. Я. Марра (тогда он назывался Институт яфетидологических исследований) занимался изучением живых языков (с. 5). В «Предисловии» к книге рассказывается о том, как проходило становление лексикографической работы в Ленинграде. Она активизировалась с 1931 г., когда в составе уже преобразованного Института языка и мышления появилось особое структурное подразделение – словарное отделение, задачей которого стало создание фундаментальных тезаурусов (с. 5–6). В его недрах и зарождалась новая лингвистическая традиция изучения и описания лексики с опорой на системный анализ. В «Предисловии» также дается краткий обзор деятельности словарного сектора ИЛИ РАН с момента его возникновения, и характеризуются основные направления исследований Института в этом ключе (общая толковая и историческая лексикография, составление фундаментальных диалектных тезаурусов и аспектных словарей, неология), подчеркивается специфика Петербургской академической школы, отличавшейся своим функционально-семантическим и диахроническим подходом к описанию лексики (с. 7). Эти идеи продолжают развивать и современные лингвисты ИЛИ РАН, работающие над «Словарем языка М. В. Ломоносова» (2010–2011, вып. 1–5).

Первый раздел сборника «Из истории словарного сектора ИЛИ РАН» включает научно и исторически значимые исследования о деятельности Постоянной словарной комиссии в 1922–1929 гг., на базе которой в 1931 г. и был создан словарный отдел Института языка и мышления (М. Н. Приёмывшева, с. 13–25), и о первых годах работы словарного отдела Института языка и мышления АН СССР в 1931–1937 гг. (Е. Г. Стукова, с. 26–34). В публикации М. Н. Приёмывшевой приводятся редкие сведения из отчетов и протоколов заседаний Комиссии по изданию «Словаря русского языка», например установлены авторы-составители и редакторы статей (Д. К. Зеленин занимался буквой «К», С. П. Обнорский – буквой «Л» и т. д.) (с. 17); указаны выпущенные после революции доработанные тома (с. 18) и др. Автор говорит о «тезаурусной» концепции академика А. А. Шахматова (отход от нормативности, включение в состав Словаря областной и профессиональной лексики и т. п.), о принципах лексикографической деятельности со ссылкой на академика В. М. Истрина, справедливо считавшего, что «словарная работа является в настоящее время фундаментом для всяких филологических работ вообще» (с. 19). Очень важно, что ученые того смутного времени понимали – и это особо подчеркивается в статье – важность профессиональной подготовки словарных кадров. М. Н. Приёмывшева воспроизводит из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН высказывание Л. В. Щербы о том, что «словарная работа вообще, и составление словарных статей в особенности, является делом исключительной трудности и требует от лиц, посвящающих себя этому делу, целого ряда качеств. Во-первых, это должны быть люди с общей лингвистической и филологической подготовкой выше обычной университетской. Далее, это должны быть люди, лично настолько заинтересованные подобной работой, что она не должна быть лишь временным этапом их жизненной карьеры. Наконец, они должны обладать, с одной стороны, достаточной усидчивостью для преодоления подчас очень скучных подготовительных работ, с другой – специфическим талантом для разыскания тонких оттенков значения слов, их классификации и определения, а также особым чувством языковой нормы» (с. 20). Эта мысль на годы вперед определила требования к специалистам-словарникам, необходимые для успешной и грамотной работы в данной области.

Впервые по документальным свидетельствам можно проследить, какие актуальные направления в области лексикографии предполагалось развивать. Кроме традиционного – создание «словарей живого русского языка», диалектных, «тематических» и «ремесленных», В. М. Истрин ставил задачу подготовки идеографического и синонимического словарей. Отсутствие последнего, отвечавшего бы требованиям времени, по мнению ученого, «чувствуется и школой[,] и обществом» (с. 22). Он говорил также о необходимости разработки словарей «к произведениям отдельных русских писателей» (с. 22). Фактически, как это видно в подробном обзоре М. Н. Приёмывшевой, с конца 1920-х гг. наступала другая лексикографическая эпоха: переоценивался отечественный и мировой опыт в этой области, совершенствовались теоретические принципы составления словарей, выдвигались актуальные идеи, нацеленные на практическое воплощение.

Особого внимания заслуживают материалы, посвященные уникальному памятнику толковой академической лексикографии конца XIX – XX в. – Большой словарной картотеке – статьи С. А. Эзерини «К 135-летию Большой словарной картотеки Института лингвистических исследований РАН» (с. 35–46) и Л. Л. Шестаковой «Материалы к словарям языка русских писателей в Большой словарной картотеке ИЛИ РАН: из опыта анализа» (с. 47–57).

В этот раздел, на наш взгляд, было бы уместно поместить более конкретные и развернутые публикации о лексикографической деятельности Л. В. Щербы, С. П. Обнорского и Б. А. Ларина в 1920–1940-е гг., а также лексикографов второго плана (П. Л. Маштакова, Ф. И. Покровского, И. А. Фалева, Н. К. Ядрышева и др.) с опорой на новые архивные источники, хотя их имена бегло фигурируют в статьях и сопроводительных материалах.

В целом отметим, что указанные исследования познавательны и представляют большой научно-исторический интерес. Факты и наблюдения, представленные в них, не только связаны с деятельностью ИЛИ РАН, но и тесным образом включены в филологическую летопись

XX в., раскрывают неизвестные ранее дискуссии, что, безусловно, ценно и для современной лексикографической практики.

Интересной и новой для нас оказалась информация, представленная в статье И. Е. Кузнецовой «Из истории “Службы русского языка” в ИЛИ РАН» (с. 58–63). Автор поделился своими наблюдениями над тем, какие задачи решала в разные годы эта Служба.

Не менее информативен второй раздел сборника – «Толковая лексикография», посвященный истории возникновения и ранним годам работы над «Словарем русского языка», предшествующим «Словарю современного русского литературного языка» (статьи Е. Г. Стуковой, В. В. Истратий), основным проблемам создания как «Большого академического словаря русского языка» (работы Е. В. Пурицкой, Р. И. Воронцова, Д. С. Андриановой), так и других подобных проектов (статьи Е. Ю. Ваулиной, Р. Беленчиковой). Особо отметим публикацию Е. Г. Стуковой «Академический “Словарь русского языка” под ред. Н. С. Державина и “Толковый словарь русского языка” под ред. Д. Н. Ушакова в контексте лексикографической и культурно-речевой ситуации 1920–1930-х годов» (с. 64–74). В ней автор сравнивает внешние обстоятельства работы над изданиями, в частности исследует влияние идеологического фактора на лексикографическую практику. Е. Г. Стукова, говоря о печальной судьбе «Словаря русского языка», продолжавшего в советские годы традицию академического «Грота – Шахматова», напомнила, что «создатели словаря были обвинены не только в лексикографической некомпетентности, но и в политической неблагонадежности и вредительстве», в результате чего подготовка очередных томов была остановлена. Работа над академическим «Словарем русского языка» прекращена в 1937 г. (с. 65). Он так и остался незавершенным (см. также: [Приёмышева, Стукова, 2020]).

В публикации Ю. С. Ридецкой «Неография в Институте лингвистических исследований РАН: история и современность» рассматривается новое направление в развитии академической лексикографии, возникшее в ИЛИ РАН с 1956 г. Его задачей являлось разработка неологического материала для большого академического словаря (с. 151–162). В статье показано, как это направление перешло в одно из самых перспективных отраслей фундаментальной академической лексикографии.

Во втором разделе очевидна общая тематическая составляющая – вопросы толковой лексикографии. Включение материалов об истории создания «Словаря русского языка» в 1930-е гг. позволяет увидеть, что они приобретают характер универсальных лексикографических проблем. Заметим, что редакторам сборника удалось подчеркнуть важность «Словаря современного русского литературного языка» в 17 томах для истории и ИЛИ РАН, и словарного сектора, и летописи русской лексикографии в целом.

Третий раздел сборника посвящен такому ключевому лексикографическому направлению, как историческая лексикография, которое оформилось в ИЛИ РАН также к 1960-м гг. Однако из обобщающей статьи Л. Я. Костючук «Исторические словари в словарном секторе ИЛИ РАН: значимость для отечественной науки» (с. 180–191) становится видно, что историческая лексикография существовала в Институте еще в 1930-е гг., когда работу над «Словарем древнерусского языка XV–XVII вв.» возглавил Б. А. Ларин. В статьях указанного раздела представлены все виды и формы работы по направлению исторической лексикографии: и составление «Словаря русского языка XVIII века» (И. А. Малышева, с. 163–179), и проблема подбора источников при работе над «Словарем русского языка XIX века» (И. Б. Дягилева, с. 192–199). Подчеркивается, что в настоящее время происходят существенные методологические сдвиги в разработке исторических словарей. Это отмечается как в указанной публикации И. В. Дягилевой, так и в коллективной статье И. М. Егорова, Т. Д. Коркиной, Г. А. Молькова, М. Г. Шарихиной «Электронный библиографический указатель литературы по истории слов русского языка: источники, материал, структура» (с. 200–210).

Значительный раздел сборника представляют работы, посвященные диалектной лексикографии в ИЛИ РАН и проблемам составления областных словарей. Научно-историческую ценность представляют коллективные статьи О. Н. Крыловой, Е. В. Колосько, А. В. Кашири-

ной «О картотеке и авторах “Словаря русских народных говоров”» (с. 211–227), С. А. Мызникова, М. Д. Корольковой, О. Н. Крыловой, Т. С. Власовой «Проект “Лексический атлас русских народных говоров”: история и современное состояние» (с. 228–241), освещающие историю, этапы работы над главными лексикографическими проектами страны. Важно и то, что читатели смогут ознакомиться не только с авторами словаря, но и с техникой, и методикой работы с лексическим атласом, получить практические навыки регистрации и анализа лексического материала.

Раздел содержит также публикации о традициях подготовки областных словарей в России (статья В. А. Козырева, В. Д. Черняк «Диалектная лексикография: от “Словаря русских народных говоров” к типологическому многообразию словарей», с. 242–253), об источниках и проблемах работы над диалектными словарями. Это публикации М. В. Бобровой «Наивная лексикография как источник пополнения диалектных словарей» (с. 254–261), Е. А. Нефедовой «Семантика общерусского глагола в пространстве полидиалектного словаря» (с. 262–270), М. Д. Корольковой, Е. Г. Соколова «“Опыт терминологического словаря...” В. П. Бурнашева как источник специальной лексики...» (с. 271–283).

Книга получилась содержательной (более 19 п. л.), информативной, научно ценной. Все направления лексикографической деятельности ИЛИ РАН (история, достижения, ученые и события словарного отдела и мн. др.) отражены на страницах сборника, профессионально проанализированы крупные лексикографические проекты, введены новые архивные источники. Очевиден также широкий общекультурный фон лексикографических проблем, выводящий их за границы узкой специализации. Материалы сборника показали, что словарное дело в ИЛИ РАН – *живая* история, в которой еще предстоит найти немало фактов и незаслуженно забытых имен ученых, стоявших у основания этой науки в России XX в. В то же время лексикография – творческий эксперимент, не замыкающийся только в рамках традиции (вспомним недавний «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» [2021]) и всегда находящийся на острие современной социоречевой практики.

Возможно, книга приобрела бы более классический характер, если бы редактор включил еще и мемориальный раздел – воспоминания участников лексикографических проектов или «записки памяти» о наиболее ярких представителях словарной академической науки Ленинграда – Петербурга, публикации их дневников, архивных материалов, фотографий и т. д. Некоторые подобные издания указаны в «Предисловии» (с. 11). Всё это дополнило бы официальную информацию личными «сюжетами» о людях, совершавших незаметные подвиги, и об эпохе, рушившей надежды и крепившей веру в торжество филологии духа.

Сборник предназначен для филологов, лингвистов, специалистов в области толковой, исторической и диалектной лексикографии. Рецензируемая книга, несомненно, больше, чем обычный сборник научных трудов. Это своего рода летопись словарного дела в России XX–XXI вв. Она не только обобщила имеющийся академический опыт нескольких поколений лингвистов, но и дала правильные ориентиры в организации научной деятельности по подготовке и составлению словарей на современном этапе. И в этом смысле будет иметь широкое практическое применение в исследовательской работе академических институтов и в преподавательской деятельности.

Включенные в сборник статьи показали и богатый потенциал лексикографических идей конца XX – начала XXI в. Многие удачные эксперименты по «оживлению» традиционного поля лексикографии осуществляются, в частности, Вологодским (см.: «Энциклопедия “Привычного дела” В. И. Белова» [2021]), Петрозаводским (см.: «Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века» [2017; 2018]) государственными университетами, Сибирским отделением РАН (издающийся ныне «Русский этимологический словарь» [Аникин, 2007–2020]), Томским научно-исследовательским университетом (см.: «Словарь детства» [2018]) и другими крупными учебно-научными центрами России. Значит, словарная работа получает с выходом таких сборников новый импульс для дальнейшего развития и совершенствования методики лексикографической деятельности, поиска интересных идей и вовлечения в удивитель-

тельный мир словарных тайн новых талантливых ученых. А это – залог процветания одной из самых древних филологических наук.

Список литературы

- Аникин А. Е.** Русский этимологический словарь. М.; СПб.: Нестор-История, 2007–2020–. Вып. 1–15–.
- История, теория и практика академической лексикографии: Юбилейный сборник научных статей / Ред. колл.: Р. И. Воронцов, О. Н. Крылова, М. Н. Приёмывшева (отв. ред.), Е. В. Пурицкая. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. 286 с.
- Приёмывшева М. Н., Стукова Е. Г.** Академический «Словарь русского языка» под редакцией академика Н. С. Державина (1929–1937 гг.) в истории русской толковой лексикографии // Вопросы лексикографии. 2020. № 17. С. 195–212.
- Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: В 4 т. / Петрозавод. гос. ун-т; под ред. Н. В. Патроевой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. Т. 1: Кантемир, Третьяковский. 574 с.; 2018. Т. 2: Ломоносов. 603 с.
- Словарь детства: говоры Среднего Приобья (с лингвокультурологическим комментарием) / Н. А. Агапова, С. В. Волошина, Т. А. Демешкина и др.; под ред. М. М. Угрюмовой. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2018. 210 с.
- Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Отв. ред. М. Н. Приёмывшева. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. 550 с.
- Энциклопедия «Привычного дела» В. И. Белова: Монография / С. Ю. Баранов, Л. А. Берсенева, Т. Н. Воронина, С. Х. Головкина, С. Н. Патапенко, Ю. В. Розанов, А. В. Федорова; ред. и автор вступ. ст. С. Ю. Баранов. Вологда: Полиграф-Периодика, 2021. 655 с.

References

- Anikin A. E.** *Ruskii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2007–2020–, vol. 1–15–. (in Russ.)
- Baranov S. Yu.** (ed.). *Entsiklopediya "Privychnogo dela" V. I. Belova* [Encyclopedia of "Privychnoe delo" = "The Usual Thing" by V. I. Belov]. Monograph. Vologda, Polygraph-Periodicals Publ., 2021, 655 p. (in Russ.)
- Patroeva N. V.** (ed.). *Sintaksicheskii slovar' russkoi poezii XVIII veka* [Syntactic dictionary of Russian poetry of the 18th century]. In 4 vols. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2017, vol. 1: Kantemir, Trediakovsky, 574 p.; 2018, vol. 2: Lomonosov, 603 p. (in Russ.)
- Priemysheva M. N.** (ed.). *Istoriya, teoriya i praktika akademicheskoi leksikografii: Yubileinyi sbornik nauchnykh statei* [History, theory and practice of academic lexicography: Jubilee collection of scientific articles]. St. Petersburg, ILR RAS Publ., 2022, 286 p. (in Russ.)
- Priemysheva M. N.** (ed.). *Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoi epokhi* [Dictionary of the Russian language of the coronavirus era]. St. Petersburg, ILR RAS Publ., 2021, 550 p. (in Russ.)
- Priemysheva M. N., Stukova E. G.** *Akademicheskii "Slovar' russkogo yazyka" pod redaktsiei akademika N. S. Derzhavina (1929–1937) v istorii russkoi tolkovoi leksikografii* [Academic "Dictionary of the Russian language" edited by Academician N. S. Derzhavin (1929–1937) in the history of Russian explanatory lexicography]. *Russian Journal of Lexicography*, 2020, no. 17, pp. 195–212. (in Russ.)
- Ugryumova M. M.** (ed.). *Slovar' detstva: govory Srednego Priob'ya (s lingvokul'turologicheskim kommentariem)* [Dictionary of childhood: dialects of the Middle Ob region (with linguistic and cultural commentary)]. Tomsk, Tomsk State Uni. Press, 2018, 210 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Олег Викторович Никитин, доктор филологических наук, профессор
Scopus Author ID 57209316536
WoS Researcher ID AAE-8207-2019
RSCI Author ID 395537
SPIN 7396-4230

Information about the Author

Oleg V. Nikitin, Doctor of Sciences (Philology), Professor
Scopus Author ID 57209316536
WoS Researcher ID AAE-8207-2019
RSCI Author ID 395537
SPIN 7396-4230

*Статья поступила в редакцию 28.08.2022;
одобрена после рецензирования 06.11.2022; принята к публикации 10.11.2022
The article was submitted on 28.08.2022;
approved after reviewing on 06.11.2022; accepted for publication on 10.11.2022*

Рецензия

УДК 882

DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-121-126

Концептуализация трикстера в современном литературном процессе

Елена Ивановна Колесникова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
ekolesn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4441-565X>

Аннотация

Рассматривается монография Н. В. Ковтун «Трикстер как герой нашего времени. На материале русской прозы второй половины XX – XXI века», где суммируются и дополняются атрибутивные признаки архетипа трикстера. Обосновывается актуальность данного типажа и его признаки как героя времени. Свою научную гипотезу автор подтверждает как эстетическими, так и социально-историческими основаниями. Проанализирован большой объем эмпирического материала. Рассмотрены герои с признаками трикстера в произведениях А. Солженицына, В. Шукшина, В. Маканина, М. Тарковского, О. Битова, Л. Улицкой, Т. Толстой. Создана мощная методологическая база для будущих исследований. Обозначена тенденция деперсонификации трикстера на современном этапе: если риторическая фигура обрела самостоятельную коммуникативную субъектность, то возникает вопрос о персонализации трикстера и самой категории героя-концепта.

Ключевые слова

Н. Ковтун, монография, трикстер, герой времени, литература XX–XXI веков

Для цитирования

Колесникова Е. И. Концептуализация трикстера в современном литературном процессе // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 121–126. DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-121-126

Conceptualization of Trickster in the Modern Literary Process

Elena I. Kolesnikova

Institute of Russian Literature (Pushkin Dom)
of the Russian Academy of Science
St. Petersburg, Russian Federation
ekolesn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4441-565X>

Abstract

The article observes the monograph of N. Kovtun “Trickster as a hero of our time. On the Material of Russian Prose of the Second Half of the 20th – 21st Century”, where the attributive signs of the trickster archetype (ambivalence, vitality, the role of a mediator, liminality, creativity, connection with the sacral) are summarized and supplemented. Each of these characteristics is convincingly substantiated on the basis of other researchers’ works. The conceptual and semantic field of tricksterism is revealed with the help of the analysis of the main motives – the path, insecurity, duality, resourcefulness, moral ambivalence, high adaptability.

The relevance of this type and its signs as a hero of time is substantiated by both aesthetic and socio-historical grounds. Modern man is under enormous pressure, therefore the researcher indicates the crisis of the main literary trends, and concludes that the vital potential of the image of a modern rogue is the most viable.

© Колесникова Е. И., рец., 2023

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 2: Филология. С. 121–126
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 121–126

The author has analyzed a large amount of empirical material of the 20th – 21st centuries considering characters with signs of a trickster in the works of A. Solzhenitsyn, V. Shukshin, V. Makanin, M. Tarkovsky, O. Bitov, L. Ulitskaya, T. Tolstoy. The present stage indicates the trend of trickster depersonalization. As the rhetorical figure has acquired an independent communicative subjectivity, the question about the trickster's depersonalization and transformation into the category of a concept hero arises.

Keywords

N. Kovtun, the monograph, trickster, the Hero of times, literature of 20th – 21st centuries

For citation

Kolesnikova E. I. Conceptualization of Trickster in the Modern Literary Process. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2023, vol. 22, no. 2: Philology, pp. 121–126. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2023-22-2-121-126

В 2022 г. в издательстве «Флинта» вышла монография Н. Ковтун «Трикстер как герой нашего времени. На материале русской прозы второй половины XX – XXI века». Книга посвящена одной из ключевых категорий литературоведения – типологии героя, чьи поэтологические константы – портрет, характер, речевое поведение и пр. – получают сюжетно-образное наполнение в зависимости от художественного, социально-исторического контекста. Наиболее типичный герой становится героем времени. Для русской литературы он определялся спецификой национального бытия, а его выявление и художественное воплощение равно онтологической формуле эпохи.

Как героя времени второй половины XX – начала XXI в. Ковтун предложила рассмотреть образ трикстера. Свою научную гипотезу автор обосновывает как эстетическими («усталостью от “вторичной”, игровой стратегии постмодернизма»), так и социально-историческими («тем колоссальным давлением, которое испытывает современный человек») основаниями. В надломленном мире XX в. «жизнеутверждающий, витальный потенциал образа современного плута» (с. 6), по мнению исследователя, оказывается наиболее жизнеспособным.

Впервые в исследовательской литературе столь объемно представлен архетип трикстера – как в теоретическом, так и в конкретно-аналитическом плане. Прежде чем приступить к рассмотрению заявленной темы, автор во Введении дает серьезный обзор исследований и, суммируя предлагаемые учеными атрибутивные признаки трикстера, обозначает те из них, с которыми в дальнейшем предполагает работать: амбивалентность, витальность, роль медиатора, лиминарность, креативность, связь с сакральным. Каждой из перечисленных характеристик дается подробное обоснование с опорой на предшественников и выявлением множества сопутствующих коннотаций, образующих концептуально-семантическое поле трикстерства. Тем самым делается разворот к актуальной проблематике, что позволяет приступить к анализу обширного эмпирического материала (не рассматриваемого прежде в данном ключе) на новом аналитическом уровне. По ходу анализа эти признаки обретают уточняющие характеристики, что создает объемную методологическую матрицу для будущих исследований и позволяет прочерчивать линии взаимодействия внутри эволюционных процессов.

Так, в первой главе через призму трикстерства подается лагерная тема А. И. Солженицына; в парадигму мотивов, формирующих героя времени, автор включает мотивы «голового человека», двойничества, пути, мастерства. Анализ солженицынского «голового человека» как трикстера имеет важное методологическое значение, ибо дает ключ к интерпретации многих образов XX в. в целом, а не только периода, обозначенного исследователем. Так, например, леоновские «безродный окояшка» и «шутяка гороховой масти» Бурьга («Бурьга», 1922), скитник Вассиан, рассуждающий о «свободном и голом человеке», который проскачет по пустыне («Соть», 1929), «корявый» и «сокровенный человек», «дураки на периферии», «чугунный регистратор» А. Платонова по сути – герои своего времени, но в зеркале трикстерства они не рассматривались. Не случайно Платонов вывел эту типологическую проблему в заглавие одного из своих произведений: «14 красных избушек, или Герой нашего времени» (1932–1933).

Универсальность метода автора подкрепляется связью с классической традицией: «Итак, тексты классической и “новой лагерной прозы” сходятся в своем интересе к судьбе униженного, “голого человека”, поставленного в предельную ситуацию, однако трактовка образа изменяется. “Голый человек”, зэк, трагичен и смешон одновременно, но его усилиями возведена страна» (с. 68–69).

Внимание к проблеме созидания, творчества и судьбы «мастера» в условиях несвободы углубляет разговор о лагерной литературе. Тюрма (в широком смысле) как фокус перевернутого мира и профанации искусства отмечена сквозными мотивами – от А. Солженицына до Л. Улицкой. «Лагерный мир воспринимается как шутовской, вывернутый, но и мир вне колючей проволоки назван “перевернутым”, где все прежние статусы несущественны» (с. 309). Солженицынский мотив рисования картин для начальства, номеров на телогрейках и ковров по трафарету в родном колхозе Ивана Денисовича (Солженицын, 2001, с. 11, 15–16) развивается в повести Л. Улицкой «Сонечка», герой которой занимался в лагере написанием «портретов начальственных жен... копии с копий...». Неволя актуализирует «в образе художника характерные для трикстера черты лукавства» (с. 308), порождает профанацию призывания, но за счет этого он выживает.

Автор монографии вскрывает те же процессы и в книжном наследии. Анализ образов Сонечки и Бенедикта («Кысь» Т. Толстой), причастных к топосу библиотеки, убедительно демонстрирует, что сломленный под воздействием среды механизм восприятия и памяти приводит к «трикстеризации актуальной культуры».

Укрупняя масштаб темы «художник и власть», Н. Ковтун представляет отечественную словесность XX в. через мифологему юродствующих писателей, становящихся «авторами-функцией» (М. Фуко), к которым с известной долей условности исследователь относит столь непохожих друг на друга А. Белого, Н. Клюева, Д. Хармса, А. Платонова, Вен. Ерофеева, А. Синявского, Э. Лимонова и др. Другими словами, «шут... сам берется за перо в стремлении рассказать правду о пережитом не из желания сострадания или понимания, но в стремлении привлечь к себе внимание публики, обыграв статус героической личности» (с. 406). Подобным поворотом проблемы Н. Ковтун манифестирует актуальное направление, изучающее жизнетворческие стратегии, имидж и репутацию писателей.

В частности, перспективы для подобного исследования открывает проведенный автором анализ творчества А. Битова. Солидаризируясь с литературоведами, которые «произведения Битова всё чаще анализируют в качестве единого метатекста» (с. 275), Н. Ковтун в главе «Герой-странник в прозе А. Битова» через проблематику трикстера вышла на сквозную битовскую тему мастера и творчества.

Чутьем опытного исследователя и благодаря продуктивности избранной методологии Ковтун попала в нерв творческой биографии писателя, пронизывающий его наследие от раннего цикла «Дачная местность» (1963) до позднего, включая и рассмотренную повесть «Человек в пейзаже» 1987). Известен факт, что войти в большую литературу Битову помог один рациональный шаг, а по сути, фаустианская сделка с властью и собственной музой: в первом сборнике (Битов, 1963) ради прохождения в печать он согласился на жесткую подцензурную правку. В противоположность второму молодому ленинградцу Риду Грачеву (1935–2004), чей сборник вместе с битовским стоял в издательском плане, но который не пошел на уступки. Вот как об этом вспоминал сам Битов: «К 62-му слава его среди нас была безмерна, он был автором уже целого тома вполне классических сочинений. <...> Наши книги, его и моя, были включены в план “Советского писателя”. Рид, однако, настаивал на полном томе своих сочинений. Рид не уступал и предпочел развести костер из своего тома, чем выпускать неподставительную книжечку из “возможного”» (Битов, 2007, с. 436). После этого между молодыми писателями разгорелась печатная дуэль, содержание которой можно обозначить как «трикстерство и внеморальность vs норма и нравственность». В цикле «Дачная местность» кроме рассмотренной в монографии повести «Жизни в ветреную погоду» присутствуют «Записки из-за угла», куда, в свою очередь, включено «Открытое письмо писателю Р. Г. из Ле-

нинграда...», вызвавшее в 1963-м г. широкий резонанс в писательских кругах (см.: [Кораблева, 2014; Колесникова, 2022]).

Кто из спорщиков был писателем-трикстером, а кто писателем «нормализованным» (А. Платонов) – вопрос неоднозначный и тоже постоянный в отечественной литературе, требующий ответа о возможности и последствиях соприкосновения со злом. В «Открытом письме писателю Р. Г...» Битов, вопреки соглашательской житейской позиции, высказался за иррациональность, задав дискурс «чистого искусства» и заявив, что искусство выше объективности и справедливости. Известный же нонконформист, прославившийся в ленинградской писательской среде своим трансгрессивным поведением и внешностью походивший на трикстера ¹ Р. Грачев в ответном эссе «Почему искусство не спасет мир» (начало 1960-х гг.), охарактеризовал творчество, основанное на возрожденческой «радости жизни», как вненравственное. Модус высокопарной риторики Битова в сложившейся ситуации неизбежно породил карнавальную неустойчивость. Через несколько лет, в 1969-м г., ленинградский поэт Г. Горбовский опрокинет этот громкий скандал в ироническую стихию и спрогнозирует битовское будущее в его амбивалентности (что характерно, еще до окончания романа «Пушкинский Дом»): «Напишу роман огромный, многотомный дом-роман. Назову его нескромно, скажем, – “Ложь”. Или – “Обман”. Будут в нем козявки-люди драться, верить, пить вино. Будет в нем рассказ о плуте. Будет он, она, оно...» ².

Советская и российская реальность «атмосферой подтасовок и стихийного шулерства» отменяла саму идею бинарности добра и зла, размывая границы, что толкало на объяснимые компромиссы (а вот перфекционизм Рида Грачева привел к его полному забвению). Но Битов и в зрелом творчестве продолжал напряженно размышлять на эту тему, в легенде последнего индейца племени яман, сформулировав обоснование «изначальной ошибки», допущения в божественном замысле маленького человеческого искажения (Битов, 1987, с. 94–95). В любом случае, писатель всю жизнь пытался постичь предназначение искусства, о чем тонко, со всей неоднозначностью, говорится в монографии: «Пожалуй, именно А. Битов столь ярко демонстрирует меркурианство в природе художника, сближает образы трикстера и мастера, искателя тайны прекрасного...» (с. 298).

Н. Ковтун последовательно подводит к мысли, что самым аутентичным, а по сути, главным героем нынешнего времени является трикстер. Двоемыслие, провокативность, рубежность, «фига в кармане» – особенности советско-российского менталитета. Пограничность свойственна шукшинскому крестьянину, смущенному городскими удобствами и одновременно высокомерно глядящему на непрактичного горожанина. Но столь же порубежно мышление маканинского интеллектуального странника («Андеграундный персонаж В. Маканина и окрестности»), «Образ “подпольного” мира в повести “Лаз”») и «новых робинзонов» Л. Петрушевской, мечущихся между живой жизнью и напластованием цивилизационных кодов. Пограничны женщины-трикстеры, занимающие мужские гендерные ниши – воительница, перегон (бабы-богатырки В. Распутина, женщины-амазонки М. Тарковского).

Важным поворотом в монографии служит нарратологический анализ и характеристика этической и эмоциональной модальности трикстера через повествовательные стратегии автора и формируемую точку зрения читателя. Так, автор убедительно доказывает, что «шукшинская модель городского мира складывается на пересечении нескольких точек зрения: персонажей, повествователей или рассказчиков» (с. 112). А у В. Распутина «ситуация острашения вековых абсолютов складывается и на уровне авторского повествования, игровое отношение к национальным архетипам не только отражает неустойчивость бытия, но примиряет читателя с неидеальным настоящим» (с. 180).

¹ Вот как Битов описывает его: «Во внешнем его облике странно сочетались ребячливость и значительность. Посмотришь – подросток, не ходит, а прыгает, как воробей, однако с чувством собственного достоинства. На фотографиях, однако, выходил то похожим на молодого Горького, то на зрелого Достоевского» (Битов, 2007, с. 436).

² Горбовский Г. Я. Сижу на нарах (из непечатного). URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/G/gorbovsij-gleb-yakovlevich/sizhu-na-narah-iz-nepechatnogo> (дата обращения 07.11.2022).

Глубокие теоретические размышления Ковтун помогают представить гетерогенную природу трикстера, обуславливающую его переходность и пограничный контур среды бытования. Трикстер может стать порождением эстетического фронта, поскольку изводом любого большого стиля является ирония, а отсюда риторический, символический, жанровый сдвиг, задающий параметры меннипеи. С точки зрения общественного функционирования трикстеры являются агентами смеховой стихии, «выполняющими трансформацию социокультурной системы...» [Шахова, 2022, с. 62]. Кроме того, монография подводит к мысли о том, что трикстер – уникальный коммуникативный инструмент, совмещающий означаемое и означающее, риторически соединяющий переходные стадии как культурные, так и социально-исторические, тем самым выполняя рефлексивную функцию, «проверяя степень их экзистенциальной пригодности, обрисовывая онтологические рамки культуры» [Скрипченко, 2017, с. 263].

В свете обозначенных проблем особенно привлекательной представляется нескрываемая позиция ученого, направленная на поиск внутренней цельности и достоинства личности – героя, писателя, читателя – того самого пушкинского «самостоянья человека в проекции Вечности и в истории» (с. 84).

Ценность монографии состоит не только в проведенном подробном анализе литературного материала, но и в поставленных вопросах, к которым подошла филологическая наука. В частности, если риторическая фигура тотального троллинга обрела самостоятельную коммуникативную субъектность, то возникает вопрос о персонализации трикстера и самой категории героя-концепта. Если было принято говорить о «безусловной ценности человека как участника подобного общения» (Н. Д. Тмарченко), то какими категориями следует оперировать сегодня? Возвращение к традиционным реалистическим методам не может в современной словесности перекрыть лавину самовоспроизводящегося троллинга и формируемых им эстетических фигур.

Исследование Н. Ковтун дает инструментарий как для получения дополнительного объема, так и для оперирования новыми явлениями культуры. Очень аутентично проблематике визуальное оформление монографии. Достоинства книги, безусловно, усилил бы именной указатель, поскольку исследования подобного уровня нуждаются в научном аппарате.

Список литературы

- Ковтун Н.** Трикстер как герой нашего времени. На материале русской прозы второй половины XX – XXI века. Москва: Флинта; Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2022. 408 с.
- Колесникова Е. И.** Рид Грачев и ленинградская литературная среда 1960-х годов // Филологические науки. Доклады высшей школы. 2022. № 4. С. 153–164.
- Кораблева Н. В.** Ленинградский литературный код в «Записках из-за угла» А. Битова // Концепт. 2014. Спецвыпуск № 13. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14658.htm> (дата обращения 12.11.2022).
- Скрипченко Д. В.** Образ трикстера в медиапространстве // Литературные события и феномены XX–XXI веков: год 2016: Материалы заочной интерактивной конф. (Санкт-Петербург, ИРЛИ РАН, 4–7 июля 2016 г.): В 2 кн. Санкт-Петербург; Воронеж, 2017. Кн. 2. С. 257–265.
- Шахова И. А.** Трикстеры как фактор социальной трансформации общества // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 8. С. 62–67.

Список источников

- Горбовский Г. Я.** Сижу на нарах (из непечатного). URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/G/gorbovskij-bleb-yakovlevich/sizhu-na-narah-iz-nepechatnogo> (дата обращения 07.11.2022).
- Битов А. Г.** Большой шар. Л.: Сов. писатель. 1963. 220 с.
- Битов А. Г.** Пятое измерение: На границе времени и пространства // Рубеж: Альманах. Владивосток, 2007. 528 с.

Битов А. Г. Человек в пейзаже // Новый мир. 1987. № 3. С. 64–99.

Солженицын А. И. Один день Ивана Денисовича. Москва; Ausburg, 2001. 62 с.

References

Kolesnikova E. I. Rid Grachev i leningradskaya literaturnaya sreda 1960-kh godov [Reed Grachev and the Leningrad Literary Environment of the 1960s]. *Filologicheskie nauki. Doklady vysshei shkoly*, 2022, no. 4, pp. 153–164. (in Russ.)

Korableva N. V. Leningradskii literaturnyi kod v “Zapiskakh iz-za ugla” A. Bitova [The Leningrad Literary Code in the “Notes From the Corner” by A. Bitov]. *Concept*, 2014, Special issue, no. 13. (in Russ.) URL: <http://e-koncept.ru/2014/14658.htm> (accessed 11.11.2022).

Kovtun N. The Trickster as a Hero of Our Time. On the Material of Russian Prose of the Second Half of the 20th – 21st Century. Moscow, Flinta Publ., Krasnoyarsk, KSPU Press, 408 p. (in Russ.)

Skripchenko D. V. Obraz trikstera v mediaprostranstve [Trickster Image in Media Space]. In: Literaturnye sobytiya i fenomeny XX–XXI vekov: god 2016 [Literary Events and Phenomena of the 20th – 21st Centuries: Year 2016]. Materials of Extramural Interactive Conference (St. Petersburg, IRL RAS, July 4–7, 2016). In 2 vols. St. Petersburg; Voronezh, 2017, vol. 2, pp. 257–265. (in Russ.)

Shakhova I. A. Trikstery kak faktor sotsial'noi transformatsii obshchestva [Tricksters as a Factor in Society's Social Transformation]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika* [Society: Sociology, Psychology, Pedagogics], 2022, no. 8, pp. 62–67. (in Russ.)

List of Sources

Gorbovsky G. Ya. Sizhu na narah (iz nepechatnogo) [I'm in Prison (From an Unprinted Legacy)]. (in Russ.) URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/G/gorbovskij-bleb-yakovlevich/sizhu-na-narah-iz-nepechatnogo> (accessed 07.11.2022).

Bitov A. G. Bol'shoi shar [The Big Ball]. Leningrad, Sovetskii Pisatel' Publ., 1963, 220 p. (in Russ.)

Bitov A. G. Pyatoe izmerenie: Na granitse vremeni i prostranstva [Fifth Dimension: At the Boundary of Time and Space]. In: Rubezh. Al'manakh. Vladivostok, 2007, 528 p. (in Russ.)

Bitov A. G. Chelovek v peizazhe [The Man in the Landscape]. *Novyi mir* [New World], 1987, no. 3, pp. 64–99. (in Russ.)

Solzhenitsyn A. I. Odin den' Ivana Denisovicha [One Day of Ivan Denisovich]. Moscow, Ausburg, 2001, 62 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Елена Ивановна Колесникова, доктор филологических наук

SPIN 4408-7508

Information about the Author

Elena I. Kolesnikova, Doctor of Sciences (Philology)

SPIN 4408-7508

Статья поступила в редакцию 13.11.2022;
одобрена после рецензирования 14.11.2022; принята к публикации 14.11.2022
The article was submitted on 13.11.2022;
approved after reviewing on 14.11.2022; accepted for publication on 14.11.2022

Информация для авторов

Вестник Новосибирского государственного университета

Серия: История, филология

Выпуск «Филология»

Редакционная политика выпуска «Филология» направлена на отбор наиболее значимых публикаций, подготовленных по актуальной научной тематике.

К печати в разделе «Языкознание» принимаются работы, в которых на репрезентативном языковом материале, собранном лично автором, решаются актуальные проблемы современной лингвистики, преимущественно русистики, отличающиеся новизной и теоретической обоснованностью.

К публикации в разделе «Литературоведение» принимаются исследования по поэтике русской литературы (сюжет, мотив, жанр, образ человека в литературе, поэтика образа, символа и пр.) с использованием современных научных методов.

Сроки выхода журнала: март (№ 2) и ноябрь (№ 9) каждого календарного года.

Общие требования к оформлению статьи

Авторы присылают в редколлегию выверенную ими рукопись статьи. Объем статьи доктора наук не должен превышать 1 а. л. = 40 тыс. знаков (с пробелами и учетом всех сносок и всех метаданных), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм составляет 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Объем статьи кандидата наук – не более 0,7 а. л., аспирантов и соискателей – не более 0,5 а. л. Объем сообщений, рецензий и других подобных материалов – до 12 тыс. знаков.

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после индивидуального согласования с ответственным редактором выпуска.

Материалы подаются в электронном виде в формате текстового редактора Word (расширение .doc, .docx или .rtf), шрифт Times New Roman, кегль 12, интервал 1. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы (внизу справа).

Обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.ttf).

Подробно с требованиями к оформлению текстов можно ознакомиться на официальном сайте издания: <https://nguhist.elpub.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>.

Все файлы необходимо загружать на официальный сайт журнала (<https://nguhist.elpub.ru/jour/index>), зарегистрировавшись в качестве автора, в соответствии с приведенной на сайте инструкцией. Там же можно ознакомиться с последними опубликованными номерами журнала.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии
выпуска «Филология»

Новосибирский государственный университет,
ауд. 1260 нового учебного корпуса
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: philology@vestnik.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 11227 в каталоге «Пресса России»

Список замеченных опечаток / List of Typos

В т. 20, № 9 за 2021 г. на с. 55 вместо «Institute of History» следует читать «Institute of Philology».

In vol. 20, no. 9 (2021) at the page 55 read “Institute of Philology” instead of “Institute of History”.